ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 51 ДЕКАБРЬ 1986

МАРШАЛ ЖУКОВ

ПРИЧИНЫ ЧУДЕС

ИЗ ПОЭМЫ ЦВЕТАЕВОЙ

ВОЗРОЖДЕННЫЕ ШЕДЕВРЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 51 (3100)

20—27 ДЕКАБРЯ

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 01.12.86. Подписано к печати 16.12.86. А 00774. Формат 70×108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 485 000 экз. Изд. № 3159. Заказ № 4075.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

45 ЛЕТ НАЗАД ПОД МОСКВОЙ БЫЛИ РАЗГРОМЛЕНЫ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИЕ ПОЛЧИЩА. ЛИНИЯ ОБОРОНЫ СТАЛА ТРАССОЙ ВСЕСОЮЗНОГО АВТОРАЛЛИ «ПАМЯТЬ».

ПАМЯТЬ

На табло компьютера, установленного в машине, плясали цифры, высвечивая пройденные метры и километры. Их отсчет начался пятого декабря в 19.30, когда со стадиона «Сокольники» стартовали Данилов и Байков. За ними ушли на трассу остальные участники автоРалли «Память», проводимого в рамках Марша мира «Я голосую за мир» и посвященного павшим в битве под Москвой в годы Великой Отечественной войны. Его организаторы — ЦК ДОСААФ и секция автоспорта «Сокольники» — наметили трассу вдоль линии обороны Москвы декабря 1941 года. И потому участники выполняли почетную миссию — возлагали венки к Мавзолею В. И. Ленина, к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены, к солдатским памятникам сорок первого, ставшим вехами трассы раллистов.

И, конечно, была гонка — азартная, острая, и вели ее лучшие мастера страны. Почти пятьсот машин из шестидесяти двух городов вышли на старт «Памяти», в каждой из машин — свой маленький коллектив, свой микроклимат, свой экипаж.

Гонка... Средняя скорость — сто шестьдесят два километра в час, а на прямых участках все двести. И коварные виражи мчатся навстречу машине один за другим, и ждут своей очереди трамплины и канавы. Все это трасса, по которой надо пройти умело и четко, — восемьсот пятьдесят километров, шестнадцать скоростных участков.

...Экипаж Валерия Филимонова и Михаила Девеля, выступавших за команду АЗЛК, шел уверенно — у них первое место в личном зачете. Вторыми пришли к финишу зиловские гонщики Вячеслав Данилов и Юрий Байков, третьими — Штыков и Колобаев с АЗЛК. Все они из сборной Советского Союза по автоспорту... Кто-то выиграл, кто-то проиграл, но каждый посвятил эти дни Памяти.

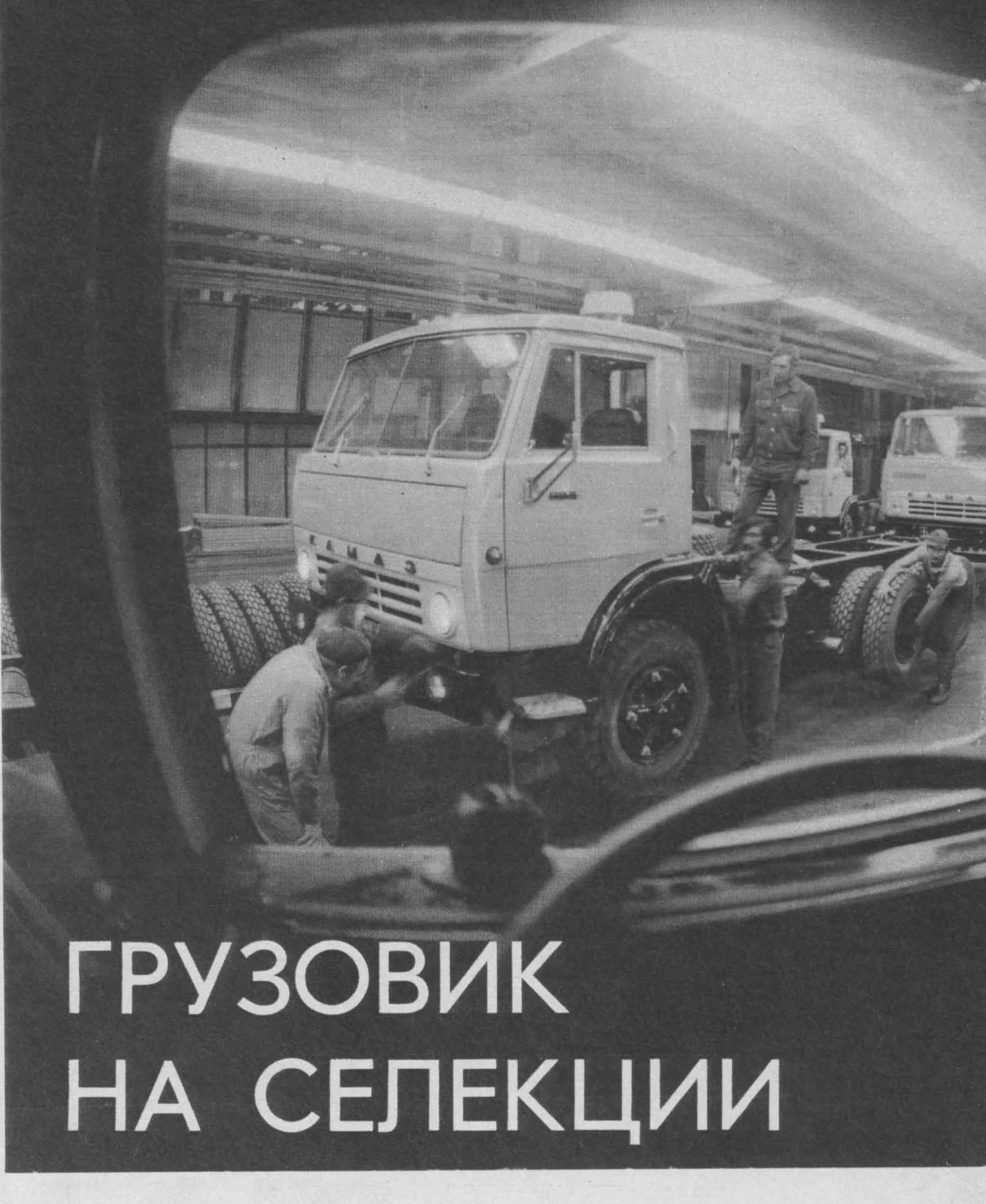
М. ЯХОНТОВА
Фото А. БОЙЦОВА и А. ГУРЕВИЧА

событие недели

Второй раз в этом году в городе автомобилестроителей на Каме праздник. В сентябре с конвейера сборочного завода сошел 750-тысячный большегрузный автомобиль. И вот из Брежнева пришла еще одна добрая весть: 13 декабря изготовлен миллионный дизельный двигатель. Каждый из них сберегает народному хозяйству тонны и тонны бензина.

Но будни КамАЗа—это еще и сложные проблемы, которые нужно решить в ходе перестройки. Об этом ведет разговор в публикуемом нами интервью главный конструктор Камского ордена Ленина объединения по производству большегрузных автомобилей Рамиль Абдреевич АЗАМАТОВ.

Оказывается, расходы на один автомобиль к концу срока эксплуатации в 10—12 раз превышают его стоимость. Третья часть станочного парка страны занята изготовлением запасных частей, на их восстановление расходуется пятая часть ежегодно выплавляемого металла, а расходы на восстановление машинного парка страны составляют миллиарды рублей ежегодно. Болезнь эта у нас старая, и потому, когда задумывалось строительство производственного автообъединения в Набережных Челнах, предполагалось, что КамАЗы будут избавлены от нее. Но на сегодняшний день далеко не все машины, выпускаемые предприятием, вырабатывают обещанный ресурс — 300 тысяч километров пробега до капитального ремонта, хотя в отдельных случаях превышают его на пятьдесят процентов.

ГРУЗОВИК НА СЕЛЕКЦИИ

Юрий СУРХАЙХАНОВ, специальный корреспондент «Огонька»

КамАЗ не только молодой автомобиль, но и перспективный. Может быть, не столько благодаря своим технологическим и конструкторским традициям, сколько благодаря не реализованным еще возможностям инженерной мысли, которая порой пребывает под спудом, хотя должна немедленно воплощаться в металле. Этого требует один из главнейших принципов перестройки промышленности, выход на уровень мировых образцов продукции и выше.

Но вот что сказал в начале нашей беседы **Рамиль Абдреевич АЗАМАТОВ:**

— Если исходить из того хорошего, что есть в наших автомобилях, то они практически не уступают лучшим образцам зарубежной техники, но пятнадцати-двадцатилетней давности...

— То есть проблема создания конкурентоспособного автомобиля сводится к преодолению временного барьера... Однако КамАЗы сходят с конвейера уже десять лет! Пусть базовая модель 1976 года была далека от совершенства, но ведь в эти годы вы, конструкторы, работали...

— Работали. И даже разрыв временной с лучшими образцами сократился. Но, скажу откровенно, не намного. Конкуренты наши тоже работают, и небезуспешно... Посмотрите, что происходит: на создание новой модели от замысла до постановки ее на конвейер требуется восемь лет. Многовато, не правда ли? Но это не беда, а дело в том, что на создание опытного образца и затем опытной партии времени уходит меньше, чем на ее изучение и доводку конструкции до серийного образца. И это было бы полбеды. Беда в том, что по прошествии восьми лет изучения новой модели наши знания о машине не превышают двадцати процентов. Происходит это потому, что в нашем распоряжении нет наисовременнейших испытательных стендов и полигонов. «Белые пятна» сокращаются медленно: наши инженеры выезжают на места, следят за поведением автомобиля в разных климатических условиях, но ведь какие-то непредвиденные факторы вскрываются в первый же год, а другие — через пять — десять и более лет.

— Значит, только по прошествии довольно внушительного срока с конвейера начинают сходить совершенные автомобили?

— Если весь этот срок выпускать одну модель. Но есть и другой путь: конструкторам нужны средства и методы для ускоренного изучения новых моделей.

С этими словами Рамиль Абдреевич положил на стол стопку красных папок. На верхней я прочел: «КамАЗ. Программа «Качество». Здесь я прерву нашу беседу с главным конструктором и постараюсь доступными средствами показать содержание этой программы, в результате которой автомобили Камского объединения смогут конкурировать с лучшими мировыми образцами. Пример, на который я сошлюсь, только на первый взгляд может показаться очень уж отдаленным от области техники.

Селекционерам, создающим новые, высококачественные сорта пшеницы, в принципе нетрудно получить гибрид с предполагаемыми свойствами, как и конструкторам создать новую модель. Но для того, чтобы гибрид стал новым сортом, необходимо убедиться, что он обладает заданными достоинствами. И здесь большая часть времени, как и при создании автомобиля, уходит именно на испытания: десять — двенадцать лет. Не очень давно этот процесс для селекционеров упростился, они получили мощное средство ускорения — станции искусственного климата, их еще называют «климатрон», «фитотрон». В них, выращивая пшеницу, можно не только получать несколько урожаев в год, что само по себе ускоряет процесс селекции, но и выращивать ее в заданных условиях: в климатроне можно устраивать суховеи, заморозки, менять химический состав почвы, дозировать атмосферные осадки, устраивать полярный день. Несколько лет назад мне довелось писать о таком климатроне репортаж. Помнится, я назвал его «Полигон для растений» и сравнивал станцию искусственного климата с полигоном, где испытываются новые модели автомобилей. Селекционеры не возражали против такого сравнения.

В программе «Качество», с которой меня в деталях познакомил Рамиль Абдреевич, ставится задача создания испытательной базы, которая по своему назначению и принципу работы сродни климатрону и где можно заняться интенсивной «селекцией» грузового автомобиля. Полигон, где «гоняют» автомоби-

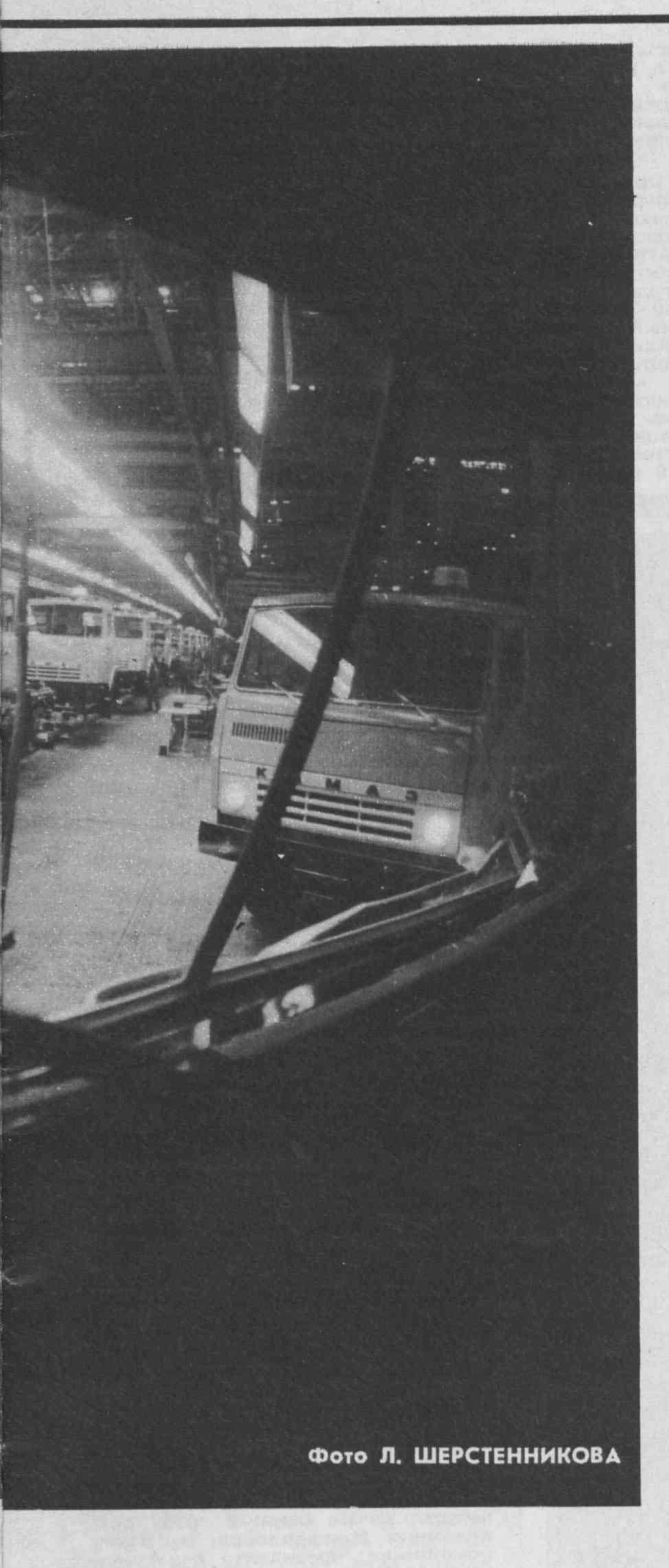

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

ли пробной серии до их полного изнеможения, при этом не отменяется. Но в придачу к нему создается стендовая база. Это, по сути, лаборатория, где на специальных установках ведется испытание всех узлов автомобиля, но по отдельности. Такой метод дает резкое сокращение сроков изучения агрегатов, из которых состоит автомобиль: мотор, шасси, трансмиссия, коробка перемены передач... Если в традиционных условиях на изучение той же коробки передач требуется десять лет, то на стенде достаточно сорока часов. Ускорение темпов обкатки опытных образцов позволяет смелее экспериментировать. Возьмем только один пример, и все станет ясно. Грузовик КамАЗ состоит из 100 000 деталей. Замена марки металла в одной из них на более дешевую или композиционный материал может привести вместо ожидаемого конструкторами экономического эффекта к значительным потерям. А с помощью стенда можно в короткий срок перебрать десятки и сотни вариантов в поисках оптимального.

— Введение стендовой обкатки,— говорит Рамиль Абдреевич,— с использованием самой передовой микропроцессорной техники сократит сроки разработки и освоения новой техники в три-четыре раза. И к моменту постановки новой модели на конвейер она будет изучена на восемьдесят пять процентов. Вот тогда мы сможем создавать конкурентоспособные грузовики КамАЗ. Наше объединение производит восемь моделей и их модификаций. До конца текущей пятилетки, до 1990 года, мы их заменим на шестнадцать новых, уже конкурентоспособных моделей, тоже с модификациями. Они у нас уже в «портфеле», в разной стадии разработки, от незавершенных чертежей до опытных образцов, ждут только испытаний по новой методике. Стендовую базу мы уже создаем и скоро завершим это мероприятие.

— Чем они будут отличаться от уже существующих, в чем выразится их конкурентоспособность?

— Во-первых, и это, пожалуй, главное, повысится надежность, что приведет к значительной экономии затрат на их содержание и ремонт. Снизим собственный вес автомобиля — одни модели «похудеют» на сто пятьдесят килограммов, а некоторые и до тонны сбросят. При этом топливная экономичность новых грузовиков возрастет процентов на тринадцать. Так что и на экспорт они пойдут хорошо, и союзный потребитель будет доволен. Причем все эти задачи мы выполним на имеющемся техническом оборудовании наших заводов.

— А какие есть гарантии, что все это будет воплощено в жизнь без изъянов, без последующей корректировки?

— Такие гарантии должна давать госприемка. Я считаю, что мы к ней довольно серьезно подготовились. Служба ОТК выведена с заводов и преобразована в Управление контроля качества и находится в подчинении заместителя Генерального директора объединения, уже никто не сможет давить на контролеров ни планом, ни рублем, это будет настоящая ответственность за качество. Нам придется трудно, но это и выгодно: конструктор заинтересован в соблюдении технологической дисциплины производством.

— Для решения проблемы конкурентоспособности вы создали научно-конструкторский центр, в который входит и создаваемая стендовая база. По сути, это получается целый институт... Я клоню вот к чему: можно ли ожидать от КамАЗа каких-то шагов, опережающих наших конкурентов — западные автомобилестроительные фирмы? Давайте в нашем разговоре идти до конца, во всяком случае до того предела, где исчерпываются, скажем так, обозреваемые невооруженным взглядом возможности вашего вновь созданного Центра.

— К 1990 году у нас будет готова к серийному производству сверхновая модель, опережающая мировой технический уровень в автомобилестроении. Подробно о ней сейчас говорить еще нельзя не потому, что это чистейшей воды «прожект», нет, мы можем кое-что показать и дать потрогать руками... Но, извините, это секрет нашей фирмы. В общих чертах могу сообщить: наш автомобиль будет оснащен элементами микропроцессорной техники, собственно, уже имеющиеся модели начинают обрастать электроникой. Компьютер, например, будет, учитывая вес автомобиля и характер дороги, находить такую «зону» работы двигателя, чтобы расход топлива был минимальным. Включение передач, торможение будут осуществляться также компьютером, который станет ненавязчивым помощником водителя. Пока этих сведений достаточно. А крупносерийное производство сверхновой модели начнется в 1996 году.

— То есть через пять-шесть лет после того, как вы завершите над ним работу. Но ведь она может за этот срок устареть, почему бы не запустить ее уже в девяностом году, раз уж она будет готова?

— Дело в том, что расчетный срок службы оборудования, которым оснащены наши заводы,— двадцать лет, как раз до 1996 года. Хотя это высокопроизводительное автоматизированное оборудование — уровень автоматизации у нас очень высок, восемьдесят процентов,— но перепрограммировать его на выпуск резко отличающейся продукции нельзя. Поэтому сверхновой модели потребуются качественно другие станки, прессы, сварочные агрегаты... А «выбросить» нынешнее оборудование за несколько лет до истечения срока его службы экономически нецелесообразно — ведь в этом случае (мы все подсчитали) даже стоимость автомобиля подскочит более чем в два раза. И, наконец, этого не следует делать еще и потому, что мы гарантируем выпуск конкурентоспособных машин на имеющемся оборудовании уже в этой пятилетке.

— Известно, что гибкие автоматизированные производства (ГАП) выгодно применять при выпуске мелкосерийной наукоемкой продукции. Почему бы на КамАЗе не организовать такое производство сверхновых моделей, пусть в небольшом количестве. Даже если эти машины будут дороже, покупатель найдется, ведь благодаря их высокой надежности он значительно сэкономит на ремонте и содержании машины. И модель ваша тогда не устареет за пять лет, что пройдут до смены оборудования, ведь она будет эксплуатироваться, что даст возможность конструкторам еще поработать над ней.

— Вы полностью угадали эту часть нашего плана, а к созданию гибкого автоматизированного производства мы уже практически приступили.

* * *

Вот на какую высоту поднялась планка к концу нашей беседы с главным конструктором КамАЗа. Но не дает покоя увиденное и услышанное по соседству с КамАЗом, в Елабуге. Это маленький старинный симпатичный городок на противоположном от Брежнева берегу Камы. Сейчас его название стало встречаться в печати в связи с разворачивающимся здесь строительством тракторного завода — КамТЗ. Писал об этом и «Огонек».

На строительные площадки будущего гиганта нас возил начальник управления «Тракторзаводстрой» Станислав Петрович Рекунов. Это человек больших знаний и опыта в области крупномасштабного строительства. У него пока не хватает людей. Потому что те, кто строил КамАЗ и город автостроителей, прочно осели в новых квартирах Брежнева, от которого хотя и рукой подать до Елабуги, но строителям и дома работы хватает — численность населения в автограде растет непредсказуемыми темпами и уже составила 470 тысяч жителей. Из других районов страны сюда не едут, потому что плохо информированы о большой стройке. Есть у Рекунова и другие трудности — с технико-экономическими обоснованиями, проектной документацией, которая запаздывает от проектировщиков, но эти трудности преходящи... Не от избытка оптимизма с легкостью пишу эти строки, а от уверенности, исторической, я бы сказал, ведь если уж у нас решили какой-нибудь гигант построить, построят! К тому же строители треста «Камгэсэнергострой», в который входит управление, строящее КамТЗ, делом доказали, что в своей области они достигли высокого уровня.

Трудно сейчас представить, какой станет «новая» Елабуга. Одно можно утверждать: заводы КамТЗ — это зеркальное отражение объединения КамАЗ во всех отношениях, начиная от внешнего вида и кончая производственной структурой. И одно то, что возникает «эффект зеркала», уже плохо, потому что вместе с достоинствами зеркало удваивает и недостатки.

Когда мы приехали на очередную стройплощадку, Станислав Петрович пояснил: «Здесь будет литейный завод». Я спросил его: «Но ведь такой завод уже есть у КамАЗа, разве он не сможет в рамках кооперации обеспечивать тракторный литьем?» Подумав, Рекунов ответил: «Если наладить двух-трехсменную работу... Но ведь разные ведомства». Этим сказано все! А ведь строится еще станкоинструментальный завод, аналогичный тому, что имеется на КамАЗе. Самое интересное, что вводиться в эксплуатацию КамТЗ будет постепенно, и выпуск тракторов здесь наладят чуть ли не в последнюю очередь, а начнет он работу с выпуска каких-то узлов трактора и навесных орудий к нему. А трактор пока будут собирать в Липецке...

Возможно, я сейчас ошибусь в чем-то... Но в порядке обсуждения Совету главных конструкторов, созданному при Госстандарте СССР, и другим заинтересованным организациям нельзя ли предложить следующее: трехсменная загрузка предприятий, межзаводская кооперация, преодоление ведомственных барьеров (в нашем случае между Минавтопромом и Минсельхозмашем) — все это требования сегодняшнего дня, они определяют темп ускорения. Что, если часть площадей и производственных мощностей КамТЗ предоставить под выпуск перспективных моделей КамАЗа, например, двухосного дизельного грузовика, которого до сих пор нет у ГАЗа, и пока ЗИЛ не наладил серийного производства. КамАЗ же будет поставлять литье и инструменталку Камскому тракторному, тем самым высвободив и людей, и площади. Ведь чем отличается автомобиль от колесного трактора? Когда машина завязнет в распутицу, ее вытаскивают трактором... Но КамАЗ — такая машина, что и сама трактор вытащит.

Александр ПАЛЛАДИН

ШКАТУЛОЧНЫЙ СКАНДАЛ

24 ноября в Сан-Диего (штат Калифорния) завершился судебный процесс над бывшим военным моряком Педро Кито и супругами Уилер. Вместе с семью сообщниками они были уличены в контрабанде оружия. Подобным бизнесом за океаном промышляют многие, и при иных обстоятельствах суд над упомянутой троицей не удостоился бы и строки в уголовной хронике. Кито же с преступной четой стали героями дня. Весть о вынесенном им приговоре: год тюрьмы отставнику ВМС США и по паре лет каждому из супругов — вмиг разнеслась по стране, ибо перекликалась с другим скандалом того же рода, но иного размаха и с иными, куда более важными персонажами.

Речь, как читатель, верно, уже догадался, пойдет об «ирангейте». Так, с присущей ей страстью к броским названиям, пресса Соединенных Штатов окрестила скандал из-за ставшей недавно достоянием гласности операции по тайным поставкам оружия в Иран. Об этом—мой главный сказ, но прежде покончим с делом Кито и Уилеров.

Они тоже попались на незаконных перебросках военного снаряжения, предназначавшегося для Ирана, причем снаряжения краденого. Орудуя в противоположных концах США (Уилеры — на восточном побережье, Кито — на западном), сообщники в течение пяти с лишним лет похищали запчасти к истребителям Ф-14 и под видом медицинского оборудования переправляли «заказчику» — иранскому представителю в Англии Саиду Асефи Инанлу. В прошлом году их преступная деятельность была, наконец, пресечена, о чем ФБР с помпой известило сограждан.

В ту пору я работал собкором «Известий» в Вашингтоне и помню, как по сему случаю вознегодовала местная пресса, привыкшая подпевать Белому дому. «Мерзавцы, предатели!» — неслось в адрес незадачливых контрабандистов, виновных, с точки зрения американских властей, в сговоре со злейшим врагом США — иранским правительством. Разве не режим Хомейни нанес неслыханное оскорбление самой могущественной державе Запада, 444 дня продержав в заложниках ее дипломатов в Иране? И разве не Тегеран объявил Соединенным Штатам священную войну — «джихад», уподобив Америку «великому сатане»?.. Осыпая подобными стрелами Кито и его компаньонов, вашингтонская пропаганда на деле метила — и без промаха попадала — в души тех соотечественников, кто приучен заводиться с пол-оборота ключа по имени шовинизм.

Оказалось же (добавлю — в который уж раз), что, изображая праведный гнев, администрация Рейгана поминала патриотизм, национальные интересы и честь всуе. Проще говоря — лицемерила. Ибо в те самые дни, когда Кито и К° были преданы анафеме и суду, Белый дом затеял схожую авантюру, но гораздо более крупных масштабов.

Началось все в июле 1985 года со встречи тогдашнего главы Совета национальной безопасности США Роберта Макфарлейна с высокопоставленным чиновником министерства иностранных дел Израиля Давидом Кимхе, который как нельзя лучше подходил для задуманного дела, так как тридцать лет прослужил в израильской разведке — «Моссад». Разговор шел без свидетелей, в лондонских апартаментах земляка и приятеля Кимхе — торговца оружием Якоба Нимруди. Обсуждали вопрос, представлявший обоюдный интерес: как упрочить негласные контакты с Ираном. Именно упрочить, а не завязать. По свидетельству раскопавшей эту историю «Уолл-стрит джорнэл», еще в 1981 году администрация Рейгана договорилась с тель-авивскими союзниками — само собой, тоже тайком,— чтобы те взялись пополнять иранские арсеналы по мере их истощения войной против Ирака. Взамен США обязались отблагодарить Израиль поставками равноценного по количеству, но лучшего по качеству оружия новейших образцов. (Уместно напомнить, что такое распределение ролей сложилось давно. И до Рейгана вашингтонские администрации пользовались услугами Тель-Авива, чтоб в обход американских законов поддерживать те или иные зарубежные режимы и группировки. При нынешнем президенте эта практика и вовсе вошла в норму, о чем, к примеру, свидетельствует посредничество израильтян между Белым домом и недавними правителями Гватемалы.)

Однако вернемся к хронологии «ирангейта», благо теперь ее нетрудно проследить по лавине сообщений из-за океана. Судя по дальнейшему развитию событий, в Лондон Макфарлейн съездил не зря. 14 сентября прошлого года в Иран прибыл битком набитый оружием самолет, зафрахтованный через подставных лиц Тель-Авивом. Через месяц тот же маршрут проделал второй воздушный «оруженосец». В январе года текущего Рейган подписал секретную директиву, «узаконив» махинации с экспортом оружия, противоречащие законам самих США. 28 мая Макфарлейн, к тому времени покинувший государственную службу, с ведома и одобрения Белого дома по подложным документам посетил Тегеран, где пытался войти в личный контакт с «умеренными» (то бишь проамерикански настроенными) местными деятелями. Засим, в начале июля и конце октября, последовали очередные поставки оружия по прежнему адресу.

Но не зря говорится, что рано или поздно все тайное становится явным. 3 ноября о словно спланированном по шпионским романам вояже Макфарлейна поведало одно из ливанских изданий. А назавтра сенсационную новость подтвердил председатель меджлиса Ирана Хашеми – Рафсанджани. Выступая перед коллегами-парламентариями, он красочно описал визит вашингтонского эмиссара, который прибыл в Тегеран в буквальном смысле во всеоружии — с тоннами военного снаряжения в багажном отделении самолета и с дюжиной «кольтов» в личный дар будущим собеседникам. Вдобавок Макфарлейн привез библию с собственноручно написанными Рейганом заверениями в лучших чувствах к Ирану, а также символ готовности Белого дома забыть старое и открыть новую главу в двусторонних отношениях — торт в форме ключа. Тем не менее, по словам Хашеми – Рафсанджани, Макфарлейн и его свита показались хозяевам известными по древнему мифу данайцами и получили от ворот поворот.

В версии высокопоставленного иранского представителя тоже не все до конца ясно, налицо ряд неувязок с тем, как последующие события излагает американская и западноевропейская пресса. Но одно по крайней мере бесспорно: выступление Хашеми – Рафсанджани породило в Соединенных Штатах скандал, который по аналогии с одним из литературных жанров в пору назвать шкатулочным.

Шкатулочными во времена средневековья именовались романы, которые, подобно матрешке, состояли из множества упрятанных друг в друга сюжетов. Эти сюжеты поначалу уводили повествование в разные стороны, но венчались общей развязкой.

Схожим образом выглядит «ирангейт». В нем тоже масса действующих лиц, туго закрученная интрига, лабиринт хитросплетений и ответвлений. И, как в упомянутых произведениях, многослойный сюжет, чьи «авторы», впрочем, в отличие от литераторов прошлого норовят запутать суть дела донельзя.

Отмежеваться от «ирангейта», даже если для этого требуется свалить вину на коллегу, норовят и высокопоставленные представители администрации США. «Это все затеял Макфарлейн»,— заявил глава аппарата сотрудников Белого дома Дональд Риган. Но с Макфарлейна взятки гладки — год назад он подал в отставку. Стало быть, нужен другой, более подходящий козел отпущения. И таковой объявился, да не один, а сразу два: преемник Макфарлейна на посту помощника президента по национальной безопасности—Джон Пойндекстер и служивший под его началом Оливер Норт. Оба теперь бывшие: первый на днях из Белого дома ушел «по собственному желанию», второго «ушли». По официальной, назойливо распространяемой версии, именно они — и только они — разрабатывали и осуществляли весь комплекс мероприятий, обернувшихся «ирангейтом».

Видимость правдоподобия этой версии придает следующее. Норт сопровождал Макфарлейна в его тайной миссии в Тегеран, а главное, стоял за идеей употребить выручку от поставок оружия Ирану на расширение необъявленной войны против Никарагуа. Пойндекстер же прослыл ярым поборником секретных операций еще с тех пор, как в 1983 году спланировал нападение на Гренаду.

Но поверить, что сложнейший механизм переброски крупных партий оружия с использованием целого ряда государств был якобы создан, приведен в действие и контролировался всего двумя вашингтонскими чиновниками, без участия и даже ведома других членов администрации?.. Звучит невероятно, хотя именно так пытается представить «ирангейт» Белый дом. Более того, американцам внушают, что Норт-де орудовал чуть ли не в одиночку, не ставя в известность о своих авантюрах даже Пойндекстера. А уж Рейган,

мол, и вовсе знать не знал ни о подобных делах, ни о том, кто их проворачивал...

Между тем факты — штука упрямая. Тот же Норт, например, на авансцене американской политики появился летом прошлого года, чему и я был очевидцем. Тогда стало известно о его соучастии в подрывной деятельности врагов сандинистской революции—«контрас». Оказалось, что сей ветеран «грязной войны» в Индокитае, отставной подполковник морской пехоты и любимец американских «ультра», игнорируя наложенный конгрессом запрет, наладил снабжение «контрас» разведданными и оружием. И тогда же заокеанская печать засвидетельствовала, что о такого рода замыслах и деяниях Норт регулярно докладывал главе Белого дома.

«В рейгановской пирамиде ценностей,— смотрит в корень проблемы вашингтонский обозреватель Ричард Коэн,— нет ничего важнее борьбы с коммунизмом. Если этой борьбе мешает закон — что ж, тем хуже для закона». Отсюда — тайные счета в швейцарских банках, через которые виновники «ирангейта», беря пример с мафиози, «отмывали» десятки миллионов долларов, заработанных разжиганием ирано-иракского кровопролития, чтобы вновь пустить их в оборот, сея смерть в Никарагуа, Афганистане, Анголе. Отсюда же попустительство отъявленным антикоммунистам вроде отставных генералов Синглауба и Сикорда, которые в нарушение американских законов о нейтралитете ведут «частные войны» с патриотами молодых государств, строящими новое общество.

Впрочем, вольным, мягко говоря, обращением с законом отмечена политика нынешней администрации США и в сугубо домашних делах. Неспроста уже свыше ста ее представителей, включая министров, были заподозрены, а то и уличены в различных правонарушениях. Да и последняя смена караула в Белом доме сопровождалась весьма сомнительными обстоятельствами — кражей секретных бумаг, в коих излагалась стратегия борьбы предшественника Рейгана — Картера за свое переизбрание. Три года назад этот факт вызвал скандал, окрещенный «картергейтом» и во многом напоминающий «ирангейт».

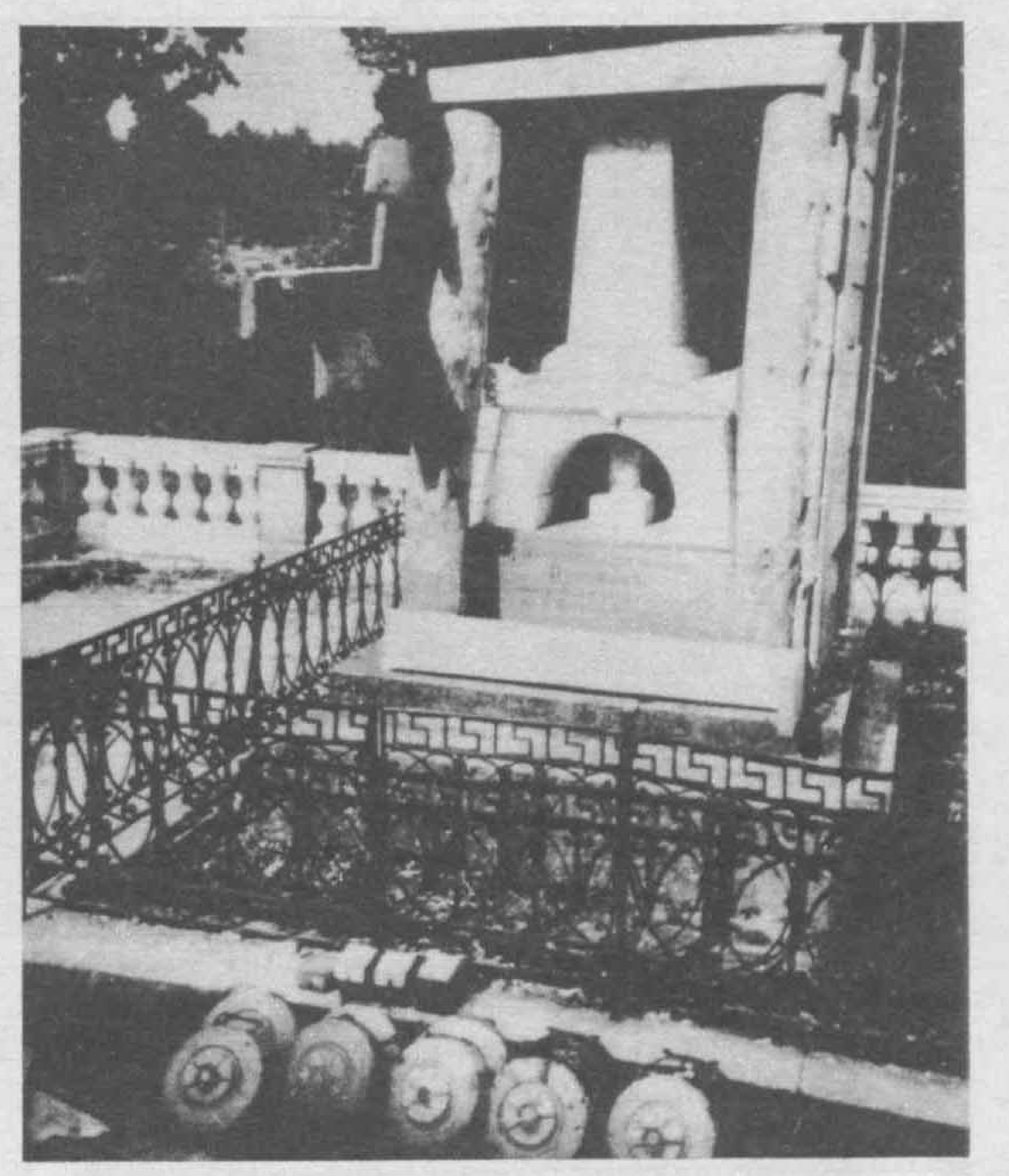
Как и сейчас, тогда глава Белого дома утверждал, будто не ведал, что натворили его подчиненные.

Кроме того, на благополучный для администрации Рейгана исход «картергейта» повлияла классовая солидарность, взявшая верх над узкопартийными интересами. Еще нагляднее это демонстрирует «ирангейт». Даже в преддверии новой президентской кампании стоящие в оппозиции демократы считают за благо «не раскачивать лодку», опасаясь повторения «уотергейта»: как бы, мол, новый скандал такого масштаба не пустил ко дну престиж американской «демократии» дома и за рубежом.

Словом, «ирангейт» вмещает множество постыдных историй: вмешательство в ирано-иракский конфликт, обман американской и мировой общественности, нарушение законодательства США и воли конгресса. Не зря сей скандал вызвал небывалый кризис доверия к администрации Рейгана, явно злоупотребившей долготерпением соотечественников.

Дни памяти Пушкина

10 февраля 1987 года исполняется 150 лет со дня гибели А. С. Пушкина. С этого номера «Огонек» начинает публикацию пушкинских материалов

Мины, извлеченные из могильного холма Пушкина.

Фото Г. Санько

МИНЫ У ОБЕЛИСКА

Кажется, о Пушкине мы знаем все. Есть книги, повествующие о жизни поэта день за днем. Почти по минутам расписаны последние часы Пушкина перед роковой дуэлью 10 февраля 1837 года. Прочтены и расшифрованы все рукописи Пушкина. Даже густо зачеркнутые им слова черновиков восстановлены с помощью новейших технических средств. Изданы его письма, записи, документы, скрепленные его подписью.

Но знаем ли мы, как защищали память Пушкина ценой жизни более сорока лет назад?

...Стояло лето 1944 года. На победном пути наших войск лежали Михайловское, Тригорское, Святогорский монастырь, маленький бревенчатый домик няни. Гитлеровцы по бревнышку растаскали этот домик на постройку блиндажей. И еще: на каждом шагу — мины.

После освобождения взвод саперов приступил к разминированию Святогорского монастыря. Солдатам было тогда по 18—20 лет. Мины уносили от пушкинской могилы: часть из них взорвалась в руках воинов...

В стороне от могилы Пушкина, у Святогорского монастыря начертаны их имена:

Кононов Владимир Павлович — командир взвода;

Покидов Сергей Егорович — командир взвода;

Казаков Михаил Андреевич — старшина роты;

Колебаров Иван Андреевич — командир отделения;

Акулов Николай Осипович — командир отделения;

Козлов Егор Иванович — рядовой;

Травин Иван Федорович — рядовой;

Трепов Виталий Сергеевич — рядовой.

Имена эти рядом с Пушкиным.

Недавно мне пришло волнующее письмо из Избеби, далекой деревеньки, затерявшейся в Чувашии.

«...Я краевед, историк-любитель, чту Пушкина, носил с собой (в вещевом солдатском мешке) на фронте книгу со стихами поэта, читал солдатам «Цыган» в перерывах между боями. Это было в 1943—1944 годах. Был я рядовым солдатом-связистом.

В каких книгах можно прочесть о подвиге восьмерых воинов-саперов, спасших ценой жизни могилу поэта? Бурмистров Владимир Михайлович».

К сожалению, нет еще таких книг. И все-таки кто же был тот, что сохранил, уберег для нас такой ценой пушкинское надгробье?

Михаил Андреевич Казаков, 1920 года рождения.

Я собрала рассказы родных и знакомых Михаила.

М. А. Казаков.

Часто в тесном кругу на Воронцовской улице в Москве, где он жил, Михаил пел под перезвон гитары пушкинские романсы: «Я помню чудное мгновенье», «Я вас любил...». Как он любил семиструнную!

На сцене Дворца культуры Московского автозавода ставили «Маленькие трагедии» Пушкина. Миша играл Моцарта: «...Гений и злодейство, две вещи несовместные...» Эти слова произносились им так убедительно, так вдохновенно, что зрители верили: добро для Миши превыше всего на свете. И он это доказал в жизни.

Чистота и целеустремленность, решительность и честность — то была печать поколения молодежи времен Великой Отечественной...

Предком Михаила был выдающийся зодчий — Матвей Казаков: Московский университет, Колонный зал, Первая Градская больница, здание Сената в Кремле... В семье Миши Казакова долгое время хранились старинные картины, гравюры, редкие книги по архитектуре...

Когда не так давно на ЗИЛе я расспрашивала о герое, там были несколько озадачены. Имя Михаила Казакова ничего не говорило здесь. Потом все-таки докопались: Михаил Андреевич Казаков, молодой рабочий арматурного цеха, пропал без вести в 1944 году. Мало мы иногда знаем о своих героях...

Вот и второй из восьмерых — Владимир Павлович Кононов.

«Уважаемая тов. Бычкова!..— пишет В. Н. Федорова из Архангельска.— Кононов Владимир Павлович не только мой земляк-архангелогородец, но и мой товарищ по занятиям на детской воднотехнической станции (сейчас станция переименована в Клуб юных моряков, речников и полярников имени И. Д. Папанина).

Я знала Володю с 1934 по 1941 год, когда он был призван в Красную Армию. Занимаясь на станции парусным и моделестроительным делом, Володя получил права яхтенного рулевого, а затем капитана. В походах на парусных судах по Северной Двине Володя был в числе командного состава. Очень общительный, жизнерадостный, он уже юношей пользовался авторитетом среди товарищей.

Володя окончил 22-ю среднюю школу г. Архангельска, где теперь один из пионерских отрядов носит его имя.

В музее боевой славы Дворца пионеров хранятся его письма с фронта к маме. Мама Володи — Мария Алексеевна проживает в Архангельске».

Имена воинов, спасших могилу Пушкина, навсегда остались в памяти народа.

Мне представляется: всякий раз в торжестве Пушкинского праздника у Святогорского монастыря объявляется минута молчания. И в абсолютной тишине пусть прозвучат бессмертные имена героев-воинов, отдавших свои молодые жизни за Пушкина, его память и поэзию. Это будет справедливо.

А. БЫЧКОВА

Александр МИЛЬЧАКОВ

КОЛБАСНЫЙ МИРАЖ

КАДРЫ: ЦЕНА БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ

В сентябре нынешнего года в городе Волоколамске Московской области государственная комиссия приняла в эксплуатацию законченный строительством и действующий завод по производству полукопченой колбасы. Как явствует из акта госкомиссии, объект принят с оценкой «хорошо»: акт подписан членами государственной комиссии во главе с председателем Волоколамского райпотребсоюза Н. С. Стасюком.

В октябре прибывшая из Москвы еще одна комиссия, возглавляемая ответственным работником «Росглавкооппрома» А. Ф. Барановым, пришла к заключению (цитируем документ):

«При осмотре объекта оказалось, что технологическое оборудование не расконсервировано, не установлено и не подключено, оборудование не работало ни одного часа на холостом ходу и под нагрузкой. Крышка шприца покрыта сплошной коррозией. Холодильное оборудование под нагрузкой не испытывалось. Инженерные внутренние системы не эксплуатировались. Весы разукомплектованы, а сам объект не эксплуатируется по причине отсутствия квалифицированного, обученного рабочего персонала».

Итак, предыдущий акт государственной комиссии о приемке в эксплуатацию нового действующего предприятия по производству колбасы просто-напросто фальшивка. Ни одного грамма колбасы в Волоколамске выпущено так и не было. А теперь зададимся вопросом: знало ли руководство «Центросоюза», инициатора постройки нового завода, о случившемся?

Сегодня мы можем сказать: знало.

Вот тому доказательства. Когда несколько дней спустя по Волоколамску поползли язвительные слухи об открытом надувательстве горожан, заместитель председателя правления «Центросоюза» Б. И. Гонтарь отдает распоряжение «выяснить степень виновности тов. Стасюка» в этой истории и обсудить случившееся на ближайшем заседании правления Московского областного союза потребительских обществ.

Прошло полтора месяца со дня отдачи распоряжения.

В конце ноября, точнее, 20-го числа того месяца, звоним товарищу Гонтарю и задаем ему вопрос: какие меры приняты, как наказан человек, рискнувший подписать липовый акт?

— Мы (на слове «мы» было сделано ударение) сняли Стасюка с работы. Подробности узнаете у заместителя председателя правления МОСПО Каримова.

И вот у телефона названное лицо.

— Стасюк?—безмятежно осведомляется собеседник на другом конце провода.— Что вы от него хотите? На нашем правлении мы (слово «мы» опять было выделено голосом) строго указали ему на недопущение впредь подобных фактов.

— Значит, виновный никакого наказания не понес?— осведомляемся у товарища Каримова.

— А за что? — недоуменный вопрос.— Мы не можем позволить себе разбрасываться опытными кадрами.

Слово «кадры» было произнесено в «Центросоюзе» впервые. В дальнейшем пытающемуся разобраться в ситуации, вернее, докопаться до истины журналисту было с нескрываемым раздражением выговорено. Его призвали к помощи в деле увеличения производства колбас в стране и ударение делалось на общем результате, как утверждалось, положительном, а отнюдь не на этом, мелком и не особенно заметном просчете.

Позволим себе оттолкнуться от этого «частного случая» для выяснения одной важной и все более назревшей не только в «Центросоюзе», но и во всей стране проблемы кадровой перестройки. «Опытный кадр», делающий просчеты, как мы в дальнейшем увидим, тысячные, миллионные,— так ли он ценен? Кому нужен его «опыт» и «знания»? Одно за другим разматывание клубка привело к весьма поучительным выводам гораздо более высокого, так сказать, «международного» порядка. Ведь заводы по производству колбасы были куплены за границей на валюту!

Теперь не так уж важно, кому первому из руководителей «Центросоюза»— ведомства, имеющего права зарубежных закупок,— пришла в голову мысль закупить автоматизированные заводы по производству полукопченой колбасы. Идея благородная, а суть ее — снабдить редким продуктом в избытке для начала жителей Москвы, ну а затем... Весьма скоро тот же коллектив мыслителей из указанной фирмы пришел к выводу о необходимости обеспечения колбасами не только столичных, но и жителей городов и весей всей страны. Предварительные подсчеты, будучи несложными, показали: таких предприятий понадобится для реализации идеи немногим поболее шестисот.

Сметная стоимость каждого завода — четыреста тысяч, а общая стоимость всех — около 240 миллионов рублей. Недешево, но чего не сделаешь ради желаемого.

Итак, решение было принято. Не мешкая, в «Центросоюзе» обговорили с фирмами-поставщиками все необходимые условия поставок, и с помощью внешнеторговых организаций — прямых связей у кооператоров пока нет — был заключен соответствующий контракт. Оставалось начать отсчет времени, и он, собственно, начался с весны этого года.

Подмосковные города,— кроме Волоколамска, еще Химки, Щелково — были выбраны одними из первых.

Как дела развивались далее? Позволим себе небольшое авторское отступление и поясним, что же такое задумали купить для производства колбасных изделий в наших условиях. Заводы, или, как называют их специалисты, «модули», не диковинка во многих зарубежных странах, хорошо они себя зарекомендовали в повседневной работе, наработана технология, но для человека, не посвященного в тонкости колбасного производства, выглядят прямо-таки сказочными. Да, в Москве на международных выставках, проводимых «Экспоцентром» Торгово-промышленной палаты СССР, многие такие заводы или же их действующие модели демонстрировались посетителям и специалистам и были оценены по достоинству.

По принятым в мировой практике нормам именно специалисты должны начинать то или иное дело и завершать его.

В нашем случае полагалось приобрести один, можно даже несколько заводов различных фирм, проверить зарубежное оборудование на отечественном сырье, притом не забывая, что наша технология производства колбас в определенных деталях расходится с принятой в других странах. Но мы помним: фирма-поставщик, как правило, прислушивается к пожеланиям покупателя и в своих же интересах старается их учитывать. Право, разнятся же условия севера Европы и юга американского континента! Лишь после тщательных и всесторонних испытаний, неизбежно возникших бы поправок и замечаний «Центросоюз», окончательно убедившийся в полезности такого рода сделки, мог бы приобретать всю партию заводов. И только тогда уплачивать народные деньги сполна.

Читатель вправе задать вопрос: ну, а если закупается не сотня мелких предприятий, а один завод-гигант по производству, скажем, автомобилей? Или крупнейшее машиностроительное предприятие? Тут мы сошлемся на вышесказанное о специалистах, мастерах своего дела, деньги которым зря не платят. Есть они у нас, есть, поверьте! Как бы привлекательно ни выглядело то или иное оборудование, как бы ни сверкал никелем и краской товар, не пристало просить завернуть фабрику, заводик, завод, комбинат без проверки и привязки к местным условиям.

В «Центросоюзе» уклонились от всего этого, не стали на длительный срок посылать за границу специалистов. Уж больно торопились рапортовать о собственных успехах, вскружившись голову чуть раньше положенного срока. Технологическое оборудование выглядело совсем несложным, а монтаж целого предприятия занимал всего-навсего пару месяцев. Сложившаяся практика была проигнорирована, а изобретенный самим «Центросоюзом» метод оказался вне досягаемости ведомств постарше кооператорской фирмы.

Суть «изобретения» проста, только цена ему больно высока. Деньги за заводы были выплачены целиком за всю еще пока не поставленную из-за рубежа партию. Без каких-либо испытаний, безо всяких проверок и уяснений метода и сути. Словом, рискнули... Безответственный риск, так дорого стоивший нашей стране в одном только этом году...

В феврале прошлого года деньги уплатили сполна. А едва настали летние деньки, командировали за рубеж делегацию ответственных работников «Центросоюза». Поручено было сим мужам высказать замечания фирмам-поставщикам, а все спорные вопросы, если таковые возникнут, решить на месте.

Таких вопросов почему-то не возникло. Так ли уж все было идеально и прекрасно с закупаемым товаром, неужто пригрезился кооператорам удачливый колбасный «контракт века».

Две недели провели ответственные работники «Центросоюза» за границей, стало быть, нашлось время и для посещения колбасного завода, предназначенного для Волоколамска и

десятка других городов. В тамошних условиях его компактность, удобство в обращении с автоматизированными линиями, вместительные холодильники, возможность легко смонтировать завод в любом райцентре, даже селе, снова показались столь привлекательными, притягательными и остро необходимыми, что...

Словом, делегация дружно подписала документ: осмотренное соответствует условиям контракта, и никаких серьезных претензий к поставщикам нет, за исключением незначительных замечаний. Без промедления фирмы-поставщики направили ящики с упакованным оборудованием в Советский Союз...

По возвращении руководитель делегации доложил о благополучных результатах миссии. К тому времени решили первые предприятия смонтировать совсем рядом с Москвой — на станции Сходня, в Химках и в Щелковском районе, затем в Волоколамске. Тут не только жителей столицы и Подмосковья можно побаловать «деликатесной полукопченой», а и пускаемым первым заводам уделить особое внимание. Лишь изредка червь сомнения тревожил работников «Центросоюза»: 240 миллионов — деньги немалые, вдруг что-нибудь пойдет не так, как заранее нарисовано в воображении и позднее победно отражено в отчетах? Тогда никого не взволновал один из главных вопросов: а из чего, собственно, делать эту самую полукопченую? Расчет шел тем не менее на собственное сырье.

До сих пор остается загадкой, почему начальник «Главкоопзаготторга» Валерий Михайлович Синяков, возглавивший делегацию «Центросоюза» за рубеж в июне прошлого года, не счел нужным провести испытания импортного оборудования хотя бы на одном из шестисот закупленных заводов в отечественных (а не зарубежных!) условиях, на отечественном сырье, в соответствии с принятой в СССР технологией производства колбас? То ли потому, что очень спешил доложить высокому руководству об успешно завершаемой, молниеносно проведенной торговой сделке, призванной внести существенный вклад в развитие Продовольственной программы, то ли потому, что элементарного инженерного образования до сих пор не имеет и в пищевом оборудовании, равно как и в технологии переработки мясных продуктов, разбирается слабо. Ныне руководство «Центросоюза» уверяет, будто он организатор в общем-то неплохой, человек весьма энергичный, словом, из тех кадров, какими не разбрасываются.

Весьма и весьма знакомо.

Если так, что же делал этот «энергичный» руководитель в течение двух недель, пока осматривал за рубежом покупаемые для нашей страны заводы? Вникал в суть дела? Существенные исправления вносил? Обладал даром предвидения? Если нет, почему не посчитал нужным включить в делегацию опытного инженера-практика, способного объективно оценить особенности оборудования? Последствия, естественно, не замедлили сказаться. Уже через несколько месяцев работы колбасных заводов на станции Сходня и в Щелковском районе обнаружилось, что важнейшие узлы и механизмы импортного технологического оборудования подлежат немедленной замене, так как к дальнейшему использованию в наших производственных условиях непригодны. В Щелково и на Сходню срочно были вызваны эксперты Торгово-промышленной палаты Москвы для составления официального акта. О том, что произошло, рассказал, цитируя акты, начальник бюро экспертиз промышленного оборудования Торгово-промышленной палаты Москвы Петр Михайлович Михайлов. Приводим его рассказ полностью таким, каким он был записан на диктофон.

«В июле текущего года по заявке Московского областного союза потребительских обществ силами Торгово-промышленной палаты Москвы проведены экспертизы двух заводов по переработке мяса на полукопченые колбасы и мясопродукты. Одно из этих предприятий расположено в Щелковском районе и введено в эксплуатацию в ноябре 1985 года, другое — в районе Сходни работает с февраля 1986 года. В процессе эксплуатации этих заводов выявлены существенные недостатки как в холодильном, так и в технологическом оборудовании, что чрезвычайно затрудняет или даже исключает возможность его использования. Это и побудило Московский областной союз потребительских обществ обратиться в Торгово-промышленную палату Москвы за помощью.

Экспертизами установлено: многие механизмы и устройства для переработки мяса, рабочие поверхности которых соприкасаются с обрабатываемым сырьем, изготовлены из черных металлов и не имеют антикоррозийных покрытий, что приводит к образованию и попаданию в пищевые продукты ржавчины.

Установлено также, что оборудование имеет дефекты конструктивного и производственного характера, низкую эксплуатационную надежность ряда важных узлов и агрегатов. В составе заводов отсутствует механизация трудоемких операций, что сказывается на производительности. Конструкция валов фаршемешалки не обеспечивает перемешивания заданной массы, около 30 процентов фарша выбрасывается на пол.

Расположение рабочих органов шприцов по высоте затрудняет работу фасовщиц колбасных изделий, и потому приходится использовать различного рода подставки, ящики, табуретки, что очень неудобно для работниц и противоречит правилам техники безопасности. Снабжение горячей водой не обеспечивает санитарной обработки технологического оборудования и уборки помещений — это объясняется недостаточной мощностью трубчатых электронагревателей. Охладительные моноблоки не обеспечивают заданные температурные режимы в холодильных камерах.

Разумеется, устранение всех этих недостатков потребует значительных материальных и трудовых затрат, длительного простоя оборудования, и в результате население страны недополучит мясных продуктов на многие миллионы рублей. При этом надо учесть, что таких комплектных заводов закуплено не единицы, не десятки, а сотни. Кстати, квалифицированных кадров для этих предприятий «Центросоюз» заблаговременно не подготовил, что непременно скажется в будущем.

Этих потерь могло не быть, если бы представители «Центросоюза» своевременно более глубоко и профессионально подошли к решению поставленных перед ними задач. Можно не сомневаться, что каждый из этих представителей при покупке лично для себя в магазине обычной лампочки накаливания потребует ее проверки. Как же могло случиться, что при заключении такой крупномасштабной торговой сделки не было предварительно проведено испытание закупаемых образцов оборудования на отечественном сырье и по существующей в нашей стране технологии производства предполагаемых видов продукции?..»

По-моему, сказано верно и точно. А теперь еще раз зададимся вопросом: мог ли все-таки начальник главка В. М. Синяков заметить все дефекты закупаемого оборудования там, за границей, куда его посылали специально? Да, Валерий Михайлович просто обязан был заметить дефекты оборудования, о которых шла речь, хотя бы потому, что они заметны невооруженным глазом. Рабочие поверхности мясоперерабатывающего оборудования, например, соприкасающиеся с сырым мясом, делаются по нашей технологии из нержавеющих металлов.

Специалист-практик хорошо знает, что за границей две породы свиней — выводят жирную и нежирную. И перерабатываются они по-разному. У нас порода преимущественно жирная, что существенно осложняет дело при использовании большинства импортного оборудования.

Специалист обратит внимание и на высоту расположения механизмов и узлов, различных тумблеров и переключателей, автоматических линий, ведь за рубежом на колбасных заводах работают мужчины, а у нас — женщины. Отсюда неудобства в обслуживании, в качестве подставок идет какая попало тара. Перемороженное мясо, почти лед, на которое совершенно не рассчитаны резаки заграничных заводов... Так называемое охлажденное мясо, а попросту сырое,— это продукция индивидуальных производителей, в расчете на которых и проектировались, и работают во многих странах такие заводы. Лишь один член делегации, заместитель начальника главка «Центросоюза» Г. Д. Америков, уже в Москве высказался против «неверного и неквалифицированного решения вопроса о ликвидации недостатков оборудования, отрицательно влияющих на технологию производства и эксплуатацию купленных заводов в условиях нашей страны». «Зарубежная технология выработки колбасных изделий неприемлема для применения в СССР»,— считал товарищ Америков. И требовал немедленного создания специальной комиссии с участием Минздрава СССР и ВНИИ мясной промышленности. Он предостерегал, пока не поздно, отказаться от транспортировки в СССР еще одной крупной партии колбасных заводов. Удостоило ли руководство «Центросоюза» эти замечания и призывы серьезным вниманием? Да нет, документы были положены под сукно, а у их автора, лица подчиненного, опустились руки.

И как же обстоят дела сегодня? В «Центросоюзе» уверяют, что все серьезнейшие просчеты, допущенные при покупке шестисот колбасных заводов, будут ликвидированы, а необходимые замены узлов и механизмов сделаны в соответствии с актами экспертизы. Простите, только где брать деньги на все эти переделки? Кто станет оплачивать вынужденные дополнительные расходы? Вопросы отнюдь не праздные.

Что и говорить, приведенные факты, безусловно, оскорбляют, ранят наше чувство хозяев страны уже одними многозначными цифрами убытков. Однако в сложившейся ситуации у руководства «Центросоюза» своя позиция, основанная на том, что потерь в таком важном деле все равно, мол, не избежать.

— Наша цель,— говорит председатель правления «Центросоюза» Михаил Петрович Трунов,— ускорить выполнение задач, поставленных Продовольственной программой! Мы купили шестьсот заводов — и они будут работать. Общими силами станем их дотягивать до нужного уровня. И потери тут, разумеется, могут случиться...

Однако потери потерям — рознь! Весь вопрос в том, что неоправданно высокие потери, происшедшие из-за некомпетентности отдельных лиц, в «Центросоюзе» пытаются выдать за неизбежные, закономерные. И о какой перестройке методов и стиля работы идет речь, коль нет к делу серьезного ответственного инженерного подхода, налицо лишь ничем не оправданное расточительство.

Еще на заре Советской власти В. И. Ленин призывал учиться торговать!. Актуальны эти слова и поныне, ведь то, что произошло в «Центросоюзе», могло да и может произойти в любом другом ведомстве, министерстве, которым вскоре будет отдано право самостоятельной торговли напрямую с зарубежными партнерами. До сегодняшнего дня из купленных шестисот заводов смонтирована едва ли четверть, монтаж и пуск их осуществляются с большим опозданием, а вожделенной колбасы как не было, так и нет на прилавках. Подлинную цену липовым отчетам о начале успешной работы мы уже знаем на примере Волоколамска...

Все замыкается на кадрах, такова проясняется истина. Но и сейчас ответственные работники «Центросоюза» требуют средств на покупку еще по крайней мере тысячи двухсот таких же заводов по производству колбас. Видно, настало время остановиться и оглянуться, освободиться от назойливого колбасного миража, который, как иным работникам кажется, разом решит все проблемы колбасного «дефицита».

Еще есть время трезво проанализировать случившееся, а заодно оценить меру ответственности кадров не только «Центросоюза», но и всех тех организаций, которым в полном соответствии с принятыми документами о перестройке в системе внешней торговли предстоит от имени нашей страны работать в будущем.

Первый блин вышел комом, и слишком уж дорогим оказался этот блин. Найдется ли смелость у работников аппарата «Центросоюза» признать, что они пока еще не готовы к осуществлению мер по заключению таких крупномасштабных торговых сделок?

А впору бы начать выздоравливать от болезни гигантизма, этой мании, диктующей во что бы то ни стало провести мероприятия «погромче», «повнушительней»...

Мы взялись за столь подробное исследование этого грустного сюжета с выездом на иностранную натуру, чтобы попытаться убедить тех, кому еще предстоит подобная работа или близкая ей по содержанию: всякий индивидуальный поступок, личная ошибка, ведущая на первый взгляд к потере только местной, локальной, в нашем обществе неизбежно превращается в потерю социальную. Не потому ли весьма актуальны слова М. С. Горбачева, сказанные им на совещании актива Хабаровской краевой партийной организации: «...Начинать перестройку, всю работу по перестройке надо каждому с самого себя, с определения своей гражданской позиции, с активизации политической, трудовой деятельности, с усиления ответственности за порученное дело... Надо ...поставить прежде всего перед собой задачу — все делать по совести, с большой ответственностью перед самим собой и перед народом».

Волоколамск — Москва.

ВОЗРОЖДАЯ КРАСОТУ БЫЛОГО

Савелий ЯМЩИКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Около сорока лет назад Ашхабад постигло сильнейшее землетрясение. Беспощадная стихия, разрушив город, нанесла огромный ущерб промышленности и хозяйству, не пощадила и здание местной картинной галереи, богатой памятниками отечественного и зарубежного искусства. То были трудные послевоенные годы, когда страна только начинала залечивать многочисленные раны, оставленные фашистскими захватчиками. Поэтому о трагедии, постигшей картинную галерею в Туркмении, не говорили во весь голос, так, как, скажем, волновался впоследствии весь мир по случаю наводнения, повредившего памятники прославленной Флоренции. Но подвиг наших реставраторов по спасению ашхабадских сокровищ начался сразу после того, как были собраны их остатки и привезены в Москву, в Государственную Центральную художественно-реставрационную мастерскую (ныне Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И. Э. Грабаря). Сначала был возвращен к жизни замечательный женский портрет кисти Карла Брюллова, разорванный на шестнадцать кусков, а затем молодой еще тогда специалист Павел Баранов приступил к титанической, казавшейся (и не только скептикам) неосуществимой работе — восстановлению редчайшего памятника старой немецкой живописи «Вознесение Марии», огромного по размерам алтарного образа, датированного 1521 годом.

По акту хранения реставратор получил сорок шесть отдельных кусков картины, из которых самый большой имел размер 70×146 см, а самый маленький — 1×2 см; и это была далеко не вся древняя площадь живописи, ибо отдельные ее фрагменты вообще бесследно исчезли в завалах после землетрясения. Баранов был опытный мастер и умел многое делать в реставрации: однажды он перевел даже живопись со стекла на холст, не утратив и малейшей гранулы красочного слоя. Его золотые руки и необыкновенно зоркий глаз приводили в восхищение самых опытных и изощренных специалистов. Но то, что Павел сделал по восстановлению «Вознесения Марии», дает полное право считать этот случай уникальным в мировой реставрационной практике. Теперь, когда смотришь на картину, разглядываешь многочисленные ее репродукции или восхищаешься ее яркими красками, все кажется закономерным и логичным. Да и рассказывает сам Баранов о своем многолетнем труде сдержанно и немногословно. «Перевел живопись со старой деревянной основы на специально изготовленную древесноволокнистую плиту, наклеенную с двух сторон на древесностружечную — для прочности основы, чтобы ее не коробило. Используя известные в истории искусства аналогии и советы специалистов, восстановил утраченные фрагменты. Покрыл лаком. Потом специальная комиссия приняла работу». Вот, собственно, и все.

«Вознесение Марии», написанное в 1521 году, демонстрировалось на IX выставке произведений искусства, отреставрированных Всероссийским художественным научно-реставрационным центром, которая недавно была открыта в Москве, в залах Академии художеств. Картина явилась одним из основных экспонатов, но далеко не единственным, свидетельствующим о высоком мастерстве реставраторов Центра, ежегодно возвращающего в музеи России около полутора тысяч самых различных произведений искусства, обретших практически новую жизнь, долгую и гарантированно здоровую.

Двадцать лет проработал я во Всероссийском центре: пятнадцать лет реставрируя иконы, а затем занимаясь пропагандой новых достижений отечественной реставрационной школы. Вот почему мне радостно видеть, как с раннего утра выстраивались длинные очереди у дверей IX выставки старейшего в стране реставрационного учреждения.

Изданный в октябре 1918 года ленинский «Декрет о регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины...» сыграл важную роль в деле планомерной работы по сбору и раскрытию памятников старой живописи. Тщательно изучая иконостасы и ризницы архитектурных комплексов, таких, как соборы Московского Кремля, храмы Троице-Сергиевой лавры, монастыри Новгорода и Пскова, устраивая научно подготовленные экспедиции по течению Волги и Северной Двины, Всероссийская реставрационная комиссия — будущий Центр — за период с 1918 по 1927 год провела три интереснейшие отчетные выставки.

Вновь открытые памятники могли прославить любую художественную галерею мира. «Секция живописи выставила законченные к тому времени все иконы Деисусного и Праздничного ярусов Благовещенского собора Московского Кремля, знаменитую «Троицу» Рублева, чин Звенигородского Успенского собора на городке...» — так скромно, языком делового отчета написано Вступление к каталогу III реставрационной выставки. А ведь здесь, кроме названных шедевров, были представлены «Устюжское Благовещение», «Дмитрий Солунский», «Спас Златые Власы», «Ярославская Оранта» — драгоценные иконы домонгольского периода.

Десятилетия разделяют три первые выставки от шести последующих, ставших регулярными. Тяжелые последствия войны и ряд других причин тяжело отразились на развитии реставрационной науки во Всероссийском центре. Но возрождение его традиций да, пожалуй, и непосредственно работы начались, когда на полях Великой Отечественной войны еще гремели залпы орудий.

На Большой Ордынке — старинной замоскворецкой улице — за каменной оградой спряталась невысокая белая церковь, храм Покрова Богородицы. Издали он похож на древние псковские церкви, однако постройка эта была воздвигнута незадолго до революции по проекту известного архитектора А. В. Щусева, который использовал при планировке небольшого московского монастыря лучшие образцы древнерусского зодчества.

В 1944 году в трапезной, соединенной с храмом, поставили широкие столы. Но вместо обеденных приборов на столах расставлялись колбы с растворителями, раскладывались хирургические скальпели, пинцеты и шприцы. Здесь разместились отделы древнерусской живописи, масляных картин, графики и прикладного искусства. Руководители вновь организованной Центральной реставрационной мастерской академик И. Э. Грабарь и профессор Н. П. Сычев с первых дней поставили реставрационные работы на высокий художественный и научный уровень. Богатые музеи Пскова, Владимира, Смоленска, Новгорода, Ярославля, Вологды и других русских городов стали посылать на Большую Ордынку лучшие свои экспонаты, нуждающиеся в реставрации.

Открытия послевоенных лет получили мировую известность. Спасением памятников искусства тогда занимались потомственные мастера — представители старой реставрационной школы. Надо отдать должное огромному таланту и умению этих специалистов, так как работали они лишь с помощью скальпеля и самых элементарных спиртовых растворителей. Смежные области реставрационной науки — химия и физика только начинали осваиваться в реставрационной практике. Опыт и знания старых мастеров способствовали развитию отечественной школы реставрации. Именно их виртуозное искусство стало объектом изучения для молодых художников. А отделы Всероссийского центра постепенно стали пополняться молодежью. На первых порах выпускники художественных вузов и искусствоведы чувствовали себя неуверенно, когда на их глазах учителя творили чудеса возрождения древней красоты. Постижение тайн и премудростей реставрации казалось молодым почти невозможным. Особенно когда на реставрационный стол попадала иконная доска, которую требовалось восстановить.

По сей день не могу сказать, что меня больше потрясает: необыкновенная стойкость и надежность всего, что выходило из-под рук старых мастеров, или трагическая цепь испытаний, выпавших на долю древнерусской живописи. Ее авторы сами готовили себе краски, затирая их на яичных желтках, и яичная эмульсия со временем затвердевала, приобретая необыкновенную прочность. Играло роль и то, что работали не спеша, давали выстояться, «схватиться» как отдельным живописным деталям, так и всему изображению в целом. Иконы, таким образом, выдерживались и по году, и по два, и только потом их покрывали олифой, чтобы краски звучали свежо и интенсивно.

Да, прочно срабатывались эти шедевры, будто известно было, какая трудная судьба ожидает их в ближайшие триста — четыреста лет. Наверное, ни один памятник мировой культуры не хранился в менее подходящих условиях, чем русская икона. В плохо освещенных и сырых помещениях церквей тонкий слой олифы быстро чернел. Сажа и копоть свечей довершали дело, ускоряли процесс разложения тонкой защитной пленки, и через 60—70 лет первоначальное изображение ед-

Д. И. САМАРИН.

Н. И. САМАРИНА.

Неизвестный художник. ПОРТРЕТЫ ДЕТЕЙ САМАРИНЫХ. 1789.

И. И. САМАРИН.

П. И. САМАРИН.

Ж.-Ф. Труа. ЗЕФИР И ФЛОРА. 1719.

ва различалось. Тогда церковная община приглашала художника, чтобы тот «поновил образ». И очень часто поновитель избирал самый радикальный способ восстановления — попросту счищал, соскабливал старую живопись и рисовал все заново. Страшно подумать, сколько творений настоящего искусства исчезло таким путем! В лучшем случае поновитель писал непосредственно поверх слоя потемневшей олифы. И его работа тоже со временем темнела, и ее опять покрывали новой записью, и так и появлялись эти многочисленные наслоения разных времен и разного художественного достоинства.

На IX реставрационной выставке Всероссийского центра, как и на всех предыдущих, древнерусская живопись оказалась представлена наиболее ярко и широко. Основное богатство музеев РСФСР составляют старые иконы, их восстановлению Центр уделяет главное внимание. Особый интерес вызывает только что законченная многолетняя реставрация огромной иконы «Богоматерь Одигитрия», которая происходит из Рязани. В домонгольский период Рязань славилась своими культурными и художественными ценностями, но конница Батыя обошлась с Рязанью и ее обитателями особо жестоко, разрушив город до основания, уничтожив его основные реликвии и святыни: даже столицу своего княжества рязанцы после этого перенесли в небольшой город Переславль-Рязанский, что в низовьях Оки.

— На икону «Богоматерь Одигитрия»,— рассказывает работавший много лет заведующим отделом темперной живописи Центра Н. А. Гагман,— обращали внимание и прежде. При этом, вероятно, играли роль не только материальные признаки древности ее доски, но и сюжет — ведь в старой Рязани «Богоматерь Одигитрия» была одной из наиболее почитаемых святынь. Согласно преданию, ее привез с Афона епископ Ефросин. Поэтому в Рязанском музее в разные годы было сделано несколько проб на иконе, но они обнаружили левкасные вставки с красочным слоем XVI века. Раскрытие иконы, написанной в XVI веке, хотя бы и на более древней доске, не представляло интереса. И только в 1975 году после обследования реставратором Г. С. Клоковой (которая, кстати, в течение десяти лет и восстанавливала ценную находку.— **С. Я.**) из фондов Рязанского музея она была доставлена во Всероссийский центр. Тщательное исследование памятника дало основание предположить, что древняя живопись все-таки сохранилась. Пробы выявили пять слоев записей на фоне и нимбах и три — на ликах, руках и одеждах. В результате последовательной расчистки каждого слоя открылась авторская живопись, стилистические особенности которой позволяют отнести икону к числу древнейших на Руси...

Таким образом, стилистический анализ, сравнение с аналогами восточнохристианской средневековой живописи, а главное, знание техники и технологии древнего мастера, изученных за многие годы работы, позволили реставраторам датировать икону XIII веком, а местом ее создания считать мастерские Афона.

В 1973 году, обследуя провинциальные музеи Вологодской и Архангельской областей, я вместе с товарищами по работе внес в «Опись произведений древнерусской живописи. Материалы для реставрации» тысячи самых разнообразных памятников от XIV до XIX века. Нас поразило тогда богатство фондов музеев Устюжны, Тотьмы, Кириллова. Сколько чудесных творений оставили нам мастера прошлого, если учесть, сколько их не дошло до сегодняшнего дня, пропав при пожарах, войнах и других бедствиях. Особенно удивили нас иконы, украшавшие стены Благовещенского собора города Сольвычегодска. Мы знали немало икон «строгановского письма», которые принадлежали Русскому музею, Третьяковской галерее, музеям Перми, Ярославля и другим древлехранилищам. Это были, как правило, миниатюрные доски, написанные с ювелирным мастерством и неповторимой виртуозностью. Именно тут надо искать истоки творчества мастеров Оружейной палаты, Симона Ушакова и позднее — палехских мастеров. В алтаре и на столпах Благовещенского же собора мы увидели большие иконы, написанные в XVI — начале XVII века, то есть тогда, когда закладывались Строгановыми местные мастерские, рождалась новая иконописная школа. Даже поздние записи не могли скрыть подлинной мощи и живописного богатства иконного убранства Благовещенского собора. Тогда же лучшие образцы были доставлены на реставрацию во Всероссийский центр. Несколько специалистов освобождали от записей подлинную живопись строгановских сокровищ. Среди этих реставраторов не было равнодушных, настолько первоклассным и пленительным оказалось доверенное им искусство. На IX выставке Всероссийского центра раскрытые строгановские иконы составляли целый раздел, сразу же вписанный важнейшей страницей в историю отечественной живописи.

Однако не только Древнюю Русь показывала нам выставка. У витрины, где красовался костяной шкаф-секретер работы неизвестного русского мастера или мастеров XVIII века, всегда было много зрителей. Фотографии и тексты, разложенные рядом с этим драгоценным «изделием», каких немало срабатывалось русскими умельцами в Холмогорах и других центрах, рассказывали о том, что его пришлось частично демонтировать. Для восполнения утрат привлечены костяные пластинки и гравированные портреты с изображением царей и князей романовской династии. Проведены сложнейшие работы ведущим в стране специалистом в области восстановления произведений искусства из кости, художником-реставратором высшей квалификации М. Н. Козиной. И если шкаф-секретер представляет, как говорится, «товар лицом», то вот живописные миниатюры на слоновой кости, которых коснулись золотые руки М. Н. Козиной, не сразу раскрывают всю сложность и неповторимость процессов, примененных мастером-виртуозом.

— Впервые в истории реставрационного дела,— рассказывает она сама,— в стенах Всероссийского центра начата разработка методов реставрации миниатюр на слоновой кости — одного из уникальных видов изобразительного искусства. К настоящему времени уже много сделано, продолжается работа по подбору и апробации клеев, укрепляющих, дублировочных материалов, уточняются способы склейки разбитых и распавшихся на фрагменты миниатюр, восполнение утрат, удаление загрязнений, тонировки.

Миниатюра на кости — нежнейшая живопись акварельными, гуашевыми красками на тонкой (в толщину рисовального листа) пластинке. Прекрасный тон слоновой кости, немного тронутый цветом (тени на лице, блики на руках), создает иллюзию теплоты и нежности человеческого тела. Костяная пластинка для живописи так тонка, что авторы многих миниатюр, подложив под лицо и руки с тыльной стороны золотую или серебряную фольгу, белую бумагу или слой белой краски, усиливали цвет тела и придавали тем самым всей живописи определенный колорит.

В музеях страны собрано большое количество миниатюр. Изучая эти коллекции и работая с ними, удалось выявить наиболее характерные виды разрушений. В основном это повреждения, явившиеся результатом небрежного отношения бывших владельцев и неправильного хранения в музеях, происходящие от незнания особенностей данного вида искусства, а также повреждения, полученные из-за физико-химических изменений основы и красочного слоя. Все это приводит к деформации и растрескиванию кости, усыханию и осыпанию красочного слоя, а подчас и к утрате фрагментов...

Смотришь на стену, где сгруппированы миниатюрные портреты русских живописцев XVIII—XIX веков, работы А. Молинари, Ж.-Л. Вуаля, творивших в то же время в России, и представляются эти тончайшие образцы портретного искусства только что вышедшими из мастерских старых художников,— так искусно, «на одном дыхании» возродила их М. Н. Козина.

Залы, украшенные памятниками древнерусского лицевого шитья, по сложности работ, осуществленных опытнейшими мастерицами Центра, оказались под стать всем остальным разделам выставки. У каждой пелены, покрова, хоругви или палицы можно простаивать подолгу, любуясь красотой златошвейных приемов Средневековья и вместе отдавая должное таланту и умению М. П. Рябовой, Н. Т. Осмоловской, А. И. Беляковой и других реставраторов, так трепетно, детально восстановивших творения своих далеких предшественниц. Именно трепетная любовь помогала им в работе. Иначе невозможно объяснить, как возродились редчайшие образцы шитья из бесформенных обрывков, которые поначалу трудно было даже сложить. Мастерски владея иглой, чувствуя живой ритм нитей, они использовали также и новейшие достижения современной науки.

На IX выставке Всероссийского центра показывалось немало памятников, в буквальном смысле слова вернувшихся из небытия. Некоторые экспонаты были в музеях предназначены к списанию, к переводу во вспомогательный фонд. Более того, многие памятники, считавшиеся загадочными или приписывавшиеся анонимным авторам, в процессе раскрытия и восстановления заняли подобающее им место в истории изобразительного искусства, а вместо записи в каталоге «неизвестный художник» обрели подлинное имя творца. Так, опытнейший мастер Н. К. Кошкина, получив в работу полотно из Серпуховского музея «Охота на оленя», заполнила графу реставрационного паспорта словами: «мастер неизвестен». А в процессе реставрации она открыла не только автограф художника, но и дату создания картины. Первая из известных в СССР и подписных работ немецкого художника К. А. Рутгарта —1671 года, заняла важное место на выставке.

* * *

Реставрация произведений искусства в нашей стране — дело большого общественного значения. Развивая богатые традиции, наследуя опыт и умение мастеров старой отечественной и зарубежной школ, советские специалисты возвращают к жизни неповторимые произведения, неустанно заботятся о сохранности музейных фондов.

И реставрация сегодня немыслима без использования новейших технических возможностей. Рентгеновская съемка, точные химические анализы, фотографирование произведений в отраженных ультрафиолетовых и инфракрасных лучах — все это наряду с разработанной практической методикой, основанной на данных науки, превращает саму реставрацию сегодня в сложную отрасль знаний. В то же время работа реставратора теснейшим образом связана с проблемами изобразительного искусства. В старейшем реставрационном учреждении страны — Всероссийском центре работают в основном первоклассные специалисты, о чем ярко свидетельствовала нынешняя выставка. Сорокалетнее послевоенное существование Центра — сравнительно небольшой срок, если учесть длительность и трудоемкость реставрационных процессов. Но сколько десятков тысяч памятников восстановлено за это время! Нет такого музея в стране, где бы не побывали сотрудники Центра, не оказали бы срочную помощь; Центр пользуется заслуженным авторитетом и за пределами нашей Родины. Во многих странах с его помощью созданы реставрационные мастерские, где ведущие советские мастера делятся своим опытом. А если где-либо возникает необходимость в срочных мерах по спасению художественных ценностей (как это было, например, во Флоренции), наши специалисты всегда готовы оказать бескорыстную помощь.

Творческий подход к решению профессиональных задач тесно связывает работу Всероссийского центра с современной художественной жизнью. Контакт этот вызван обоюдной необходимостью: художники учатся у реставраторов правильному применению технических методов; реставраторы благодаря общению с художниками всегда находятся в курсе важнейших проблем искусства.

Что читать?

«НЕПОМЕРНО НОВОЕ ДЕЛО»

Татьяна **ИВАНОВА**

И вдруг — радость. Совсем молодой районный газетчик, Сергей Казначеев, выносит на суд публики свое «эссе о чтении». Одновременно он читал две книги: «Будденброки» Томаса Манна и «Шесть записок о быстротечной жизни» Шэнь Фу. Он обнаружил родство, совершенно неожиданное родство двух писателей. Хотя первая книга написана двадцатипятилетним европейцем в 1900 году, а вторая сорокапятилетним китайцем на целый век раньше.

«Я уяснил, что изучение художественных памятников в системе общемировой культуры не только имеет право на существование, но весьма плодотворно и перспективно,— пишет районный газетчик.— У специалистов по западной литературе практически невозможно встретить ссылку на текст или хотя бы имя, относящееся к культуре восточного региона планеты. Не желая подозревать их в неосведомленности, приходится предполагать, что повинно в этом широко распространенное, хотя и негласное мнение о своеобразной периферийности восточной культуры по отношению к западной. Хочу надеяться, что эти заметки дотошного читателя послужат еще одним аргументом (пусть слабым!), что эстетические потенциалы Запада и Востока равновелики и тесно связаны между собой».

Прошу вас внимательно прочесть приведенную мною выдержку. Оцените благородный смысл сказанного, интеллигентную речь, это пленительное «пусть слабым!» в скобках... Пока у нас есть такие читатели, пока у нас есть такие светлые молодые головы — все хорошо, не правда ли? Признаться, подобных поводов для оптимизма периодика дает крайне мало. Я уже писала не раз и не два о том, что мы обязаны признаться себе: у нас нет ни молодых поэтов, ни молодых прозаиков, ни молодых критиков. Молодыми мы называем вполне зрелых мужей и жен от тридцати до сорока пяти, будто всем нам поголовно за восемьдесят и люди средних лет, естественно, воспринимаются нами как юноши. Почему наши мальчики не пишут стихи, как им положено от веку, природой? Чем мы отравили их, каких недодаем витаминов? Почему они не идут в критики — они ведь все в восемнадцать и двадцать лет критики, по-другому никогда не бывало...

«Мир о́громив мощью голоса, иду—красивый, двадцатидвухлетний»,— написал некогда великий поэт. Другой поэт сказал много лет спустя: «Красивых-то много вокруг. Но скажите мне, где двадцатидвухлетние?» Красивых прозаиков и критиков, добавлю, тоже у нас сколько хочешь.

Что-то, правда, никто этой моей тревоги не разделяет *. Дружно празднуем десятилетнюю годовщину постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью», гордимся первыми книгами, представительными сборниками. И попадаю я в «отдельные критики», которые недооценивают наши достижения, без понимания относятся к огромной проделанной работе. А на самом-то деле я все дооцениваю и допонимаю, я только спрашиваю: где мальчики? Если они есть, почему мы их не печатаем? Если их нет, почему мы не бьем во все колокола? Вот и все.

Сергей же Казначеев, мой повод для оптимизма, встретился мне на страницах журнала «Литературная учеба». Надеюсь, вам известно имя этого журнала. Если же нет, советую познакомиться. Там бывает и необычная проза, и стихи, и очень молодые, задорные статьи. Этот журнал просвещает, учит читать, пытается даже учить писать... Хотя такое вряд ли все-таки возможно. Когда-то в «Советской России» я цитировала статью В. Распутина из него. Потом пришло письмо от нефтяников-буровиков с Сахалина. Им захотелось прочесть статью целиком. Они пошли в библиотеку. Там, оказалось, даже и не знали про такой журнал, «Литературная учеба». По межбиблиотечному каталогу выписали его с материка, почитали — и подписались.

Во всяком случае, я не знаю больше ни одного молодежного журнала, который бы все-таки иногда печатал молодых в общепринятом, а не литературном смысле слова. Когда с этой точки зрения смотришь на «Аврору» или «Молодую гвардию», кажется, что молодые вообще перестали писать. Я-то убеждена, что эти журналы должны предоставлять свои страницы самому молодому творчеству. А вы думаете, что я не права? Тогда скажите, почему, объясните.

Мы к детям своим очень строги и суровы, все-то ими недовольны. И поют они не то, и танцуют не так, и ведут себя как-то... А они ведь наши. И они такие, какими мы их воспитали. И ведь именно их дважды в год мы провожаем служить в ряды Советской Армии. Если что — *они* будут защищать. Наши дети в Афганистане, наши дети на Чернобыльской АЭС... На всех самых страшных пожарах, авариях, землетрясениях, на всех самых трудных стройках — везде наши дети. Не такими они выросли у нас? Да как же мы можем так говорить и даже думать, если именно они хранят нас каждую минуту?..

Думаю, что вы, как и я, плакали, когда читали газетные репортажи из Чернобыля. Горло, во всяком случае, не раз сжималось. Сколько отваги, мужества, терпения пришлось проявить нашим детям... И сейчас приходится. Боже мой, да пусть они поют, что хотят, ведь и нашим песням, бывало, родители не подпевали, у них были свои. Но всегда были, и сейчас есть песни, которые мы поем вместе — родители и дети.

Слово, которое сейчас мелькает часто на всех страницах, «память». В октябрьском номере «Нашего современника» не пропустите повесть Константина Воробьева «Это мы, Господи!..». Не сулю вам приятного времяпрепровождения: может быть, вы не будете спать ночь... Это очень страшная повесть о пережитом в фашистском плену, в концентрационных лагерях для командиров. Положите рядом и августовский «Новый мир» с повестью Лиона Фейхтвангера «Черт во Франции». Это дневник из французских лагерей для интернированных в 1940 году. Как-то бы надо, чтобы к литературным документам такого рода приобщались и дети, потому что память надо тренировать. Что, как не книги, расскажет им о прошлом, внушит отвращение к фашизму и призовет бороться с любыми его проявлениями!

Оба произведения документальны. Сила подлинности неотразима. Что делать?.. «Нет веры к вымыслам чудесным»,— думала я, читая в сентябрьском номере «Знамени» «Саркофаг» Владимира Губарева — пьесу о Чернобыле. Все там, наверно, правильно с точки зрения драматургии. Неплохо это написано, динамично, и действие движется. Но газетные репортажи сильнее. Видимо, еще не пришла пора о Чернобыле — *сочинять*, еще не все названы подлинные имена, живых и погибших, чтобы мириться с придуманными. Еще сердце обливается кровью по реальным людям; чтобы сочувствовать вымышленным — нет сил в душе.

Как писал свой крошечный рассказ Булат Окуджава для октябрьского номера «Дружбы народов»? Сочинял? Выдумывал? Нет, такое сочинить невозможно. Когда в рассказе «я» и «мама», с которой мне пришлось десять лет жить в разлуке, когда в руках у мамы фанерный сундучок и ситцевое ее платье помято и нелепо... Сколько печали вместили страницы, как глубока эта печаль, как горька эта память! Редко появляются рассказы Окуджавы, пропускать их, не читая, нельзя.

И никак невозможно пропустить «Новое назначение» Александра Бека в октябрьском и ноябрьском номерах «Знамени». Как объяснить вам, почему... Ну, попробую издалека.

Не так давно в «Правде» появился небольшой рассказ Георгия Маркова о бедной женщине, которая молила у писателя защиты. Защитить ее было очень трудно, а *сейчас*, кажется, и вовсе не возможно, потому что она кругом виновата, эта женщина. У нас полным ходом идет борьба за сохранность социалистической собственности, мы везде выявляем воров, расхитителей, людей, живущих на нетрудовые доходы. У нас газетные страницы докрасна раскаляются. И не имеем мы права остыть, эту борьбу ослабить, просто права не имеем, даже и перед своими детьми. Хватит, мы и так перед ними не очень привлекательно выглядели довольно долго.

И вот в это самое время из общего хора вдруг выделяется голос старого писателя — отдельный. Наш путь праведный, говорит он. Мириться со злом мы не имеем права — и не будем. Но не посмеем же забыть и о сострадании, о милосердии, не посмеем забыть, что у наказания судом и тюрьмой есть и отдаленные последствия. Детский дом для детей, мать которых отбывает срок?.. Но народная поговорка гласит: хоть из лыка связана, все равно мать родная. Подумаем, соотнесем судьбы. Вспомним, что наше социалистическое общество выработало немало форм общественного воздействия на антиобщественные проявления личности. Они могут и должны быть действенны, они обязаны действовать, это признак и принцип нашего социалистического общества.

Вспоминаю Короленко и Толстого, Чехова и Достоевского — русские писатели всегда были на стороне милосердия. Судить есть кому. Но надо и заступаться... Георгий Марков, поднявший свой голос, чтобы воззвать к нашему сердечному чувству, к нашим душам, действовал в традиционном для российского писательства ключе. Пока звучат такие голоса, человечность не беззащитна.

Так вот. Произведение А. Бека в «Знамени» есть не только исследование жизни, не только попытка постижения характера, сформировавшегося в послереволюционные десятилетия, не только дань памяти. Хотя и первое, и второе, и третье относятся к этой книге в полной мере. Сугубо сдержанное письмо, по собственным словам писателя, «следовательская», «исследовательская» манера. В центре повествования фигура, сформированная своей эпохой, в которой было столько же победного,

* Когда обзор был готов к печати, в «Известиях» появилась статья В. Лакшина «По правде говоря...». Оказалось, что единомышленник есть. Конечно, проблема молодых сложна, еженедельник и газета могут только поставить ее, но не могут в полной мере осмыслить.

сколько и трагического. Пристальный, ясный взгляд на эту эпоху, на последующие года — никак нельзя сказать, что о ней и о них мы уже досыта начитались и наслышались. Нет. Стремление к знаниям о не столь уж и дальних, но уже ставших историей Отечества годах сильно — и нравственно. Для кого-то из нас недальние предки, а для кого-то и родители — для многих друзья и близкие, любимые, для некоторых даже дети... Вот кто нам те люди, которых мы все не решаемся толком помянуть.

Хватило бы для рекомендации к чтению и этих аргументов. Но послушаем Григория Бакланова, автора предисловия к роману: «В дни, когда совершается революционная перестройка всего общества, когда общество наше «вылезает душой из тех времен», книга эта звучит исключительно современно». Обратим внимание: не просто современно, а исключительно современно. Почему? Время иное — не бывает похожих времен, дела иные, да и люди мы теперь иные. Не только же моря, поля и реки меняются от десятилетия к десятилетию в результате человеческой жизнедеятельности. Человеческая жизнедеятельность тоже меняется, меняются люди, их характеры.

Но на каждом новом витке нужно, необходимо вспоминать уроки истории, уроки прошлого — чтобы избежать повторения ошибок. «Главное: надо трезво уметь смотреть, где такие ошибки допущены, и переделывать все сначала. Если не два, а даже много раз придется переделывать все сначала, то это покажет, что мы без предрассудков, трезвыми глазами подходим к нашей величайшей в мире задаче». Это ленинские слова. Он сказал их в Политическом отчете ЦК РКП(б) одиннадцатому партийному съезду. А еще он тогда сказал: «Мы с самого начала говорили, что нам приходится делать непомерно новое дело...»

Голос писателя звучит сегодня для нас как напоминание об этих заповедях. К таким голосам, звучащим отдельно, не в хоре, прислушиваться абсолютно необходимо.

Теперь, надеюсь, я убедила вас прочесть «Новое назначение». А раз уж вы все равно возьмете десятый номер «Знамени», обязательно обратите внимание на стихи. Я имею в виду не только подборку Н. Гумилева. Я говорю о стихах Юрия Разумовского и Александра Гришина. Такие стихи хорошие... Вы удивитесь!

Последние несколько недель я не расстаюсь со стихами, потому что мне повезло купить тяжелый том А. Твардовского, недавно вышедший в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель» в большой серии «Библиотеки поэта». Знакомые по разным сборникам, прочитанные в разные года, читаю заново стихи, подряд, как роман — и не могу начитаться. Столько в них ума, доброты, такая в них простота, чистота и сила... Какое же это счастье, что у нас с вами есть Твардовский, как мы богаты несметно!

Так вот, даже на фоне его стихов подборки в «Знамени» можно читать, они выдерживают. Это дело серьезное.

Ну, а раз уж мы заговорили о Твардовском, надо нам открыть «Новый мир». Роман Александра Рекемчука «Тридцать шесть и шесть» читаю с удовольствием. Повествование неторопливо, полно умных мыслей, которые даже хочется выписать на память. Интересный герой... А что это вы улыбнулись, когда я сказала про умные мысли? Вы разве не ищете умные мысли в книгах? Или вам кажется наоборот, что книги переполнены умными мыслями? Я думаю, что вы не правы. От хорошего писателя ждешь ума, у хорошего писателя с умом и встречаешься. Не так уж часты эти встречи, хорошие писатели ведь не попадаются на каждом шагу... По этой части у меня есть замечательный единомышленник: академик Ю. А. Косыгин. Беседу с ним я прочитала в летнем номере журнала «Дальний Восток» и вам советую прочесть. Так вот что говорит академик: «Художественная литература в жизни общества не менее важна, чем наука. Да, в последние годы я очень много читаю книг художественных, выписываю из них мудрые мысли, умные фразы, любопытные размышления. И когда не нахожу их, то определенно знаю, что данный писатель никуда не годится, он мне не интересен, не нужен». Приведу ответ академика на вопрос корреспондента о критериях ценности литературы. «Первый — наличие в книге мудрых мыслей — это обобщения, мысли, которые относятся не только к конкретному сюжету, герою, а к человечеству вообще... Второй мой критерий — количество символов, собственных имен, мифологических терминов, определенных понятий... По этому количеству я сужу об эрудиции писателя, глубине исследования явлений. Однажды я взял в руки том Пушкина и, прочитав всего лишь половину, составил огромный каталог имен собственных, мифологических терминов, мудрых понятий... Достоевский для меня ценнее иного института психологии, даже академического».

Такие у нас читатели... Как о них подумаешь, писать-то делается еще труднее. Но за свои рекомендации я при всем том совершенно спокойна: и они найдут то, что ищут.

Наш разговор подходит к концу, а мне еще надо рассказать вам так много...

Я просто себе не прощу, если не скажу о седьмом номере «Дальнего Востока», о новых материалах к биографии В. К. Арсеньева, нашего замечательного соотечественника; если в девятом номере «Волги» вы не прочтете исследование М. Решетникова «Спутник Льва Толстого» — об Александре Петровиче Иванове, переписчике великого писателя; если я не скажу вам ни слова о воспоминаниях Е. Долматовского об А. Фадееве в № 9 «Знамени»; если я хотя бы не назову пресимпатичную повесть (самая первая повесть в жизни у человека!) Ольги Березиной «По колено в детях» в сентябрьском номере «Урала», не упомяну роман Энн Ветемаа «Вот так!!!».

А рассказы? Знаете ли, как много в журналах хороших рассказов?

С повестями и романами, на мой взгляд, дело не так хорошо. Заслуженный артист РСФСР, актер и сценарист Афанасий Белов в недавних номерах «Октября» выступил как романист. Произведение называется «Марш на три четверти». Допускаю, что актерский, театральный мир многим интересен. Но я отнеслась к произведению весьма скептически, даже романом назвать его остерегусь.

И не решусь вам сказать: «Читайте, не пожалеете».

Понимаете, это ведь очень ответственное дело — рекомендовать людям что-то прочесть. Человек потратит время, часть своей единственной жизни... А на свете столько прекрасных книг, да свет и сам по себе прекрасен. Чем тратить часы на чтение среднего, серенького романа, лучше выйти на улицу, пройтись по земле, посмотреть, как плывут облака, как кружится, падая, снег...

Называя так много имен, часто совсем незнакомых вам, я хочу, чтобы вы убедились в том, что знаю я: литература у нас разнообразна и богата, она гораздо разнообразнее и богаче, чем привыкли думать многие. Она вовсе не ограничивается тем десятком имен, которые всем известны, не замыкается на трехчетырех журналах, выходящих в столицах. В ней много ума, и духовности, о которой сейчас все говорят, и нравственности, и мужества, и милосердия, и доброты.

Убеждена, что наша литература еще лучше, чем я знаю: все-таки некоторые журналы делаются с каждым месяцем интереснее, ведь и в них идет перестройка. Вот они начнут иначе отбирать, во всю силу заработают редколлегии, не «имя», а качество произведения станет единственным критерием для публикации, вот они позабудут распри и всю высвободившуюся энергию отдадут литературному делу. Вот они начнут прислушиваться к молодым голосам — и услышат их. Мы тогда еще посмотрим, сумеет ли пробиться на страницы журналов хоть одно серое произведение! Думаю, что не сумеет. Огромную работу ведет Союз писателей СССР для того, чтобы перестройка в литературном деле шла без лишних слов, но на пользу литературе. Отнесемся с доверием и пониманием к этой работе: она непомерно трудна. Потому что каждый пишущий за своим столом — один. Свою книгу может написать только он, а если он не напишет, то за него и никто не напишет. Значит, суть перестройки в литературном деле в том, чтобы высвободить творческие возможности каждого пишущего, чтобы каждый талант раскрылся во всю свою меру, во всю безмерность... Легка ли задача?

А мы с вами будем читать. Будем читать хорошие произведения и от души радоваться им. О плохом молчать не будем. А над трудными вопросами будем думать вместе.

ИЗДАДИМ СОЧИНЕНИЯ КАРАМЗИНА

Истоки любви к своему Отечеству могут быть разными, но знанию истории здесь принадлежит особое место. Можно ли любить Родину, свой народ, не зная их истории! Как можно что-то уважать, чем-то гордиться, не зная предмета гордости и уважения!

Когда Пушкин говорил, что ни за что на свете он «не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков...», — он, безусловно, считал само собой разумеющимся знание прошлого своей страны. Недаром, по его же собственному признанию, по выходе «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина он прочитал ее с жадностью и вниманием.

В последнее время интерес к отечественной истории неуклонно растет. Все чаще можно слышать и полное глубокого смысла словосочетание: воспитание историей. Об этом говорилось с высокой трибуны XXVII съезда партии.

Но где взять популярное издание, в котором бы, как у Карамзина, живым, ясным и красочным русским языком была изложена наша отечественная история! Где те стабильные учебники для школ и институтов, которые бы читались школьниками и студентами, говоря словами Пушкина, с жадностью и вниманием!

Такого труда, однако, пока не видно. Что же до «Истории» Николая Михайловича Карамзина, то за ней надо идти в Ленинскую библиотеку, поскольку мы ее, увы, ни разу не переиздали.

Недавно принято совершенно верное решение о переиздании исторических трудов Соловьева и Ключевского. Хотелось бы, чтобы труды этих крупных историков были изданы большим тиражом и не стали бы недоставаемой библиографической редкостью, не успев появиться в свет.

Думается, необходимо, не откладывая, издать и исторический труд Н. М. Карамзина. Не надо опасаться, что наш умный, образованный читатель проникнется его наивными утопическими взглядами. Всего-то скорее, они вообще пройдут мимо его внимания, как не представляющие интереса и не имеющие никаких точек соприкосновения с сегодняшним днем. Внимание современного читателя будет захвачено картинами отечественной истории, нарисованными кистью великолепного художника слова. И проникаться он будет высоким чувством любви и уважения к деяниям своих предков, высоким и светлым чувством патриотизма.

Труд нашего первого историографа, конечно же, заслуживает переиздания. Тираж у него должен быть массовым. И как бы хорошо выпустить в приложении к «Огоньку» собрание сочинений Н. М. Карамзина в 10—12 томах, куда составной частью войдет и его «История».

Л. М. ЛЕОНОВ, академик,
Герой Социалистического Труда
Д. С. ЛИХАЧЕВ, академик,
Герой Социалистического Труда
М. Н. АЛЕКСЕЕВ, писатель,
Герой Социалистического Труда
Ю. В. БОНДАРЕВ, писатель,
Герой Социалистического Труда
Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ, писатель
доктор филологических наук
С. И. ШУРТАКОВ, писатель

«МОЙ СОБСТВЕННЫЙ РУБ

Как-то не принято прилюдно, вслух обсуждать денежные дела. Поэтому, дорогой читатель, приносим извинения за нескромный вопрос: вам хватает денег? Вам — начинающему инженеру? Вам — маститому академику? Вам — хозяйке дома? Скорее всего — не всегда. А теперь, когда вы немного прикинули свой дебит-кредит, еще один вопрос. Хватает ли денег вашим детям? Имеются в виду те немногие рубли, которые вы даете им на личные нужды...

Фото В. Алексеева

Зоя ЗОЛОТОВА, специальный корреспондент «Огонька»

ИЗ ЧЬЕГО КАРМАНА?

Давно внимательно слежу за родительскими письмами и письмами подростков, в которых обе стороны пытаются решить вопрос о карманных деньгах, увы, простой только на первый взгляд.

Вот что пишет, выражая распространенное мнение, инженер В. Крылов из Волгограда: «...Очень многие настоятельно пропагандируют оплачивать труд школьников и право последних тратить заработанные деньги по собственному усмотрению. Это вредная, антипедагогическая идея. Чем меньше дети знают о деньгах, тем спокойнее и им, и нам, родителям, и обществу. Мой сын, восьмиклассник, прекрасно обходится без карманных денег. Знать о них не знает, а потому и я спокоен, что не будет сигарет и вольностей. Школьники должны учиться. А деньги в четырнадцать лет — просто блажь...»

Как видите, он не только против денег, полученных из родительского кармана. Он активно протестует и против, как говорят, «кровных», заработанных подростком лично. Хотя между полученными от мамы и заработанными, согласитесь, есть разница.

Не было в нашем послевоенном детстве излишеств. Но признаюсь откровенно: рядом с мечтами возвышенными уживалось желание, как казалось, вполне земное—часы, например. Хотя по тем временам вещь, может быть, более роскошная, чем теперь магнитофон. И вот каждое утро, едва брезжил рассвет, семиклассники, — а нас собиралось человек двадцать, — отправлялись пешком на крохотный консервный заводик. Получали из автоклавов сотни банок консервов. Их обволакивал толстый, вязкий слой жира. Липкие банки терли в опилках. В диком темпе — зарплата с выработки. До сих пор ощущаю, как прилипало к руке донышко часов — долго не отмывался въевшийся за месяц жир.

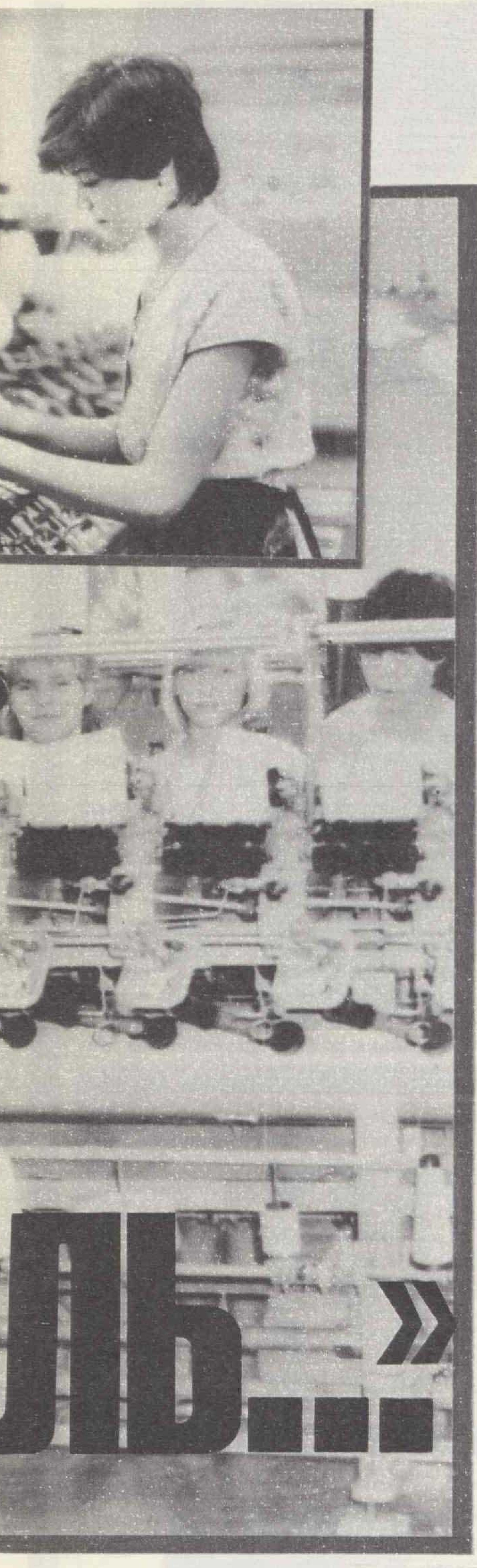
Но не забылось и другое, главное, то, чего поначалу и в мыслях не было,— чувство уверенности, самостоятельности. Гордость от первой получки, ощущение весомости денег. Сегодня удивляюсь, что принял директор нас без всяких решений педсоветов, справок. Добрые помыслы руководили им или никто не брался за малооплачиваемую, грязную работу — мне уже не узнать. Впрочем, не суть это важно...

И вот, пройдя уже через очередные «трудности роста» своего сына, еще раз убедилась, насколько заработок, особенно первый, возвышает подростка в собственных глазах. И, не ссылаясь на высокие авторитеты, позволю не согласиться с мнением волгоградца Крылова, что «оплачивать труд школьников — это вредная, антипедагогическая идея».

Но все-таки задуматься здесь есть над чем. Ведь деньги, даже трудовые, часто служат причиной зол и бед.

Читаю письмо восьмиклассника Коли Маркова из Киева.

«Мне в жизни не доверяют. Шарят по карманам, трясут портфель. Даже за покупками не посылают: мама боится, что на сдачу куплю сигареты. Дадут билет в театр — продам. На тренировку в метро не езжу, там «зайцем» не

Бригадиру Оксане Усачевой 15 лет.

Вкусный чай после рабочей смены.

проскочишь. Скопил кругленькую сумму в десять рублей. Лучше бы заработал сам. Но где? Пойду в ПТУ, там стипендию платят. Надоело унижаться. А мама плачет: «Ты же у нас, Коленька, отличник. Что мы тебя, прокормить не сможем?»

Знают ли родители Коли о его терзаниях? Полагаю, нет. С другой стороны, именно таким образом они контролируют сына, стараясь уберечь от дурного. Уберегут ли?

Когда В. Крылов и его единомышленники рассуждают: «Чем меньше дети знают о деньгах, тем спокойнее и им, и нам, родителям, и обществу»,— я думаю: не слишком ли часто в каждом из нас оживает чеховский Беликов — «как бы чего не вышло»... Запретить, не разрешить, не взять на себя ответственность видится самым простым выходом. Тем более, когда речь идет о детях, ответственность за которых наибольшая.

Мне гораздо ближе точка зрения библиотекаря Н. Давыдовой из Челябинска, чьи сыновья-старшеклассники работали этим летом в колхозе: «Дело не в том, что они заработали на магнитофон и на поездку по Уралу,— призадумались над жизнью. Поняли, что деньги с неба не сыплются. Уже меня начинают учить, что копейка рубль бережет. Доверяю, как взрослым». Заканчивается письмо словами: «Умению хозяйствовать экономно, а не безалаберно надо учить с детства. Трудное это учение, иногда проще все самой сделать, но зато благодарное. Надеюсь, что в будущие семьи моих мальчишек перейдет наш опыт».

Хорошо, допустим, кого-то мы сообща убедили, что не только можно, но и нужно учить ребят обращаться с деньгами, доверять подростку распоряжаться карманными. Но когда же они еще и станут их зарабатывать? Ведь правы Крылов и иже с ним, что первейшая обязанность школьников — учиться. К тому же перегружены программы. Да тут еще спорт, «драмкружок, кружок по фото»... И минуты, кажется, нет свободной.

Но вот известно, что в воскресные дни многие подростки глядят в телеэкран по пять часов, в будни — два с половиной. И когда часами собираются кучками в подъездах, знаем: далеко не для разговора о высоком. Ну уж, а на помощь по домашнему хозяйству уходят у них нынче вовсе считанные минуты. Есть у них свободное время. Есть...

И они хотят работать в это свободное время.

В одной из московских школ мы провели своего рода мини-исследование. Оговорюсь сразу: оно не претендует на обобщение. Восьмиклассникам раздали анкету. (Кстати, сведения о свободном времени взяты из ответов ребят.) Наш главный вопрос: «Хотели бы вы сами зарабатывать деньги на личные нужды? Если да, то как и где?»

Сто ребят ответили единогласно: да! Два-три часа в будни, в воскресные дни можно и больше. Пойдем на почту, в столовые, больницы, детсады, химчистки...

Итак, есть время, есть желание работать (подзаработать). Вопрос: где? Кто возьмет на работу — временную, почасовую! — подростка?..

Но сначала — еще немного об анкете, об отношении наших детей к нашим с вами деньгам. «На засыпку» ребятам «вручили» десять тысяч рублей, условно выигранных в лотерею. Проявляйте изобретательность, щедрость! Фантазируйте!

Скажу сразу: в мире суперцен восьмиклассники ориентируются прекрасно. Как говорится, знают, что почем. Купили магнитофоны, даже те, у кого они есть в семье,— пусть будет свой, личный! Дубленки, видеосистемы... Одетые в «фирму», они переезжали в роскошные квартиры, покупали «ценности», старинную мебель, «скульптуру», автомобили, дачи...

Были и подарки друзьям, новые книги, бабушкам теплые платки, путевки в санаторий, купленные на «свои» деньги. И совсем мало, к великому огорчению, было ответов, подобных этим: «Все десять тысяч отправлю на строительство больниц, школ, стадионов», «Отправлю для домов престарелых и обездоленным, в Фонд мира». Так решили только двое — из ста! Наконец, был и этот, к счастью, единственный ответ: «Купил бы «Жигули» и продал бы подороже — деньги приносят деньги...»

Подростки справились с заданием. Справились в меру своих понятий и знаний о жизни. А вот с одним-единственным рублем совладать оказалось труднее: «Подумаешь, рубль... Копейки... Он ничего не стоит. Ну разве мороженое купишь...»

Действительно, для Нади К. рубль ничего не значит. На день рождения родственники подарили ей семь новеньких десяточек. И не удивительно, что для большинства ее сверстников, усвоивших стоимость дубленок, дач, автомобилей, оставалось секретом, сколько стоит литр молока, батон хлеба, как начисляется квартплата... За работу лаборанта ребята «требовали» шестьсот рублей. На зарплату в сто пятьдесят мечтали содержать небезбедно будущую семью, «чтобы жена не работала».

Горько, конечно, признаваться, что упустили момент, не научили подростков элементарным расчетам житейским, бережному отношению к вещам, к государственной собственности. Взамен часто пожинаем потребительство, иждивенчество.

Как противостоять этому? Каким образом?

Один из самых верных путей: с детства формировать привычку к труду, заботе о близких. Испокон веков сын помогал отцу, дочь — матери по хозяйству. Неужели сейчас мы не можем найти, где и как применить возможности и желания наших детей? Еще раз вспомним, как все сто ребят ответили: «Да, мы хотим работать». Так пойдем же навстречу им: научим хозяйствовать, доверим рабочее место, заплатим заработанное. Пусть становятся самостоятельными, ответственными, совестливыми рабочими людьми.

«ГДЕ РАБОТАТЬ МНЕ...»

Бригада восьмиклассницы Оксаны Усачевой сегодня получала зарплату. Мотальщицы Ира Шайдулина и Лена Лаптенкова, Света Васильева и Таня Павлюченко, которые этим летом перешли в восьмой класс, и подруги на год постарше — Наташа Филатова, Оля Мистихина, Люда Бойкова и Лена Круг — расписывались в ведомости. Полюбопытствовала — зарплата у каждой больше ста рублей. Оказывается, на Канском хлопчатобумажном комбинате случай ничем не примечательный, рядовой.

Отправляясь в командировку за тридевять земель, в Красноярский край, призналась, подумывала: «Вдруг замкнутся девчата, застесняются. Наши-то, московские, бойкие...»

В обеденный перерыв забросали вопросами:

— Откуда берутся бракоделы? Купила колбасу, а она тухлая. Это же на мой, собственный рубль...

— У нас в моде брюки-бананы. Посмотрите — сама сшила и ткань купила на свои деньги... Нравится?

— Брейк, мы все любим брейк. Но танцуем только дома. В Москве, говорят, даже на дискотеках можно. Это правда?

Девчонки, как все девчонки в свои 14—15 лет. Пожалуй, от московских сверстниц ничем не отличаются.

Лет семь назад на комбинате остро встал вопрос: где взять рабочие руки? Заманивать было особенно нечем, вот тогда дирекция и решила привлечь школьников. Как говорится, производственная необходимость заставила. Это сейчас система отлажена, а раньше...

— Не хочу, чтобы дочь у станка стояла. Пусть в институт идет...

— Наставником быть? Нет уж, увольте. Много ли с детишками наработаешь?

— Техника безопасности? О ней подумали? Платить как? Одни убытки для предприятия...

Словом, проблем было много. Как бы то ни было, комбинат решением горисполкома был закреплен в качестве базового предприятия за семью школами и профтехучилищем.

Вхожу в учебный цех, тот самый, где работает бригада Оксаны. Два светлых громадных класса — ткачества и прядения. Пряжекрутильные машины, ткацкие станки и мотальные — новейшие, такие же видела в цехах у взрослых.

— Правда, скорости у нас снижены и работают по четыре часа,— говорит Р. В. Титенкова, ткачиха в прошлом, ныне она руководит учебным комбинатом.— Здесь у семиклашек уроки труда. Приходят, на вид — неловкие, а оказываются сноровистыми: быстро усваивают рабочие приемы... Кстати, и УПК для восьмых тоже здесь...

— А старшеклассники как же?

— Практика у них один день в неделю, школьной программой предусмотрена. Шесть часов. Зарплату за нее получают как взрослые — от качества продукции, от выработки.

— Сколько же зарабатывают за практику?

— Меньше пяти рублей за смену не платим. А их четыре в месяц... Но у нас есть особый — круглогодичный отряд старшеклассников. Он работает, подчеркиваю, еще одну смену в неделю — дополнительно. По желанию, помимо практики. Если приплюсовать, более пятидесяти в месяц получается...

Показываю письма читателей, содержание которых сводится к тому, что работа, мол, будет сказываться на учебе.

— В отряд принимаем далеко не каждого. Лучших. Устраиваем конкурс и берем только с хорошими отметками.

Уверена, канский опыт заслуживает самого широкого распространения. Ибо здесь состыковались интересы государственные и общественные с интересами подростков. Это, так сказать, вариант по своей сути идеальный: в основе его школьная производственная практика. Но идеальный для школы, для производства, несмотря на все трудности и дополнительные усилия, которые от этого производства потребовались. А для самих подростков можно ли считать его идеальным решением? Или все-таки воспитательные плюсы в будущем дадут всходы, которые этот опыт позволят считать наилучшим и для них, потенциальных взрослых?

И все-таки... Если душа не лежит к ткацкому делу? Если нет круглогодичного отряда, как в Канске: захотел заработать — включайся... Если практика организована иначе и не оплачивается к тому же? Если школьник желал бы работать два-три часа и не каждый день? «Если» эти могут продолжаться бесконечно. Но вопрос остается открытым: где же работать подростку?

...Передо мной письма. Пришли они после публикаций, в которых затрагивались вопросы трудоустройства школьников. «Бабушек днем с огнем не сыщешь. Дело известное. Пусть с моим Витенькой гуляет пару часов ученица... Меня спасет это: думаю, сумею защитить диплом»,— пишет Н. Завьялова из Куйбышева. «Я не выхожу из квартиры, болею,— рассказывает о себе ветеран войны москвич А. Егоров.— Дочь живет в другом городе. Пенсия у меня большая, платить есть чем. Вот бы через

редакцию организовать помощь школьников...»

И еще письмо, полученное нынешним летом.

«Живу я в подмосковном городе Химки. Мне пятнадцать лет. Зовут меня Дима Беседин. Мне очень нужны деньги. Хочу заработать на магнитофон. Да и так, по мелочам, а то как маленький: «Мама, дай на мороженое». Пишу, потому что когда-то мы читали в «Огоньке», что подростки могут работать во время каникул. Но мне с моим другом Ильей Шаховым устроиться не удалось. Хотя мы были согласны на любую работу. Пошли в хлебный магазин. Заведующая говорит: «У нас есть свои грузчики». На почте нас всерьез не приняли. Потом позвонили в отдел кадров Химкинского продторга. Можно продукты расфасовывать, разносить их. Там отказали тоже...»

С Димой мы встретились в редакции. Спортивный, модно одет. Прикидываю — рост, пожалуй, за метр восемьдесят...

— Все лето с утра до вечера — на канале. Как во время учебного года, спрашиваете? Тоже можно подрабатывать. Но тогда удобнее не каждый день: сделал, что нужно, и сразу с тобой расплатились...

Вместе звоним в бюро по трудоустройству Химкинского горисполкома:

— Пожалуйста, пусть приходит. Принесет разрешение педсовета, родителей, справку о состоянии здоровья... Поможем, обязательно поможем...

Напомним, что в «Огоньке» № 29 за прошлый год Госкомтруд СССР, отвечая на вопросы читателей, извещал о принятом «Типовом положении о порядке привлечения на временную работу к посильному труду в народном хозяйстве учащихся общеобразовательной и профессиональной школы в период каникул». К Положению прилагался список более ста специальностей, по которым могли работать подростки 14—16 лет. Благодаря этому документу они впервые обрели законное право трудиться серьезно, а не играть в труд. Для ребят снижены нормы, укорочен рабочий день, причем производство обязано оплатить эти неотработанные часы.

Организация работы подростков в каникулы была возложена на органы по труду. Но, как видим, ни Дима Беседин, ни его мама, ни однокашники об этом не были извещены.

Набираюсь терпения и обзваниваю райисполкомы и некоторые предприятия. Увы, большинство ответов свелось к тому, что руководители не заинтересованы брать школьников на месяц. Учить надо. Отвечать за них. Производство ныне сложное, стало быть, и техника безопасности должна быть на уровне. Где найти мастеров? Да и как оплачивать эти несколько часов, если никаких циркуляров нет?..

Связываюсь по телефону с А. А. Ивочкиным, генеральным директором фирмы «Заря». Так, мол, и так, наверное, говорю, именно вам прежде всего стоит пригласить подростков. В Москве 350 тысяч инвалидов, мам с малышами не сосчитать, а нянечек в фирме на учете, слышала, всего двести пятьдесят... Узнаю, что по инициативе молодежной редакции ЦТ «Заря» уже приглашала школьников. Но эксперимент под названием «Курьер», как говорит генеральный директор, не удался. На весь Октябрьский район столицы поступило, увы, только тридцать заказов.

— Выяснилась абсурдность ситуации,— объясняет мне редактор передачи «12-й этаж» О. Фокина.— С одной стороны, люди, остро нуждающиеся в услугах. С другой — масса школьников, готовых их выполнить. И вдруг связь между спросом и предложением не сработала. Причин вскрылось много. Приведу пример. Услышав наше объявление, в бюро добрых услуг Октябрьского района пришли родители. Они рассчитывали на помощь подростков. Неожиданно мы узнаем, что старшеклассники, которые по своему возрасту уже могли учиться в педучилищах и техникумах, не имеют права оказывать именно эту помощь: посидеть два-три часа с малышом, накормить первоклашку обедом, погулять с ним... Нельзя! Вдруг что случится?

Оказывается, что «Заря» не может поручить подростку сдать белье в прачечную, вещи в химчистку. А если потеряет? Он, видите ли, не материально ответственное лицо и уголовно не наказуем. Мы обвиняем их в инфантилизме, караем за него, а сами боимся дать им ответственность...

И еще. Совершенно не решенный вопрос — оплата труда ребят. Почему невозможно заплатить сразу за сделанную работу? С другой стороны, лишь тридцать заказов, о которых говорил генеральный директор, означают, что люди внутренне не готовы принять помощь школьников да и слаба реклама. Между тем в прейскурант «Зари» не входят многие услуги или же они дефицитны: погулять с собакой, например, помыть машину, сходить в аптеку. Кому, как не школьникам, выполнять эти поручения?

Вот так вопросом и закончила О. Фокина, автор идеи «Курьера».

...Заранее предвижу новые «сердитые» письма, в том числе и с повторными сетованиями: «К чему призываете? Оспариваете самое великое завоевание Советской власти об отмене детского труда?» Потому вновь напомню общеизвестные слова Маркса о совместном участии взрослых и детей, начиная с девятилетнего возраста, в едином трудовом процессе «при строгом регулировании рабочего времени сообразно с различным возрастом и при прочих предупредительных мерах для защиты детей...».

Итак, в важном деле добровольного привлечения подростков к труду есть уже первый опыт и первые успехи. Есть и первые ошибки. И есть много нерешенных проблем. Почему организация труда подростков закреплена только Типовым положением, а не законодательно? Почему молчит об этом КЗоТ? Не пора ли высшим юридическим и финансовым инстанциям подключиться к решению вопроса об оплате труда школьников? И не только в дни каникул. Нужно заработать — приходи. За сделанное получай деньги сегодня же. И главная проблема: кто и когда сможет создать подобную организацию в масштабах страны, города, района? Пока ясно одно — государству разумнее использовать труд подростков в сфере услуг. Что думает по этому поводу Министерство бытового обслуживания населения РСФСР?

Приглашаем вас, дорогие читатели, обсудить эти вопросы. Редакция «Огонька» совместно с Центральным телевидением ставит серьезную задачу — собрать уже имеющийся в стране опыт, обобщить его. Ваши предложения, критические замечания будут обсуждаться руководителями Госкомтруда СССР, Министерства финансов и Министерства юстиции.

«Огонек» и программа «12-й этаж» предполагают провести новый эксперимент, связанный с трудоустройством подростков. Какой? Подскажите нам. Быть может, мы воспользуемся именно вашим предложением.

Наша цель — ни одного ответа, подобного тем, которые уже были: «Подумаешь, рубль...»

ПОРЧА

НАРКОМАНИЯ... К ЭТОЙ СЛОЖНОЙ ПРОБЛЕМЕ НАШ ЖУРНАЛ УЖЕ ОБРАЩАЛСЯ В СВОИХ ПУБЛИКАЦИЯХ. ОДНАКО ВСТРЕВОЖЕННЫЕ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ ТРЕБУЮТ ПРОДОЛЖЕНИЯ РАЗГОВОРА О ЕЕ УГРОЗЕ И ПОСЛЕДСТВИЯХ.

Станислав КАЛИНИЧЕВ, собкор «Огонька»

Они встретились днем у кинотеатра: двое молодых людей и девчонки-восьмиклассницы. Обеим, должно быть, льстило, что взрослые парни проявляют к ним интерес. Так все четверо и брели по улице, пока не оказались у подъезда какого-то дома.

— Зайдем,— предложил Игорь.

— У него здесь своя квартира...— многозначительно намекнул его приятель.

Вот тут пришло отрезвление. Они попытались бежать, но парни удерживали их силой. А когда стали вырываться, хозяин квартиры выхватил нож и успел нанести удар и одной, и другой...

Каким образом, во всех деталях, все это произошло — сейчас разбирает следствие. Ясно одно. Дружок хозяина, перепуганный случившимся, тут же исчез. Зажимая рукой рану, убежала одна из подружек. Истекая кровью, она добралась до больницы. А вторую, раненую, Игорь С. затащил в квартиру.

Милиция получила из больницы отрывочные и весьма приблизительные сведения. И как ни старались оперативные работники определить побыстрее, вычислить, найти этот дом и эту квартиру, они опоздали. Когда пришли и в присутствии понятых взломали дверь, то увидали растерзанный труп девчонки. Рядом лежал убийца. Он спал. Люди ходили по комнате, что-то измеряли, фотографировали, писали... а он спал под воздействием принятой перед этим сильной дозы наркотика.

Слухи о случившемся поползли по Киеву. История обрастала самыми фантастическими подробностями, но одна деталь оставалась неизменной во всех рассказах: убийца был наркоманом.

Сотрудники милиции, к помощи которых мне довелось обращаться, недоумевали:

— Почему вас интересует Киев? Наркомания намного раньше и в больших масштабах распространилась в Средней Азии, на Кавказе... Даже если брать Украину, то более неблагонадежные в этом отношении юго-восточные области: Николаевская, Херсонская, Одесская, Днепропетровская... А в Киеве эта зараза начала активно распространяться всего лишь в последние годы.

Мне доказывали, что среди тех, кого они привлекают к уголовной ответственности за действия, связанные с наркотиками, почти половина — не местные, приезжие. Когда несколько лет назад в восточных районах страны были приняты самые жесткие меры в отношении посевов определенных сортов конопли и мака, искатели зелья потянулись на Украину.

А тут — благодать. Почти на каждой сельской усадьбе хоть грядка мака, но есть. Какая же кутья без него? А выпечка, а сладости... Тут даже большой горшок назвали МАКотрой, потому что в нем с помощью деревянного МАКогона растирают семя до молочной кашицы.

Вот и стали появляться тут странные люди...

Начальник отдела по борьбе с наркоманией В. Н. Казарцев (этот отдел создан при управлении уголовного розыска УВД Киевского горисполкома всего лишь около года назад) заглянул в оперативные сводки последних дней и предложил мне на выбор несколько знакомств.

— Вот Аветисян и его друг... Из Еревана. Задержаны с опийным сырьем. А вот подруги из Хабаровска — Розличенко, 24 лет, судимая, и ее подруга Кривопалова, 23 лет, дважды судимая... Наркоманки задержаны с губительным зельем на квартире у киевлянина Сорочкина. А вот Сычев из Астрахани...

Выбор был обширный. Залетные заготовители сырья ищут сообщников тут, на месте. А самый надежный и постоянный сообщник — такой же наркоман.

В Ленинградском РУВД Киева, где я знакомился с делом ереванских коммивояжеров, мне показали их фотографии. Это были не лица, а подержанные маски мужчин, о которых говорят: бывшие.

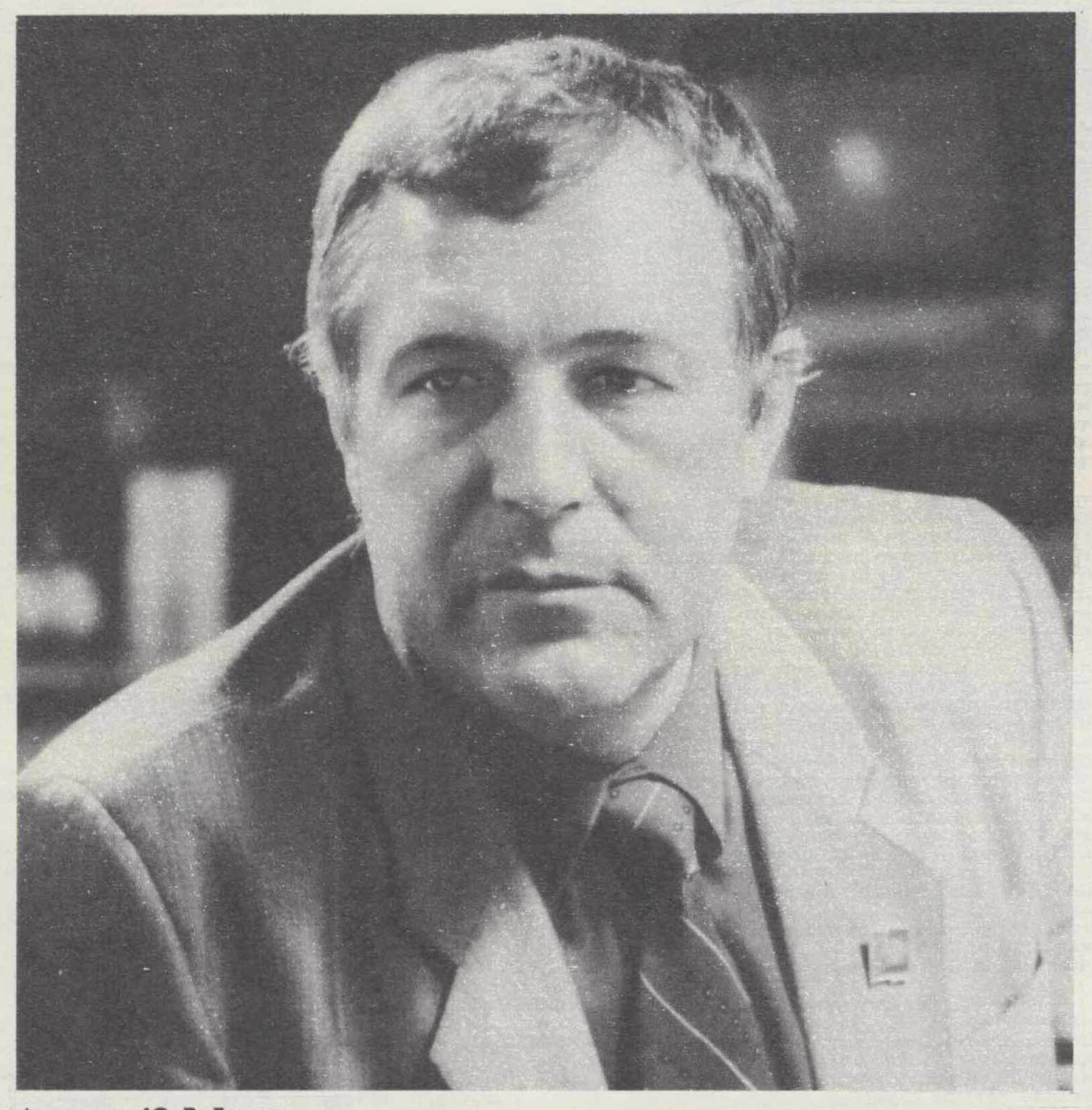
— И тому, и другому,— подсказал мне старший оперуполномоченный В. В. Большаков,— по двадцать три года.

Это было невероятно. Тогда он достал фотографии этих же людей, сделанные до того, как они приобщились к наркотикам. С них смотрели совсем другие — лица свежие, мальчишеские.

— А посмотрите на эту...—Большаков показал мне фотографию девчонки с нежным, почти детским лицом.— Если бы вы видели ее сейчас. В девятнадцать лет —

Окончание на стр. 25.

Академик Ю. В. ГУЛЯЕВ
и доктор физико-математических наук
Э. Э. ГОДИК
отвечают на вопросы корреспондента «Огонька»
Ванды БЕЛЕЦКОЙ

Академик Ю. В. Гуляев.

БИОПОЛЕ — МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

ПРИЧИНЫ ЧУДЕС

— Давайте сразу договоримся — не употреблять термин «биополе». Мистических биополей нет, есть реальные физические поля биологических объектов. И не случайно человека сравнивают иногда с живой Вселенной. Это не метафора. Вокруг людей, как и вокруг нашей планеты, есть свои атмосфера и магнитосфера, где бушуют потоки излучений, не ощущаемых нашими органами чувств. А чуткие «глаза» и «уши» созданных нами физических приборов могут теперь зафиксировать эту не ощущаемую человеком, но вполне материальную субстанцию...

...Так начал беседу Юрий Васильевич Гуляев, заместитель директора Института радиотехники и электроники Академии наук СССР, дважды лауреат Государственной премии СССР.

— Юрий Васильевич, лаборатория по исследованию физических полей человека и животных в составе вашего института, сколько я знаю, была создана в 1981 году?

— Да, по инициативе академика Гурия Ивановича Марчука, нынешнего президента АН СССР (тогда бывшего председателем Государственного комитета СССР по науке и технике), Институту радиотехники и электроники АН СССР было поручено вместо мифических биополей исследовать реальные физические поля биологических объектов, в том числе и человека. Меня назначили руководителем работ по этой проблеме. Я получил возможность создать новую лабораторию, к руководству которой привлек доктора физико-математических наук Эдуарда Эммануиловича Годика. Он занимался в институте приемом слабых сигналов. Это не только сильный экспериментатор, но и хороший организатор, человек принципиальный. Эти качества нужны в любом новом деле, тем более при исследовании физических полей человека и животных, где все обстояло да и теперь обстоит очень непросто.

— Ламарк в своей «Философии зоологии» сказал, что, пожалуй, лучше, чтобы вновь открытая истина была обречена на долгую борьбу, не встречая заслуженного внимания, чем чтобы любое порождение человеческой фантазии встречало благосклонный прием... А как вы считаете?

— Большинство ученых солидарны с Ламарком. Мне же кажется, что лучше доброжелательно отнестись к новой идее, но признать ее лишь после досконально научной проверки. Вот как раз этим мы и занялись в новой лаборатории.

...В этой лаборатории мы и продолжили нашу беседу с участием Эдуарда Эммануиловича Годика.

— Эдуард Эммануилович, были ли у вас трудности в начале работы?

— Не то слово! Известно, что наука призвана поднимать целину на ниве знания. Мы

Доктор физико-математических наук Э. Э. Годик.

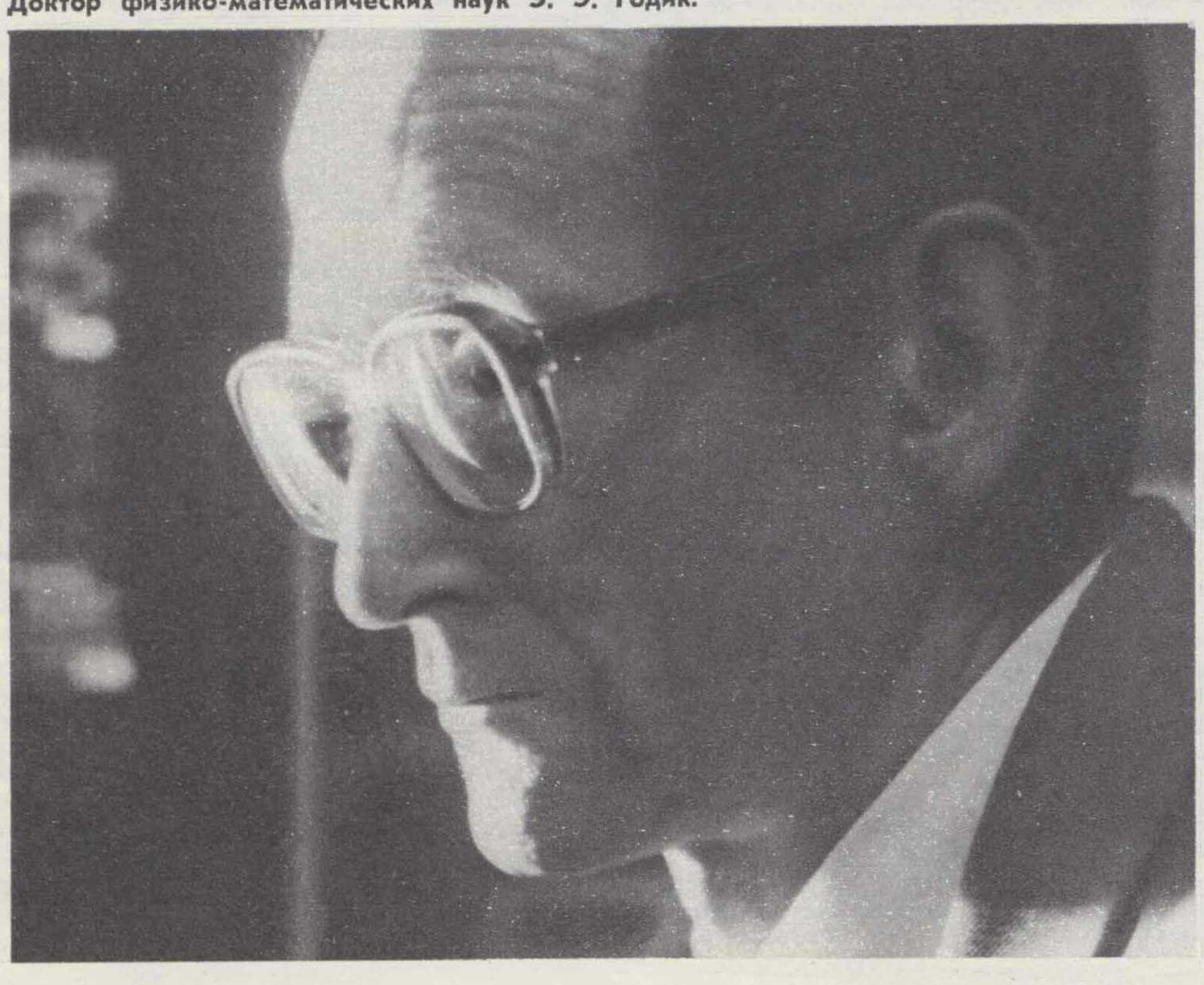

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

же столкнулись с куда более сложной ситуацией. Надо было одновременно и пахать, и разбирать «свалку» на месте будущего поля. Я имею в виду те непрофессиональные, псевдонаучные разговоры и даже статьи в печати по поводу несуществующих биополей и «избранности» экстрасенсов, способные запутать всех и вся, создающих ошибочное общественное мнение по этому вопросу.

И еще хочу сказать: я взялся за эту проблему потому, что увидел за ней не только интересную, но и практически важную задачу — по сигналам физических полей, возникающих в процессе жизнедеятельности, можно получать информацию о состоянии организма человека.

— А какие собственные излучения человека и животных вы можете сегодня регистрировать? И вообще что такое человек глазами физика?

— Это чрезвычайно увлекательный объект исследования для ученых любой специальности, в том числе и для физика. Юрий Васильевич уже сравнил человека с живой Вселенной. И как по излучениям далеких звезд, находящихся от нас на астрономических расстояниях, можно судить о процессах, происходящих там, так и по собственным излучениям человека, не прикасаясь к нему, можно узнать, что в нем происходит. Иными словами, получить ценнейшую информацию дистанционно.

В нашей лаборатории прием сигналов ведется на семи каналах — изучаются электрические поля, магнитные, радиотепловые излучения внутренних органов, инфракрасные излучения поверхности тела, оптическая хемилюминесценция, акустические сигналы, изменения химического состава среды, окружающей человека и животных. Ведь все биологические объекты продолжаются в собственном излучении в окружающее пространство.

С самого начала мы думали примерно так: «Экстрасенсы, если они есть,— аномалия. Надо исследовать физические поля обычных людей, тогда можно будет понять и аномалии». Но для этого необходимо было создать сложный комплекс высокочувствительных приборов и вычислительной техники. Сейчас такие приборы созданы. И мы воочию убедились, что вокруг человека и животных существует сложная картина излучений и полей.

И еще сравнение физика. Человека, конечно, весьма условно, можно представить себе электрохимическим генератором, в котором возникают токи, и поэтому постоянно рождаются электрические и магнитные поля. Это происходит, например, когда волна возбуждений проходит по сердечной мышце — миокарду. Значит, в каждый момент можно заглянуть в сердце...

— А в мозг?

— Тоже, практически в любой орган человека и животного.

— До сих пор мы знали, что можно просветить человека рентгеном и узнать, здоровы ли его легкие, желудок... А оказывается, сам наш организм при помощи собственных излучений постоянно рапортует о своем состоянии. Рождается совсем новый метод медицинской диагностики!

— Подчеркну — ранней медицинской диагностики. Ведь медицина, по существу, занимается человеком, когда он уже заболел. Рентген покажет, если болезнь зашла далеко: в организме произошли изменения. Как в доме, где на стене образовалась трещина или выпал кирпич. Здесь же по собственному излучению человека можно уловить едва заметные нарушения в организме. Ну, скажем, плотники строят дом, и по стуку их инструментов мы узнаем, не устали ли они, не надо ли их накормить обедом, чтобы ритм работы восстановился. И сделать это желательно гораздо раньше, чем плотники сами сложат инструменты и стук прекратится.

...Удивительные вещи узнаешь в лаборатории! Все здесь кажется подлинным чудом. Но еще в XVI веке Шекспир сказал, что «пора чудес прошла, и нам подыскивать приходится причины всему, что совершается на свете...».

За стеной, в надежно защищенном от всяческих посторонних воздействий помещении находится человек, а мы видим на экране дисплея, как переливаются, ставшие видимыми, его тепловые инфракрасные излучения. Записываются изменения теплового поля во время дыхания. Вдох... Выдох... Желто-красные цвета колеблются, набирают интенсивность. Человек кажется огнедышащим драконом, из его рта словно вырывается пламя. Смотришь как захватывающий цветной фильм. Цвет выступает источником тонкой информации о состоянии организма: больные и здоровые ткани светятся по-разному.

Мне предлагают тоже стать объектом эксперимента. Кладу на стол руку. На нее направляют прибор, улавливающий не видимое глазом инфракрасное излучение, и на экране дисплея появляется переливающаяся всеми цветами радуги моя рука. Цвета (конечно, условные) показывают температуру. Красный цвет там, где температура выше. Тепло бежит от кончиков пальцев. Отчетливо вижу, как проступают сосуды...

«С кровообращением у вас все в порядке, можете ехать работать на Север»,— шутят экспериментаторы. И включают видеозапись, сделанную во время исследования человека с так называемой болезнью Рено: людям с нарушенным кровообращением нельзя работать на морозе. «Кинофильм» показывает совсем другую картину, иная яркость и распределение цветов. «Работа делается совместно с отделом профессора А. М. Вейна из 1-го Мединститута»,— поясняют мне.

Еще один опыт, уже не со мной. На пациента надет шлем с чувствительными антеннами. Снимается радиотепловая карта мозга. В приборе использованы антенны, разработанные в Научно-исследовательском радиофизическом институте под руководством члена-корреспондента АН СССР Всеволода Сергеевича Троицкого. Ученый известен своими радиофизическими исследованиями звезд и планет, сейчас его метод пригодился и для изучения живой Вселенной — человека. И вот на экране дисплея сложная картина распределения температуры мозга на глубине во время гипнотического сна. В эксперименте участвуют гипнологи из Центра психотерапии Минздрава под руководством профессора В. Е. Рожнова. На постоянно меняющихся кинокадрах видны сокровенные процессы, проходящие в святая святых организма — коре головного мозга. Исследование проводится совместно с Институтом высшей нервной деятельности и нейрофизиологии АН СССР.

А вот эта запись показывает работу сердца. Для магнитных полей и человек, и его одежда прозрачны, как стекло. С достаточной точностью можно определить место поражения на сердце, не вскрывая грудной клетки, что не дает сделать обычная кардиограмма.

— Эдуард Эммануилович, неужели эти сложнейшие приборы, давшие, по существу, принципиально новый метод исследования человека, созданы вашей очень молодой и столь немногочисленной лабораторией немногим более чем за четыре года?

— Здесь действительно собралась молодежь от двадцати до тридцати лет, наши теперешние и бывшие студенты, аспиранты, теперь молодые кандидаты наук. Удивительные ребята, домой не выгонишь до ночи.

Тема у нас интересная, все приходится делать самим, впервые в мире. А на новом деле люди быстро растут. Александр Петров и Валерий Дементеенко, первые наши аспиранты, помогали организовать лабораторию, а сейчас уже руководители групп, имеют имя в науке. То же могу сказать о моем бывшем дипломнике Рамиле Мусине. Он оставил аспирантуру по добротной физической теме, пришел к нам в лабораторию, когда она только создавалась, и вот теперь защитился по новой тематике, один из ведущих сотрудников лаборатории, возглавляет группу электрометрии. Или, например, Андрей Матлашов, ему 28 лет, а он уже стал одним из ведущих специалистов в стране, руководитель группы по исследованию магнитных полей человека. Работающий с ним Юрий Журавлев тоже выпускник Физтеха, кандидат наук.

Надеюсь, не надо объяснять, что все цветные фильмы физических полей и излучений, которые вы видели, не могли бы быть получены без современных ЭВМ, без автоматической системы сбора огромного объема информации, обработки ее и представления в виде, удобном для анализа. Эту ключевую работу сделали молодые математики Александр Тараторин и Сергей Платонов.

— Юрий Васильевич,— обращаюсь я к академику Гуляеву,— недавно в Институте физических проблем на объединенном заседании Отделения общей физики и астрономии и Отделения ядерной физики Академии наук СССР вы рассказали о своих работах по исследованию полей человека и животных. А как к исследованиям относятся медики, физиологи?

— Сложно. Думаю, что традиционные медицина и физиология пока недооценивают возможности этих методов. Но со временем, убежден, мы найдем общий язык. Плохо то, что приборов мы медикам дать не можем. Они, как правило, в одном экземпляре, здесь, в лаборатории.

— А какие болезни можно определить с помощью вашей аппаратуры?

— Этот вопрос задайте врачам, специалистам в Минздраве. Беда, когда медики вторгаются в физику, методами которой не владеют. Но не лучше получается, когда физики или инженеры начинают лечить больных.

— Первый этап наших исследований, безусловно, должен быть экспериментальным,— включается в разговор Эдуард Эммануилович Годик.— Если в физике твердого тела, например, теория сейчас развита настолько, что теоретики, предсказывая те или иные явления, с большой вероятностью уверены в подтверждении их экспериментом, то в наших работах именно эксперимент должен дать теоретикам почву для размышлений.

Что же касается физиологии и медицины, то здесь, кроме ранней диагностики, думаю, открывается и перспектива разработки новых тонких чутких приборов для физиотерапии. Не секрет, что, вторгаясь в организм, мы ведем себя подчас как слон в посудной лавке. Когда надо лишь поддержать еще не совсем заболевшего человека, он получает такую дозу лечения, что организм начинает сопротивляться, кричит «хватит», а врачи этого не могут услышать, нет у них приборов, чтобы лечить малыми, едва уловимыми дозами. А теперь появилась возможность создания таких приборов. Вот где фантастика!

— То есть эти новые приборы будут лечить пациента подобно экстрасенсам?

— Лечат ли экстрасенсы и какие болезни, я, к сожалению, не знаю. Медики, по существу, не поставили ни одного корректного эксперимента по клинической проверке. Что же касается нас, физиков, то вопрос об экстрасенсах дал нам толчок к исследованию физических полей человека и животных. И, честно говоря, непонятен разгар страстей вокруг этого вопроса. Каждое живое существо обладает реальными физическими полями, каждое, что показывают наши приборы.

Кроме того, мы обнаружили очень высокую чувствительность кожи человека к тепловому излучению, в том числе идущему от другого человека. Рука, при соответствующей тренировке, замечает на расстоянии в несколько сантиметров увеличение инфракрасного теплового потока, говорящего о повышении температуры на несколько десятых долей градуса.

Рука — приемник, который чутко откликается на тепловые сигналы. В то же время рука есть излучатель тепловых потоков, устремленных на пациента. С помощью такого «инструмента» в принципе возможен бесконтактный тепловой массаж. Так что ничего удивительного здесь нет, это не противоречит науке. А вот создать приборы, действующие по этому принципу, о чем я говорил,— удивительно интересно и теперь в принципе реально.

Мы разработали аппаратуру, дали заключение, теперь этим эффектом должны заняться специалисты, медики...

— С физическими полями человека и животных положение начинает проясняться. Юрий Васильевич, а не проводили ли вы эксперименты с Нинель Сергеевной Кулагиной, о странной способности которой писали в связи с экстрасенсами?

— Да, проводили. Хочу отметить, что она с готовностью откликнулась на наше предложение участвовать в физических экспериментах. Получены предварительные интересные результаты, которые требуют, однако, дополнительного изучения. Напомню слова великого Менделеева, сказанные им более ста лет назад в связи с созданием комиссии по поводу медиумических опытов,— слова, которые я привел недавно в своем докладе в Академии наук:

«Для противодействия распространения неосновательного учения и ныне бесплодных занятий медиумическими явлениями — их не должно игнорировать, а следует, по моему мнению, точно рассмотреть, т. е. узнать, что в них принадлежит к области всем известных естественных явлений, что к вымыслам и галлюцинации, что к числу постыдных обманов и, наконец, не принадлежит ли что-либо к разряду ныне не объяснимых явлений, совершающихся по неизвестным еще законам природы. После такого рассмотрения явления эти утратят печать таинственности, привлекающей к ним многих, и места для мистицизма не останется даже тогда, когда окажется естественная правильность в некоторых медиумических явлениях, хотя бы и не вполне уясненных...»

Человека сравнивают иногда
с живой Вселенной.
Это не метафора.
Вокруг людей,
как и вокруг нашей планеты,
есть свои атмосфера
и магнитосфера,
где бушуют потоки излучений,
не ощущаемых нашими
органами чувств.
А чуткие «глаза» и «уши»
физических приборов
могут теперь зафиксировать
не ощущаемую человеком,
но вполне материальную
субстанцию, как, например,
это тепловое
инфракрасное излучение.

В лаборатории исследования физических полей биологических объектов.

Снимается радиотепловая карта мозга.

А это магнитная запись работы сердца.

Видеозапись теплового инфракрасного излучения руки здорового человека и с нарушенным кровообращением (болезнь Рено).

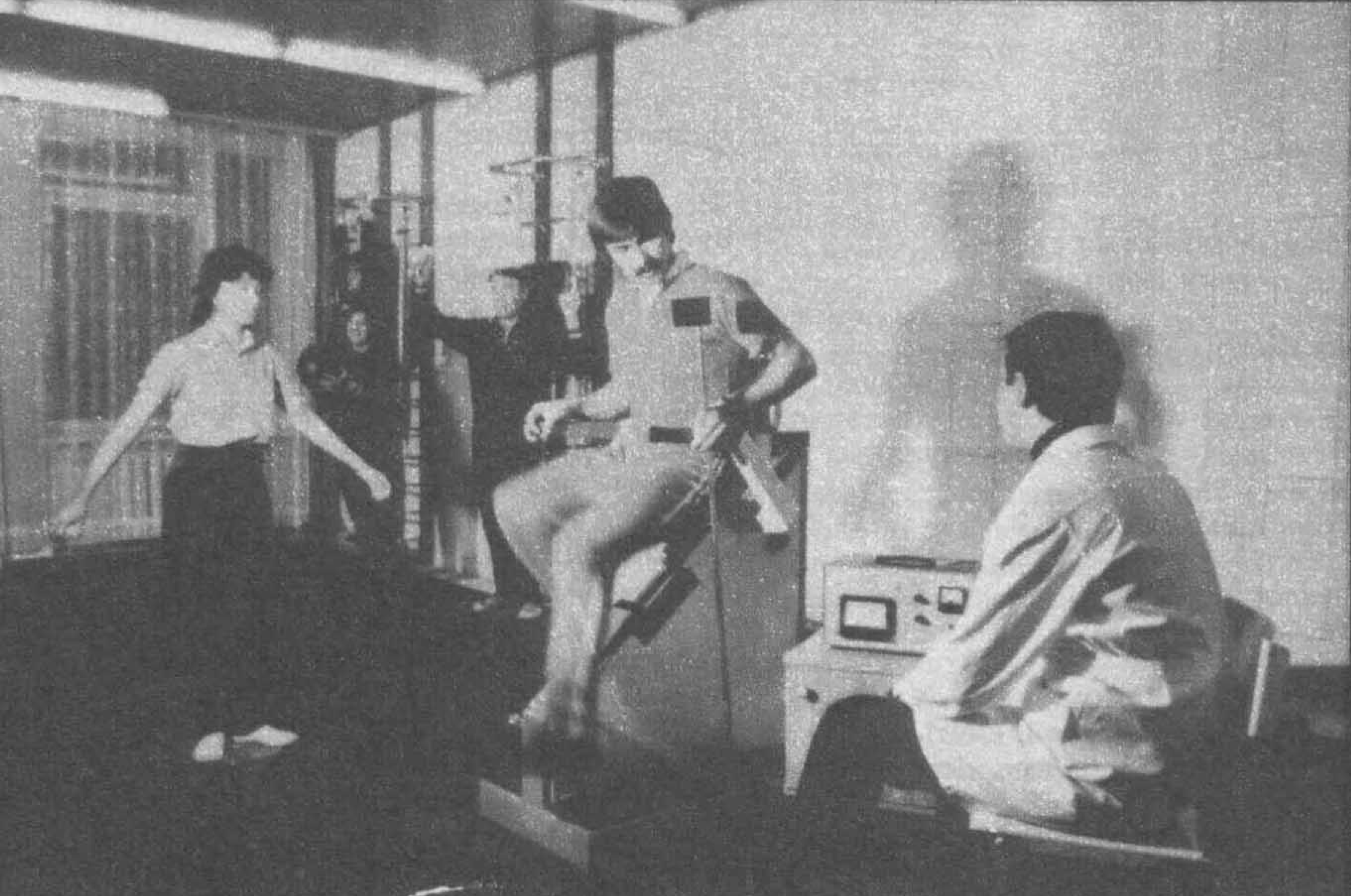

Приятно нежиться
под каскадными струями
целебной воды
в собственном профилактории.
И не только приятно —
гидромассаж снимает усталость
после трудовых смен,
укрепляет здоровье.
У работников
московского завода
«Знамя революции»
это любимая процедура.

ДОМ ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ

Татьяна НОВИКОВА
Фото Анатолия БОЧИНИНА

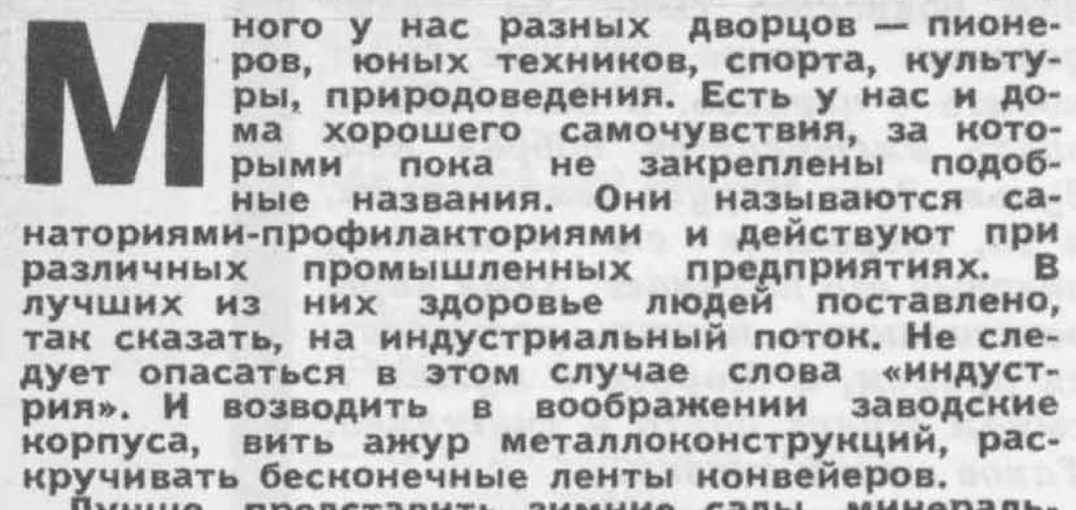

В кабинете физиотерапии.

Заводской дом хорошего самочувствия.

Без колес — к здоровью.

Много у нас разных дворцов — пионеров, юных техников, спорта, культуры, природоведения. Есть у нас и дома хорошего самочувствия, за которыми пока не закреплены подобные названия. Они называются санаториями-профилакториями и действуют при различных промышленных предприятиях. В лучших из них здоровье людей поставлено, так сказать, на индустриальный поток. Не следует опасаться в этом случае слова «индустрия». И возводить в воображении заводские корпуса, вить ажур металлоконструкций, раскручивать бесконечные ленты конвейеров.

Лучше представить зимние сады, минеральные источники, певчих птиц и лебедей в прудах, ритмичный рисунок зеркал в танцевальном зале, уют и внимательный уход заботливых медиков. Подход индустриальный в данном случае означает лишь подход комплексный, с использованием материальной финансовой базы предприятия для организации полноценного отдыха трудящихся.

Именно таким образом и развивается социальная программа на московском машиностроительном заводе «Знамя революции». Иначе, как дворцом доброго здоровья, не назовешь профилакторий предприятия. До полного цикла лечения в нем не хватает лишь одного врачебного кабинета, который намереваются открыть в ближайшем будущем. Но и сейчас здесь двадцать один кабинет, в которых заводчане могут получить шестьдесят видов процедур, в том числе и лечение водой из собственного минерального источника.

Ее здесь применяют и для изготовления шипучих целебных напитков, настоянных на ягодах и травах.

Отдых (без всякой иронии) — дело весьма серьезное. Сауна, кабинет психоэмоциональных разгрузок, грязелечебница, бассейн с каскадом для гидромассажа помогают людям не только основательно восстановить силы и укрепить здоровье. Процедуры и закаливают. Скажем, в прошлом году в санатории-профилактории отдохнули две тысячи человек. И это сказалось на числе больничных листов — оно заметно снизилось. А в связи с этим повысились и производственные показатели.

В заводском дворце здоровья активно применяют врачующий дизайн. К примеру, заводские самодеятельные художники создали в санатории-профилактории своеобразную галерею с своим запасником. Интерьер дополнили работами клуба юного техника. Восстанавливают тут не только физические возможности человека, но и его душевное спокойствие.

Разумеется, санаторий-профилакторий не может полностью решить всех задач, связанных с полноценным отдыхом. Стоит вспомнить хотя бы об отпуске, который работники завода проводят в своем крымском пансионате. Его по всей справедливости можно считать филиалом дворца здоровья, где закрепляются усилия заводских медиков. Пансионат в Судаке тоже построило предприятие.

И не было бы в этом факте ничего примечательного, поскольку сейчас многие промышленные объединения обладают своими здравницами, если б не одна любопытная деталь. Дело в том, что в Судаке, как и в большинстве крымских городов, весьма остро стояла проблема питьевой воды. Чтобы напоить пансионат, требовалась круглосуточная работа четырех цистерн-водовозов. Вот и решили построить на паях с другими организациями водовод. И построили. Но в основном в этом принимал участие завод «Знамя революции». И, по существу, шестидесятикилометровый водовод служит не только нуждам пансионата, но и всему городу.

В феврале 1923 года Марина Цветаева писала Борису Пастернаку: «Только что кончила большую поэму... не поэму, а наваждение, и не я ее кончила, а она меня,— расстались, как разорвались!»

Это была поэма «Молодец», которую Цветаева создала по мотивам сказки Афанасьева «Упырь». Прекрасная девушка Маруся встречает упыря в обличии доброго молодца. Подпав под его неотразимую власть, она скрывает, что встречается с ним, не называет его по имени и этим губит своих родных, а потом и себя. Между тем ей надо лишь произнести слово «упырь», чтобы он навсегда исчез, а она спасла бы себя и своих близких. Но она не делает этого, и вот, уже похоронив отца с матерью, умирает сама. Ее хоронят, как велит старая колдунья: проносят под порогом и зарывают на перекрестке. На могиле Маруси расцветает прекрасный цветок. Его находит проезжающий мимо боярский сын и привозит в свой дом. Цветок оборачивается красной девицей, она становится женою боярского сына, но ставит условие: четыре года не будет ходить в церковь. В дальнейшем опять вмешивается добрая колдунья, дает Марусе святой воды, и та, взбрызнув ею нечистого, впервые его называет. Злые чары рассеиваются, нежить рассыпается прахом, а Маруся с мужем и сыном живут долго и счастливо. Таков сюжет сказки.

Что делает поэт с творением народной фантазии? Переосмысляет его. «Я прочла у Афанасьева сказку «Упырь»,— писала Цветаева в статье «Поэт о критике»,— и задумалась, почему Маруся, боявшаяся упыря, так долго не сознавалась в ею виденном, зная, что назвать — спастись? Почему вместо да — нет? Страх?.. Пусть — и страх, но еще что-то. Страх — и что? Когда мне говорят: сделай то-то и ты свободна, и я этого не делаю, значит, мне не-свобода — дороже. А что такое дорогая несвобода между людьми? Любовь. Маруся упыря любила, и потому не называла, и теряла, раз за разом, мать — брата — жизнь. Страсть и преступление, страсть и жертва...

Вот — моя задача, когда я бралась за «Мо́лодца». Вскрыть суть сказки, данной в костяке. Расколдовать вещь». Поэму-сказку «Мо́лодец» Цветаева посвятила Пастернаку.

Поэму Цветаевой отличают глубокий психологизм, достоверность страстей. Поэт сумел передать сложные, драматические человеческие чувства, используя русскую народную речь, вернее, творчески преобразив народную «молвь», фольклорные обороты и речения. Все это делает «Мо́лодца» совершенно неповторимым, сильнейшим произведением нашей поэзии. Ниже печатаются две главы из второй части поэмы — о цветке, превратившемся в прекрасную девушку. Этот эпизод являет собой первые ступени мучительного восхождения Маруси к своей судьбе: к себе «домой».

А. СААКЯНЦ

Марина ЦВЕТАЕВА

МО́ЛОДЕЦ

М. И. Цветаева. 1924 год.

БАРИН

— Эй, звоночки, звончей вдарим!
Наша новая дуга!
Молод барин, холост барин,
Стар у барина слуга.

— Эй, дружочки, скорей будем!
Да на все наши снега!
Буен барин, бубен — барин!
Хмур у барина слуга.

Эй, кони мои —
Вы сони мои
Нахлёстанныи —
Эй, версты мои!

Верста слева, верста справа,
Верста в брови, верста в тыл.
Тому песня, тому слава,
Кто дорогу породил.

Уж не Сидор я, не Павел,
В плечах — удаль, в ушах — гул.
...В глазах — столб рябой поставил,
В снегах — вёрсту протянул.
Эй вы кони мои
Сони мои
Собственныи!
Нахлёстанныи!
Эй, версты мои!

Втору сотню загребаем,
Пляши, сбруя, гуляй, кнут!
— Глянь-кось, барин, встань-кось, барин,
Чем снега́-белы цветут!
Где версты сошлись,
(Все — врозь, одна ввысь) —
Цвет, цвет румянист
Горит, уголь-чист!
(Нов у барина глазок,
Скок у барина легóк).
Перстами защелкал:
— Ай, сдую! Ай, сдерну!
— А ты его с толком!
А ты его с корнем!

В ладошки заплёскал:
— Ай, знатный! Ай, важный!
— Смотри, барин, слез бы
С красой — да не нажил!

(Млад у барина зубок,
Нрав у барина резóв).

В сугроб — по колено,
Меха — нараспашку.
(Коль красен, так мне мол,—
Грехи наши тяжки!)

Торопится, взором
Ест, горячится.
— Ну как, барин, скоро ль?
Место нечисто!

Обдувает, стряхивает
Снег с листа.
Сел, в полу запахивает.
— Гей, верста!

МРАМОРА́

Что за свет такой в снегах
О двенадцати столбах?
Сугроб — белая гора,
Пра́дедовы мрамора.

По той лестнице — да ввысь:
Взглянуть — ноги отнялись!
Сверкнула — и канула
Стремниною каменной.

Отрешись — хоть раз испей
Мраморных оторопей!
Взглянешь — и вбросятся
Мороком, пропастью.

Впрочем — богу ли соврем? —
Столб как столб и дом как дом:
С башнями, с банями:
Нашего барина.

Что ж барин? Бражничает?
Буйствует? Шпажничает?
Жизнью небрежничает,
С цветиком нежничает.

Цвет мой-найденыш,
Жар мой в ладонях,
Князь мой — затворник,
Красный поддонник.

Как ударит в барабан
Красный мрак по мрамора́м,

Как взыграет, аргамак,
Красный мрак во мраморах —

Да по притолкам — в дыма́,
Да по тутолкам — в чаны...
И не надо мне вина!
И не надо мне жены!

Ой ли?

Младость в ладонки
Плещет с веселья,
Старость в сторонке
Стелет постелю.
Стелет — без складок,
Канет — без дна...
Старость на младость
Очи взвела.

Встала — да во мрак,
Встала — да вперясь:
— Я у тебя раб,
Ты у меня князь.

В энтих мраморáх...
(К уху наклонясь):
Стар у тебя раб...
Нежить завелась.

Так что — безо лжи —
Виду не кажи,
Взору не межи,
В зоркости лежи.

Не ветер в горах
Седины отряс.
Гудит в мраморах
Двенадцатый час.

Высок, одинок
Грядет государь.
(Считай, баринок:
Четвертый удар!)

Час — тысячегруд,
Час — тысячеуст.
Все мóроки дружб,
Все промахи чувств —
Все выворотил
И выбросил — вал.
(Эй, выше держи!
Девятый упал!)
Девятый удар,
Десятый размах.
Грядет государь,
Грядет в мраморах.

В бахрóмах — заглох
И — громом вдоль зал —
Высокий, как вздох,
Двенадцатый вал.
Да с двенадцатым, с последним —
в самый бой
Как встряхнется-встрепенется
зелень-зной.
Да с двенадцатым, с последним —
в самый вал
Как сорвется-оторвется пламень
ал.

(Барин как взарится!)
Нáземь, как свеется!
Да как ударится
Красною девицей!

Красное приданое,
Щечки бесчувственные.
Стан запрокидывает,
Ручки выхрустывает.

Грудками взыгрывает,
Деснами взблескивает,
Полными пригоршнями
Дрёму расплескивает.

Взблёстами! — Искрами!
Бровки-то — в две версты!
Ай да поистину
Красная девица!

Бочком вправо,
Бочком влево.
Плывет павой.
Барин — следом.

В ногах — навык:
Чертог — ведом.
Берет вправо.
Барин — следом.

Громки мраморные плиты,
А ее шаги — как смыты.

Звонки мраморные стены,
А ее шаги — как в пену.

Луна в небе — бела.
Плывет,— влево взяла.

Плывет — хлебом,
Плывет — медом.
Барин — следом:
Как запродан.

Метет змеем,
Метет русым.
Как приклеен,
Как прикручен.

Хитры девицыны плутни!
(Глядит); занавес лоскутный:

Легка девицына свита.
Посередке — стол накрытый.

Не сробевши вот столь —
Хвать — за хлеб да за соль!

Яства — искусные,
Вина — печатные.
Корочкой хрустнула,
Чарочкой звякнула.

Смоквы — роскошные,
Сласти — московские.
Корка искрошена,
Чарка расплескана.

Слезкой наслащивает,
Думкой — закусывает.
Всеми суставчиками
Скуку выхрустывает.

Как ударит из стремян
Лунный луч по хрусталям,

Как выграет, раскалясь,
Лунный луч во хрусталях

Да как упрется
В лик ее лепый...
— Батюшки-светы!
Очи-то — слепы!

Впалый.
Огненный.
Встала.
Вздрогнула.
Лик — как выдышан.
Ни кро-
виночки,

В лентах — в ржавостях,
В бусах — в тусклостях.
Стенкой крáдется.
Ухом слушает.

Вьется, лепится
Черной немочью:
Как по лесенке —
Вверх по стеночке!

Веки суживает,
Плечи втягивает:
Ох, подслушивает!
Ох, подглядывает!

Да как взманит,
Телом прянет,—
Об земь грянет —
В пляс пошла!

В те звонки невидимые
Ты кому названиваешь?
Ты кому подмигиваешь?
Ты кого приманиваешь?

Не путем — так с вывертами!
Не за грош — так втридорога!
Усмешками призрачными
Ты кого заигрываешь?

С кем хороводишься?
Где твои званые?
Ведь никогошеньки:
Месяц да мраморы.

Месяц — взблёстами
Звяк — об стеклышки.
Чаркой — пó столу:
С милым чокнуться!

Чарка — вдребезги!
Скатерть — краскою!

Знать у девицы
Счастье — красное!

Хочу, страчу!
Хочу спрячу!
Пляшет. Плачет.
Плачет. Пляшет.
Вплавь. Вскачь.
Все — враз!
Пляс. Плач.
Плач. Пляс.

Парусами шелковыми
Середь пола — колоколом.

Ладошки на выворот:
Землицу раскидывает.
Ай клад?

Ноготками яростными
В половицах скрябается.

С Востока да к Западу
Ложбинку выкапывает:

Ан:
— дон!
Мóрокам приказ:
Вспять!
Вон!
Утренний закон:
Звон:
Час.

Бочком вправо,
Бочком влево.
Плывет павой.
Барин следом.
Пропал, бравый!
Пропал, бедный!
Берет вправо —
Барин следом.

Громки мраморные долы,—
А ее шаги — как в золы.
Громки ржавленные скрепы —
А ее шаги — как в пеплы...

Мимо спящих бород
Метет,— влево берет.

Глоток краткий,
Шажок срочный...
Носком — в пятку:
Как пристрочен.

Уж не раем
Метет — пёлом,
...Как припаян,
Как приклёпан.

Легки девицыны взломы!
Глядит: горенка знакома.

Хитры девицыны прятки!
Глядит: деревцо да в кадке.

Лбом об землю — чок!
Да на ветку —
Скок! —
Тут к ней барин! Хвать!
«Говори как звать:

Имя, званье, род!»
Схватил-замер-ждет.
Тут — началось!
(Где и взялось?)
Пламем взмелось!
Змеем взвилось!
Вьется из рук,
Бьется из рук,
Рвется из рук,
Льется из рук.

Сгреб — не дает,
Брык-скок-бег-лет —
Поводом рвет,
Парусом бьет.

Прыгом из рук,
Шибом из рук,
Кидом из рук,
Дыбом из рук.

В лоб укротил —
Полымем в тыл!
Барин — из жил,
Барин — из сил:

Широкогруд,
Жилой — упруг.
Рыбой из рук!
Рывом из рук!
Месяц — во мрак,
Куст — невелик
Сучьями — как
Крючьями в лик!

Месяц — во мрак,
Куст, распалясь,
Шипьями — как
Клычьями в глаз!

Держит (из ям —
Очи!) — вот-вот
Ввысь по ветвям
Цветом уйдет!

Держит (бугром —
Жилы!) — Ни в жызть!
Тут из бахром
Громом: «Держись!»

Лист — в берега,
Месяц — из туч,
К деве — слуга:
—«Крест-тебе-ключ!»

Как взстонет тут древо!
Как вздрогнет тут дева!
Как справа — налево
Да слева — направо

Руками, ветвями...
Ослабла, размякла.
Последнее пламя,
Последняя капля
Иссякла, потухла,
Потухла, погасла.
Как пакля — как кукла —
Как лампа без масла...

Потухла,
Поникла,
Погасла.

— Откуда сквозная такая?
— Не знаю.
— Лоза привозная, я чаю?
— Не знаю.
— Какая гроза за плечами?
— Не знаю.
— Как прежде в глаза величали?
— Не знаю.
Тут как вскинет барин брови!
— Хочешь жить со мной
в любови?

Жизнь? — На! — Смерть? — Мне!
— Не зна-ю, не...

Подступает барин тише:
— Может, грех какой давнишний?

Он — дай, ты — нá...
О-на: «Не зна-
ю, не помню»... Барин звоном:
— Не в княжны беру, а в жены!

Же-на од-на!
— Не — знаю... Нá...

Шумком скушным тростниковым:
— Ты послушь мои три слова!

(Долго ль вместе лечь?
Не об этом речь)

Покорись девичьей бредне:
Не томи меня к обеде

Пять годов — день в день,
Пять годов — и день.

Холодна иду под полог:
Не сзывай гостей веселых,

В одиночку пей,
Не зови гостей.

А последний тебе сказ мой:
Ни одной чтоб нитки красной,
Ни клочка, ни зги!

Деревцо сожги...

Александр МИНДАДЗЕ

В РАБОТЕ НЕТ ЗАГАДОК

Недавно известному советскому сценаристу Александру Миндадзе была вручена в Италии премия имени Эннио Флайяно. Эта премия, носящая имя знаменитого итальянского драматурга, сценариста многих фильмов Ф. Феллини, литературная, она присуждается на ежегодном конкурсе по разделам прозы, театра, телевидения, кинодраматургии, критики, а также актерам «за интерпретацию литературы в кино». На тринадцатом конкурсе лауреатами премии «Флайяно-86» стали Джульетта Мазина, Витторио Гасман, известный итальянский драматург Уго Пирро, а также исполнитель главной роли в фильме «Спрут» Микеле Плачидо. Александр Миндадзе стал ее обладателем как лучший иностранный драматург.

— Александр Анатольевич, расскажите, пожалуйста, о ваших впечатлениях, ведь вы первый из советских сценаристов, получивший эту почетную премию.

— Действительно, мы, сценаристы, зарубежными премиями не избалованы, и когда мне сообщили, что я стал лауреатом конкурса «Флайяно-86», я даже не знал, что это такое, и с трудом выяснил у специалистов. С удовольствием разделяю эту премию с советской школой драматургии, с традицией авторского кино в нашем кинематографе, а также с Геннадием Шпаликовым, Евгением Григорьевым, Юрием Клепиковым, которых считаю своими учителями, и, конечно, с другом и единомышленником режиссером Вадимом Абдрашитовым — благодаря его таланту и мужеству мои сценарии увидели свет.

Фильмы Миндадзе и Абдрашитова завоевали солидный зрительский авторитет неспроста. Но в чем же их своеобразие? Чем выделяются они из множества проблемных картин, исследующих социальные конфликты нашего общества? Эммануил Кант сказал однажды, что трагедия — это не когда кто-то прав, а кто-то виноват; трагедия — это когда правы оба. Не называя ситуации в фильмах «Охота на лис» и «Остановился поезд» собственно трагическими, легко все же заметить, что этот принцип соблюден в них вполне. И в той, и в другой ленте проблема вскрывается через столкновение персонажей, каждый из которых выражает собственную, реально существующую правду.

В чем, например, можно упрекнуть следователя Ермакова из фильма «Остановился поезд»? Разве не прав он, когда говорит журналисту Малинину: «Буква закона, которую ты легкомысленно презираешь, она есть единственное, что защищает тебя, когда ты едешь в поезде или ночью идешь по улице».

Но и Малинин — честный человек — понимает и поступает по совести, от чистого сердца. Кто же из них прав и где она, настоящая правда? В фильмах А. Миндадзе и В. Абдрашитова нет однозначных решений.

Это вовсе не значит, что авторы стремятся запутать зрителя. Наоборот, здесь их желание проникнуть в конфликт на максимальную глубину. Было бы значительно проще расставить героев по местам, разыграть драму, произнести мораль и разойтись подобру-поздорову. Однако много ли пользы в таких забавах? Ведь реальность, окружающая нас, никогда не вмещалась в одно измерение. И вскрывая пред нами истинную парадоксальность проблем, занимая при этом свою позицию, авторы предлагают зрителям самим во всем разобраться, сделать собственный выбор, намеренно исключая подсказки и какие-то рецепты.

Фильм «Парад планет» посвящен конфликтам уже иного порядка. Вадим Абдрашитов очень коротко сформулировал его суть: «Парад планет» — это зарисовка поколения. Потому и проблемы приобретают здесь удивительный размах: это уже не противоречия внутри замкнутой структуры, а столкновение ее самой с реальностью бытия, художественное исследование результатов этого столкновения. Как живут герои, как дружат, любят, растят детей?

Интересно, что с выходом на столь высокие вопросы заметно меняется и киноязык, которым ведется разговор. Если в предыдущих лентах авторы были довольно скупы на краски, выражались жестко, стараясь быть предельно точными, то в «Параде планет» им потребовалось и максимальное богатство цвета, и очень серьезная музыка, появились притчевые интонации. В связи с этим следующий вопрос нашей беседы. Итак...

— О ваших фильмах нередко можно услышать, что они сложные, и практика подтверждает это. Помню, например, как в одном московском клубе любителей кино после просмотра «Парада планет» выступало много зрителей, причем каждый со своей трактовкой. Как вы к этому относитесь?

— Нормально. Драмой это не считаю. Люди и должны понимать произведения искусства по-разному. Кстати, со временем, когда фильм прошел по многим экранам, его уже не воспринимали столь различно.

— Но тем не менее восприятие ваших фильмов требует от зрителя определенного труда, определенной подготовленности. Получается, что вы в своей работе ориентируетесь скорее на искушенных знатоков...

— Знаете, знатоки знатокам рознь. Среди так называемых знатоков встречаются люди чрезвычайно плоские, недалекие, а среди «неподготовленных» — люди внутренне богатые, умеющие чувствовать очень глубоко. Кстати, думаю, дело вовсе не в подготовленности, а в определенном уровне душевного развития. Картину «Охота на лис», например, понять ничего не стоит — сумерки жизни человека. Однако не всем она доступна, видимо, необходимо определенное нравственное чувство, есть ли оно — зависит не от количества прочитанных книг...

Что же делать? Думаю, ориентироваться на себя, писать так, как тебе свойственно, оставаться собой. Если бы я начал работать на потребу невзыскательного вкуса, писать упрощенно, чтобы было понятно всем, я почувствовал бы себя виновным вдвойне. Наш зритель и так развращен стереотипами, которые насытили кинематограф в последнее время. Кроме того, я перестал бы говорить с тем зрителем, которому, смею надеяться, нужен.

Кстати, я не считаю наши с Абдрашитовым фильмы сложными. Там нет никаких ребусов, кинематографических загадок. Они просты, только требуют некоторой работы души.

— Традиционный вопрос: почему хороших сценариев мало? С чем, по-вашему, это связано?

— Действительно, сценариев хороших мало, очень мало, как, впрочем, и хороших режиссеров. А поскольку картин мы выпускаем огромное количество, соотношение и получается таким выразительным.

Кроме того, в любом деле существуют свои подъемы и спады. Подъем в нашей кинодраматургии пришелся на конец шестидесятых. Тогда появились прекрасные работы, родилось много новых имен. Теперь наша речка несколько обмелела, видно дно...

Стало принято во всем обвинять положение, которое долгое время существовало в нашем киноделе, оправдываться запретами, тем, что было «нельзя», и поэтому... Да, конечно, запреты дали возможность существовать и процветать за счет кино приспособленцам и конъюнктурщикам, заполнившим образовавшийся вакуум. Происходили странные метаморфозы: в начале семидесятых, когда я оканчивал ВГИК, людям, не особенно обременявшим себя муками творчества, было в кино трудновато. Тогда они еще испытывали комплекс неполноценности, стеснялись, жались по углам. Но вот прошло время, и вдруг оказалось, что каким-то образом именно они заняли многие главнейшие позиции в кинематографе. И наоборот, те, кто пытался еще что-то говорить, почувствовали себя совсем неуютно: определяющими стали критерии, установленные новыми хозяевами жизни, их уровнем. А они

мерили все собственной меркой, по-настоящему хорошо умея только одно — беречь свое «творческое» кресло.

Теперь ситуация изменилась. Казалось бы, открылись возможности наверстать упущенное, снять неснятое. И тут вдруг выяснилось: в столах не так уж много лежит, по-настоящему хорошие сценарии можно все пересчитать по пальцам одной руки.

Так что запретами оправдываться, наверное, не стоит.

— Чем же оправдываться?

— Причин много. Настоящий сценарий — вещь очень сложная. Рецепты, как его писать, весьма приблизительны...

А потом, режиссура сама подпилила тот сук, на котором сидит. Наша профессия просто не выдержала с ней конкуренции. Ведь режиссер — человек государственный и на студии полный хозяин, он не хочет ставить фильмы по чужим сценариям, хочет выражать себя. К сожалению, только единицы имеют для этого основания, могут позволить себе использовать сценариста в качестве литературного подмастерья, человека, обрабатывающего чужие мысли... В результате многие авторы просто стали обслуживать режиссеров, их вкусы, и соавторство часто было откровенной подневольной финансовой сделкой. Помимо этого, авторам приходилось обслуживать студию, тематический план, редактуру, и не из творческих соображений, а чтобы только остаться в кино. И оставались. А наша профессия меж тем потеряла очень многое.

У меня в данной ситуации случай особый, редкий: я работаю только с одним режиссером, и наши отношения совсем иного рода. Мне повезло больше, чем многим моим коллегам. Но думая о них, хочется сказать: хорошие сценарии все равно остаются. Человек, написавший пять-шесть отличных сценариев, имеет право на книгу — разговор с читателем один на один, выход на его суд в одиночестве.

— А кого из сценаристов вы бы выделили? В частности, из молодежи?

— Интересные люди есть, но их имена давно известны. А вот новых имен, к сожалению, не знаю... Попадаются сценарии, написанные неплохо, но общая беда нашей кинодраматургии, несмотря на постоянный приток молодых сил,— дефицит содержательности. Читаешь, и ничего тебя в этом по-настоящему не волнует, ни новый взгляд человека на вещи, ни сами вещи, ни то, как они тебе преподнесены. В этом смысле мы отстаем от прозы, где в общем потоке беллетристики и коммерции встречаются все же вещи глубокие, обогащающие нас большим смыслом, напоминающие традиции прошлой русской и советской литературы.

Сейчас все говорят, что хотят быть ближе к правде жизни. Надеюсь, что эти благие пожелания реализуются и принесут плоды.

— Но все-таки почему так мало талантливой молодежи?

— На мой взгляд, в первую очередь это связано с нетребовательностью людей к себе. Молодой драматург входит в кино очень трудно. На этом пути его подстерегает много соблазнов. Конечно, стать человеком, выполняющим разные поделки, легче, чем писать серьезные вещи. Так же и в режиссуре — очень широко открыты двери «Дебюта», очень низкие требования к самой режиссуре, очень мало образцов. Низкий уровень, низкие требования дают возможность человеку, вступившему на этот путь, довольствоваться низкими результатами, преследовать часто лишь коммерческие цели и при этом считаться маститым художником. О других причинах мы уже говорили.

— Наверное, перемены, которые происходят после съезда кинематографистов, изменят положение дел...

— Хочется верить — всякие перемены несут надежды. Подождем, как они отзовутся...

«ПЛЮМБУМ, ИЛИ ОПАСНАЯ ИГРА»

ТАК НАЗЫВАЕТСЯ НОВЫЙ ФИЛЬМ В. АБДРАШИТОВА ПО СЦЕНАРИЮ А. МИНДАДЗЕ.

Плюмбум — это свинец, металл мягкий, податливый. Его легко расплющить, скатать, придать любую форму. Ту форму, которая необходима.

Авторы фильма не случайно дали своему герою такое прозвище. Ну, например, сталь высекает искры, свинец — никогда. Так и все поступки Руслана, резкого, бесстрашного, словно проваливаются беззвучно в некое небытие, оставляя после себя лишь слезы, горе, несчастье. Он, как пуля, что не приносит добра, даже борясь со злом. Пуля, которая разит, не задумываясь, не разбирая.

Хороший ли он человек? Вроде бы да. Он хочет быть «санитаром города, вычищать грязь». Он не боится черной работы и не откладывает ее на завтра. Но кому он сделал добро? Помог ли, поддержал, подал руку? Нет, это ему не приходит в голову. Руслан оказывается крайне поверхностным, если вдруг отвлечься от его собранности, целеустремленности, направленности на борьбу.

Он видит одно только зло, знает много его разновидностей, а вот добро ему не знакомо. Кажется, он забыл, что оно существует на свете.

Руслан своими поступками, твердостью, уверенностью в себе вполне тянет на взрослого сорокалетнего мужчину. Он действует в одиночку, в любых обстоятельствах, перехватывая инициативу и подчас заправляя людьми гораздо старше его. Он еще и даст им сто очков вперед.

Но душа его не так сильна. И именно здесь он допускает свои главные просчеты. Впрочем, к душе не подходит слово «просчеты», просто Плюмбум не смог докопаться до истинных причин окружающего зла, так и не узнал главной правды, а потому и рубит сплеча, не разбирая голов.

Виноват ли он? Наверное, да. Но не будем и мы следовать его примеру. Давайте посмотрим шире...

Примерно так рассказывал мне о фильме московский школьник Антон Андросов, который и сыграл Плюмбума. А я думал о том, смог бы он чем-то помочь Руслану, окажись он его одноклассником или, скажем, просто приятелем. Думал так потому, что видел, как взбудоражила душу парня его встреча со своим героем. Сколько себе проблем предстоит решить ему за двоих — за себя и за Руслана!

Работа над фильмом закончена, но работа души только начинается.

С режиссером и юным актером беседовал Вадим КИРЮХИН.

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

В тот вечер у нас в гостях были артисты эстрады, с большим успехом выступившие с концертной программой на КамАЗе, куда выезжали с шефской бригадой «Огонька».

Пианистка Лидия Неведомская в 1975 году окончила Московскую консерваторию по классу профессора Т. Д. Гутмана. К молодой артистке сразу приходит успех, она становится лауреатом Первого Всесоюзного смотра творческой молодежи, дипломантом Международного конкурса пианистов в итальянском городе Сенигаллии, одного из самых многочисленных по составу и трудных по условиям проведения для исполнителей. В репертуаре артистки произведения Бетховена, Шопена, Шуберта, Листа, Мусоргского, Скрябина, Шостаковича, Хренникова, Тактакишвили. В этот раз по нашей просьбе она исполняла этюды Шопена и Листа. Лидии Неведомской свойственны не только высокая техника исполнения, но и истинная глубина чувства, тонкая художественная интуиция.

До того, как стать солисткой Москонцерта, Елена Мартынова несколько лет проработала в драматическом театре. Пела она всегда, и вот эта страсть завладевает ею целиком, и она уходит на эстраду, сочетая пение с декламацией. Мартынова обладает редкой музыкальностью, гибким и сочным голосом. Ее манера исполнения покоряет большой искренностью, богатством интонаций, выразительностью декламации. В ее репертуаре наряду с произведениями советских композиторов песни Латинской Америки, негритянские спиричуэлс, песни протеста, русские народные.

Артисткой подготовлено несколько концертных программ. Одна из лучших — песни и стихи Владимира Высоцкого. У нас еще слишком свежи воспоминания о Высоцком. Многим привелось слышать его самого, пластинки, напетые им, магнитофонные записи... В исполнении Елены Мартыновой нет подражательства. Слушая ее, ощущаешь, как она стремится заново пережить песню, раскрыть ее смысл.

Вел концерт Юлий Рубанов — артист-иллюзионист. 28 лет он выступает на эстраде как фокусник и конферансье. За эти годы артист побывал во многих странах и вдруг открыл в себе неожиданную способность — легко и быстро осваивать язык той страны, в которую приезжает. Юлий Рубанов ведет концерт на различных языках, будь то вьетнамский или индийский.

— Единственное, что меня смущает,— говорит артист,— это акцент. Вот Борис Брунов ведет свою программу на любом языке без акцента.

И в заключение вечера он продемонстрировал нам свое высокое мастерство иллюзиониста.

Ю. ВЛАСОВА

«Нюрнбергские призраки» — так называется новый роман Александра Чаковского. Первая его часть будет опубликована в 1987 году в журнале «Октябрь». Мы попросили писателя рассказать об этой работе.

— Действие книги происходит как бы в двух временных пластах. События первой части разворачиваются в Берлине и Нюрнберге сразу же после победы над фашистской Германией, второй — в наше время. Два времени, а сущность явлений одна. Герой книги — эсэсовский генерал, скрываясь от возмездия, с помощью подпольных фашистских организаций, а также американской разведки, перебирается в Южную Америку. Спустя годы его сын, воспитанный в фашистском духе, приезжает в Европу и становится агентом западных спецслужб... Роман этот о неонацизме и его корнях.

— Если можно, несколько подробнее о фабуле книги...

— Как я уже сказал, в центре первой части романа судьба эсэсовского генерала. Это бригадефюрер Адальберт Хессенштайн. Вызванный Кальтенбруннером в Главное имперское управление службы безопасности незадолго до падения Берлина, он уже не может выбраться из осажденного города и вернуться в свой родной Нюрнберг.

Бездомный, вынужденный ночевать в подвалах разбомбленных зданий, ежеминутно опасающийся встречи с людьми, которые могут его опознать. Хессенштайн скитается по разрушенному Берлину, не видя выхода из ловушки, в которой оказался.

Доведенный до отчаяния, он разыскивает виллу своего бывшего сослуживца — обергруппенфюрера Конрада Крингеля. Хозяина там давно уже нет, но его жена Марта и ее отец, старый нацист Кестнер, поселяют Хессенштайна у себя.

С помощью фальшивых документов Адальберт Хессенштайн хочет попасть в Нюрнберг, где осталась его жена Ангелика, а также ценности и важные документы... Тем временем в Нюрнберге начинается подготовка Международного Военного Трибунала к суду над военными преступниками. Пластическая операция делает лицо бывшего эсэсовца неузнаваемым и позволяет ему приехать в Нюрнберг, не опасаясь быть узнанным, принимать участие в деятельности подпольной нацистской организации...

— Как и в прошлых ваших работах, в новом романе, видимо, использован богатый фактический материал?

— Я старался использовать самые разные источники. Казалось бы, хорошо все известно об этом процессе, но новый свет проливают на него воспоминания очевидцев, изданные за рубежом. Большой интерес представляет книга психолога Гилберта «Нюрнбергский дневник», наблюдавшего преступников в тюрьме. В книге со стенографической точностью изложены беседы автора с главарями рейха. Обращает на себя внимание книга психиатра Дугласа Келли «22 камеры в Нюрнберге». Хотелось бы назвать также книгу Бэна Суэринема «Тайна самоубийства Геринга»...

— Подшивки периодики того времени помогли воссоздать атмосферу Германии конца 40-х годов. Это «Тэглихе Рундшау» и «Берлинер Цайтунг», выходившие в советском секторе в Берлине, газеты английского, американского и французского секторов «Берлинер», «Нойе Цайтунг», «Тагесшпигель», «Курир» и другие. Для советских читателей названия большинства из них мало что говорят, но атмосфера того периода воссоздавалась мною в романе во многом с помощью этих газет.

— «Нюрнбергские призраки» — политический роман?

— Такого подзаголовка я не давал. Однако если под жанром «политического романа» подразумевать произведения, в которых социальные конфликты выдвинуты на первый план, а сюжет затрагивает судьбы многих тысяч людей, то — да. А впрочем, пусть читатели сами судят об этом.

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

В один из дней, когда Адальберт скитался по Берлину, ночуя в подвалах и развалинах, в кабинет полковника Вертона Эндруса — ему предстояло стать начальником тюрьмы в Нюрнберге, где должен был происходить судебный процесс,— ввели задержанного американскими солдатами Германа Геринга.

Он был одним из тех военных преступников, которых выловили союзные войска и сгруппировали в люксембургском городе Мондорф-ле-Бэн, чтобы впоследствии перевезти в Нюрнберг.

Герман Геринг был одет в небесно-голубую форму «Люфтваффе» и весил 132 килограмма. Он привез с собой шестнадцать чемоданов, украшенных монограммами,— свои «личные вещи». Он обливался потом.

После короткого допроса Геринга отвели в камеру, а вещи Эндрус приказал тщательно проверить. Во время осмотра в одном из чемоданов была найдена баночка «Нескафе», а на дне ее, прикрытая кофейным порошком, крохотная ампула с цианистым калием. Другая ампула оказалась вшитой в один из мундиров рейхсмаршала. Опись всевозможных драгоценностей, которыми были набиты чемоданы, заняла несколько часов. Затем перед Эндрусом предстали Кейтель, Дениц и другие.

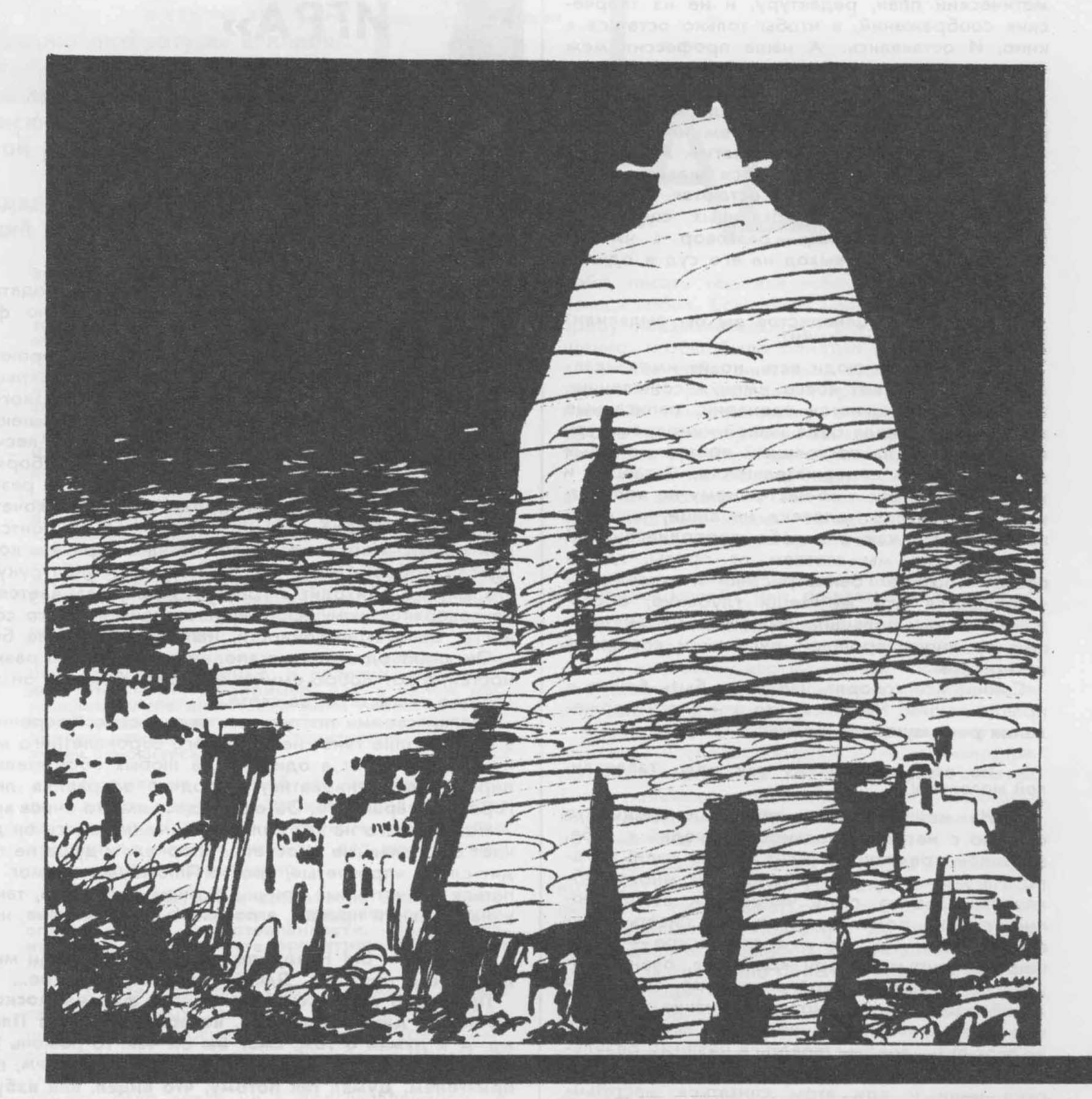
...Вскоре в Люксембург был прислан самолет, чтобы доставить в Нюрнберг всех военных преступников, содержавшихся в мондорфской тюрьме.

Эндруса весьма беспокоил вопрос охраны арестованных, и он отправился к военному коменданту Баварии генералу Паттону.

Широкоплечий генерал, отличавшийся, по общему впечатлению, солдафонской грубостью,— однажды он ударил по лицу раненого солдата, лежавшего на госпитальной койке, только за то, что ему не понравилась форма ответа на какой-то заданный им, Паттоном, вопрос,— принял Эндруса сухо и формально. Паттон недвусмысленно дал понять начальнику нюрнбергской тюрьмы, что суд над людьми, проявившими себя непримиримыми врагами большевиков, он считает полным абсурдом и убежден, что этот суд в конце концов будет сорван.

Однако вопреки убеждению Паттона преступники находились в тюрьме, примыкающей к нюрнбергскому Дворцу юстиции.

В семь утра окошечки в дверях камер раскрывались и заключенные получали завтрак. Полчаса спустя приходили военнопленные, чтобы в присутствии американских солдат забрать миски, ложки и кружки. Через некоторое время окошечки вновь раскрывались и каждому заключенному передавали метлу и тряпку — они сами наводили порядок в своих камерах. Затем они читали или готовились

Александр ЧАКОВСКИЙ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА

к защите. Несколько позже получали по чашке воды или, если было очень холодно, горячий кофе. Переговариваться военнопленным и заключенным было строжайше запрещено. Не разрешалось разговаривать даже с парикмахером, стражник в этих случаях всегда стоял рядом, чтобы предотвратить попытку самоубийства с помощью бритвы.

Раз в день доктор Пфлюкер совершал обход. После этого наступало время прогулки и заключенные в сопровождении стражников выходили во двор. Тем временем камеры обыскивались. Если заключенный хотел получить какую-либо книгу из библиотеки, он мог пойти и выбрать то, что ему было нужно. В распоряжении заключенных были шахматы, колоды карт. Ежедневно тюремный офицер совершал обход и выслушивал жалобы. Обед был в полдень — как правило, суп, мясное блюдо, овощи и хлеб. Ровно в шесть заключенные ужинали. По вечерам во вторник и пятницу они принимали душ. Читать или работать им позволялось до половины десятого.

О, сколь многого еще не знал в то время бригадефюрер СС Адальберт Хессенштайн! Он не знал, например, что судьба его как одного из руководителей гестапо вместе с судьбами других военных преступников уже не раз обсуждалась далеко за океаном.

Министр финансов США Генри Моргентау — излюбленная мишень таких газет, как «Фелькишер Беобахтер», «Штюрмер» и «Райх»,— был для Хессенштайна одним из руководителей плутократической еврейской олигархии, которая поставила себе задачей уничтожить Германию. А ему, Хессенштайну, следовало бы знать больше, например, что Моргентау предложил составить список немецких архипреступников, вина которых будет установлена ООН, и расстрелять их без суда и следствия. Не знал Адальберт и о том, что еще в 1944 году Черчилль всячески пытался убедить Сталина, что военных преступников надо казнить без суда. Тогда и позже Черчилль настаивал на казни руководителей гитлеровской Германии «списком», ссылаясь на то, что организация такого беспрецедентного в истории человечества процесса связана с неодолимыми юридическими и техническими трудностями. Как бы удивился Адальберт, если бы узнал, что именно «главный большевик» Сталин решительно выступил против американских и английских предложений, заявив, что не должно быть никаких казней без судебного процесса, иначе мир скажет, что победители побоялись предать преступников гласному суду.

Да, в то время Адальберт еще ничего этого не знал. Он скитался в берлинских развалинах, потом нашел пристанище в доме Крингеля, перенес пластическую операцию, ждал, когда тайные друзья патера Вайнбехера помогут ему получить необходимые документы...

О начавшемся в Нюрнберге процессе он узнал от Кестнера, ежевечерне читавшего ему газеты, а также из сообщений по радио — на черном рынке удалось купить для Марты подержанный «Блаупункт». Адальберт не знал многих подробностей, но главное с каждым днем становилось все очевиднее: надежды на срыв процесса рушились. Обвиняемым уже было предъявлено обвинительное заключение, и 20 ноября 1945 года представителю Великобритании лорду-судье Лоуренсу предстояло открыть процесс.

Казалось бы, все это должно было заставить Адальберта Хессенштайна держаться подальше от Нюрнберга, к которому, несомненно, скоро будут обращены взоры всего мира... Тем не менее его настойчиво тянуло туда, он мечтал войти в свой дом, обнять наконец Ангелику и, что было для него не менее важно, быть ближе к месту судилища.

Парадокс?

Да, если откинуть давнее утверждение криминалистики, что преступника всегда тянет к месту преступления. И если отбросить не лишенную логики, хотя и не бесспорную мысль, что именно в Нюрнберге о процессе можно было узнать больше, раньше и точнее, чем где бы то ни было.

После операции, когда сняли повязку, Адальберт взглянул в зеркало и ужаснулся: он был совершенно не похож на себя прежнего. Никто не сказал ему, что именно теперь его лицо как нельзя лучше выражает подлинную суть его, Адальберта, натуры, характера, склонностей,— ведь он был человеком-зверем, человеком-уродом, этот бывший бригадефюрер СС. Может быть, потому и тянуло его сюда, в разворошенное логово нацистов...

Адальберт мечтал хотя бы одним глазом заглянуть внутрь нюрнбергского Дворца юстиции, где открылся суд, почувствовать настроение подсудимых, тон обвинительных речей.

Когда Кестнер сказал ему, что перед началом фильма в кинотеатре неподалеку от дома показывают короткий документальный выпуск — открытие процесса, Адальберт тут же помчался в кино. Какие чувства владели им, когда в зале погас свет и на экране возникли огромные буквы: «СУД НАД ГЛАВНЫМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ»? Страх? Тревожное любопытство? Ненависть?

И вот Адальберт увидел...

Зал, отделанный мрамором. На возвышении — длинный стол для судей. Советский генерал, американские, английские и французские военные. Столы секретариата и стенографисток... Столы представителей прокуратуры четырех держав-победительниц. Диктор торжественно объявлял имена судей и прокуроров, но не к ним был прикован взгляд Адальберта. Он был устремлен к пустующим скамьям подсудимых в три ряда слева от входа. Диктор пояснил, что подсудимые будут доставлены в зал по одному через подземный ход, соединяющий Дворец юстиции с тюрьмой, и почти одновременно раскрылась едва заметная дубовая дверь, и в образовавшемся проеме показались один за другим ОНИ. О, как подался вперед, как впился руками в поручни кресла Адальберт!.. Он забыл, где находится, забыл, что перед ним на экране не живые люди, а только их тени, призраки, да и сам он, Адальберт — никому не известный, притаившийся в темноте зала,— уже не более, чем призрак. Один за другим они подходили в окружении американской стражи к скамьям за невысокой деревянной перегородкой. Адальберт беззвучно шевелил изуродованными губами, повторяя вслед за диктором: Герман Геринг, Рудольф Гесс, Риббентроп, Кальтенбруннер, Розенберг, Штрейхер... Второй ряд: Дениц, фон Ширах, фон Папен, Йодль... Вскоре были заполнены все скамьи. Дикое безумное желание овладело Хессенштайном: вскочить, вытянуть руку по направлению к Кальтенбруннеру, своему непосредственному начальнику, и крикнуть: «Хайль! Зиг Хайль!» Он был уверен, что весь зал поддержит его приветственное восклицание...

Между тем на экране показали публику, находившуюся в зале суда: одетые в парадную форму военные, дамы в мехах, точно на премьере в театре, занимали галерею... «Позор, позор!»— Кровь ударила в голову Адальберту. Как будто они пришли в шикарный ресторан или в зверинец посмотреть на экзотических животных!.. Адальберт опять грезил о невероятном: будто дело происходит в сорок четвертом году и те, кто сидит сейчас на скамьях подсудимых, неожиданно появляются на каком-либо собрании... Какими овациями встретили бы их! Конечно, тогда в зале сидели бы не эти, а другие люди...

Англичанин, которого диктор назвал лордом-судьей Лоуренсом, объявляет заседание трибунала открытым. Он предоставляет слово русскому и называет его «главным обвинителем от СССР». Адальберт снова впился в поручни кресла. Наконец-то! Наконец-то он из первых уст узнает, чего хотят от этого суда большевики, какую судьбу они уготовили руководителям рейха. Конечно, он не раз читал об этом в газетах, не раз обсуждал с Кестнером, но газеты газетами...

Главный советский обвинитель встал.

Он уже заранее был ненавистен Адальберту, этот человек с высоким лбом и выражением сосредоточенности на строгом лице. Хессенштайн ненавидел даже генеральские звезды на этих русских золотых погонах! Если поначалу подсудимые вели себя довольно свободно, писали и передавали друг другу и своим адвокатам записки, некоторые обменивались репликами, то теперь все умолкли — и в зале суда, и в кинозале. Адальберт напряженно вслушивался в каждое слово обвинителя, синхронно переводимое на немецкий язык.

— ...Впервые, наконец,— говорил обвинитель (теперь Адальберт разобрал его фамилию: Руденко),— в лице подсудимых мы судим не только их самих, но и преступные учреждения и организации, ими созданные, человеконенавистнические «теории» и «идеи»,— он с презрительным ударением произнес эти слова,— ими распространенные в целях осуществления давно задуманных преступлений против мира и человечества...

К большой досаде Адальберта, диктор оборвал перевод, завершая выпуск:

— Майне дамен унд хэррен! Мы передавали репортаж из зала суда над главными немецкими военными преступниками. Ход процесса будет освещаться в дальнейших выпусках кинохроники.

Даже несколько произнесенных русским обвинителем фраз не оставляли сомнений: большевики задумали смести третий рейх и его руководителей начисто, объявить великие идеи фюрера преступными и античеловечными, а нацистскую политику — «давно задуманными преступлениями»... Но неужели представители других стран-победительниц присоединятся к этим страшным формулировкам?!

Скорее, скорее в Нюрнберг! Да, там опаснее, но там можно глядеть опасности в лицо, там Ангелика, там его родной дом, там можно встретить людей, оставшихся верными национал-социализму, таких, как Браузеветтер — один из самых близких. Разве патер Вайнбехер не призывал Хессенштайна вернуться именно в Нюрнберг? Надо ехать, ехать, чтобы продолжать борьбу!

...И вот Адальберт в поезде, уносящем его домой. Он открыл глаза. Поезд снова замедлил ход, очевидно, приближаясь к станции. Люди опять столпились в проходе в надежде оказаться первыми на нюрнбергской земле. Хессенштайн ощутил новый приступ волнения.

— Через пятнадцать минут прибываем в Нюрнберг!— раздался хриплый голос проводника. Объявление вернуло Адальберта в сегодняшний день — нет, не только потому, что цель путешествия была совсем близко, дело в другом... Некогда фюрер приказал официально именовать Нюрнберг «городом партийных съездов», только так он обозначался во всех деловых бумагах, на вывесках и почтовых штампах. Название срослось с Нюрнбергом, и то, что сейчас проводник бесцеремонно отсек привычное добавление, отрезвило Адальберта.

Что же все-таки ждет его? Найдет ли он единомышленников? Как встретит его Ангели-

ЕРГСКИЕ ПРИЗРАКИ

ка? Цел ли дом? Мысль о доме тревожила его еще и потому, что от сохранности дома зависела сохранность ценностей и документов, которые Адальберт, когда будущее Германии оказалось под угрозой, зарыл неподалеку.

Это был хитроумный тайник. В нескольких шагах от дома сохранилась старая водопроводная колонка. Она уже давно бездействовала, с тех пор, как водопровод провели в дом. Изящно сделанная колонка была украшена изображением какого-то мифического животного с широко раскрытой пастью — потому, должно быть, и уцелела. Она стояла на площадке из каменных плит, и однажды Адальберт, после очередной многочасовой отсидки с Ангеликой в подвале, подумал, что следующая бомбежка может не миновать их дом, вот тогда он и решил устроить тайник под одной из каменных плит, зарыть под ней до срока ценности, которые принесла ему служба в гестапо.

Там было золото, оставшееся после сожженных в лагерных крематориях людей,— золотые коронки, кольца, броши, медальоны, украшенные бриллиантами. Но главным для Адальберта было не это, а две не особенно толстые записные книжки, тщательно обернутые в пергаментную бумагу, а потом в клеенку, чтобы никакая сырость не могла их повредить.

В этих книжках хранилось самое дорогое: имена орудовавших в концлагерях агентов гестапо, которые должны были следить за настроениями и поведением заключенных и своевременно извещать уполномоченного гестапо о «подрывных» разговорах, не говоря уже о группах, готовящих побег из лагеря.

...Наконец, еще один толчок, те, кто стоял в проходе, снова повалились друг на друга, хватаясь за свои мешки и чемоданы. Поезд остановился, на этот раз окончательно.

НЮРНБЕРГ

Адальберту показалось странным, что за окнами нет ни проблеска света. Конечно, на стеклах был достаточный слой грязи, но электрический свет, если бы он существовал там, на вокзале, наверняка просочился бы сюда... Ладно! Через две-три минуты он увидит, как выглядит теперь его родной Нюрнберг...

Однако, выбравшись из вагона, Адальберт понял, что это не вокзал, а какая-то товарная станция. Он шагал в цепочке людей по проходу в нагромождении разбитых автомашин, зенитных орудий, товарных вагонов, превращенных в щепу, шагал в кромешной тьме, напряженно вглядываясь и подсознательно ожидая, что сейчас из вечерней дымки выплывет Хаупт-Банхоф — главный вокзал Нюрнберга. Он не помнил, сколько времени шел, пока не увидел далеко впереди розовое марево — значит, город все-таки снабжается электроэнергией. Люди ускорили шаг, и вот наконец Адальберт оказался на вокзальной площади. Он не узнал бы ее, если бы не огромная, чудом сохранившаяся башня Фрауэнтурм. А там, за ней... Бесконечные развалины показались Адальберту похожими на острозубые челюсти людоедов-гигантов.

«Куда же идти? Домой? А может быть, дома давно уже нет?— вновь со страхом размышлял Адальберт.— Или он сохранился, но там живут другие, чужие люди... Где тогда искать Ангелику?»

В Нюрнберге у него много друзей, самый близкий — Браузеветтер. Пойти сначала к нему? Попросить его подготовить Ангелику к встрече с изуродованным мужем?

Нет, к Браузеветтеру он пойдет завтра, а сегодня — туда, к своему дому. Он верит, Ангелика все поймет...

Адальберт пересекает вокзальную площадь, идет по правой стороне улицы к церкви Лоренцкирхе. Останавливается и смотрит скорбно: кругом развалины, между ними, покачиваясь, гудя перегретыми моторами, пробираются несколько грузовиков с американскими солдатами. Но сама церковь, как ни странно, сохранилась, хотя и пострадала от бомбежки. Вот она перед ним — две высокие готические башни по обе стороны внушительного церковного строения. На каждой башне по кресту. Адальберт не был религиозен, но сейчас эта церковь, гордо возвышающаяся над развалинами, казалась ему символом какой-то высшей силы, которая выведет его на правильную дорогу.

Домой... домой!

Он миновал Лоренцкирхе, добрался до реки Пегнитц и по мосту Музеумсбрюкке перешел на противоположный берег. Обломки стен кое-где уходили прямо в мутную черную воду. Адальберт шел берегом, пока путь ему не преградила гигантская груда кирпича и щебня. Пришлось повернуть назад к Музеумсбрюкке. Теперь он шел в толпе людей, их много было на улицах, в пальто с поднятыми воротниками, в потрепанной военной форме, в куртках, в шляпах, кепках и фуражках военного образца, они шли навстречу пронизывающему ветру, пробираясь в развалинах, перепрыгивая через каменные обломки.

«И это Нюрнберг!»— с горечью подумал Адальберт.

В его памяти он был поистине великолепен, один из старейших германских городов, жемчужина Баварии. В пятнадцатом веке Иоганн Зенденшмидт напечатал здесь первую в городе книгу. Ученые-германисты стремились сюда со всех концов света, чтобы приобщиться к бесценному фонду городской библиотеки, располагавшейся в здании некогда действующего доминиканского монастыря. Туристы постоянно толпились у одной из башен замка Кайзершлосс, обиталища «Железной девы», любовались памятниками географу Мартину Бехайму, создавшему первый глобус, и часовых дел мастеру Петеру Хенлейну, прославившемуся на весь мир, восхищались фресками Дюрера, украшавшими городскую ратушу.

Многие верили, что именно в Нюрнберге хранятся такие бесценные реликвии, как копье, пронзившее бок Иисуса Христа, и один из гвоздей, которыми он был прибит к кресту...

Но для Адальберта город был связан прежде всего не с историей германской культуры, а с историей национал-социализма и, следовательно, с его собственной судьбой. «Город партийных съездов!»— прошептал Адальберт. Гитлер приказал реконструировать Берлин, Мюнхен, Гамбург и Линц в соответствии со своими личными указаниями. Вместе с Нюрнбергом они стали именоваться «пятью городами фюрера».

По приказу Гитлера архитектор Троост взялся за строительство монументальных сооружений, стадионов, площадей для предстоящих триумфальных шествий в дни партийных съездов. Троост умер, так и не закончив работу. Имя молодого архитектора Альберта Шпеера в то время было мало кому известно. Но его проект завершения дела Трооста привел Гитлера в восторг, и Шпеера сразу стали прославлять в газетах и журналах.

Монументальные сооружения Шпеера проектировались с таким расчетом, чтобы даже спустя многие тысячелетия развалины Нюрнберга свидетельствовали о великолепии и величии рейха и были для потомков гораздо более впечатляющими, чем античные образцы.

Как хорошо помнил Адальберт «плацдарм партийных съездов» — самую большую строительную площадку Германии. Газеты писали, что для сооружений, проектирующихся только в Нюрнберге и в Мюнхене, потребуется весь гранит, добываемый в Дании, Франции, Италии и Швеции за четыре года.

Гитлер брал реванш за то, что его не оценили в свое время как гениального архитектора. Чуть ли не каждый месяц он являлся в Нюрнберг и, пробыв менее часа в самом шикарном отеле города «Дойчер Хоф», начинал метаться по строительным площадкам и проектным мастерским, сопровождаемый эскортом автомобилей.

Фюрер был снедаем гигантоманией. Огромный комплекс, предназначенный для партийных съездов и других торжеств, предполагалось открыть к 1945 году, занимать он должен был 16,5 квадратных километра и вмещать одновременно около миллиона человек.

«И все это в прошлом!»— с горечью думал Адальберт, наблюдая за людьми, преодолевающими развалины, бредущими неизвестно куда. Нет, у каждого из них есть цель, они спешат к себе домой, они знают, куда и зачем идут и что их ожидает через час или два. Адельберт ничего этого не знал...

Вернувшись к Музеумсбрюкке, он решил пойти по Плобенхофштрассе и неожиданно оказался на Хауптмаркт — об этом свидетельствовала прибитая к столбу дощечка с названием площади. Такого названия раньше не было. Но церковь, вернее, остатки ее в окружении развалин, он вспомнил. Какое-то время он недоуменно озирался, пока не понял: ведь это же Адольф-Гитлер-плац — так раньше называлось это место! «Они хотят вытравить само имя фюрера из памяти немцев!»— со злобой подумал Адальберт.

Он ускорил шаг, хотя чувствовал себя разбитым. Постепенно он узнавал Нюрнберг, узнавал улицы, даже дома, ныне превращенные в руины. Миновав площадь Ратуши, Адальберт вышел на Альбрехт-Дюрерплац и оказался лицом к лицу с памятником великому художнику. Он стоял на невысоком пьедестале, укутанный в величественные одежды тех времен, казалось, складки были из толстой материи, а не из металла. Он вспомнил, что у него дома в кабинете висело несколько гравюр Дюрера, из которых одна была подлинной — перекочевала к нему после обыска на квартире еврея-художника. У стены, где висела гравюра, стояли широкий диван, курительный столик, на нем несколько статуэток...

Сейчас Альбрехта Дюрера окружали развалины, полуразбитые дома с пустыми глазницами окон, обвалившиеся стены, а у подножия памятника лежали груды черной взрытой земли, как будто здесь прошел гигантский плуг. Адальберт знал, что не плуг, а воздушные налеты превратили Нюрнберг в то, чем он стал. Неужели и его дом постигла та же участь?

Осталось пройти по Бургштрассе, а затем через Тетцельгассе выйти на Эгидиен-платц. Здесь совсем рядом жили его коллеги по гестапо — что с ними сталось теперь? Живы ли они? Арестованы американцами? Скрываются вдали от Нюрнберга? Тянуло зайти в дом, хорошо знакомый прежде, получить первую дружескую ориентировку, узнать о здешней обстановке. Его приятелями были штандартенфюреры Мюллер и Хильке. Хильке даже бывал у него в гостях, он был знаком с Ангеликой и, может быть, знал что-нибудь о ней... А почему не зайти? В конце концов каждый шаг в родном городе для него связан с риском, надо привыкать. Адальберт заставил себя убыстрить шаг.

Но увы, дома, где жил Мюллер, больше не существовало, от него остались груды развалин. Дом Хильке сохранился, Адальберт с радостью отметил, что он обитаем: окна застеклены и прикрыты занавесками. Но, сделав три-четыре шага, он остановился как вкопанный: из подъезда в эти секунды вышли несколько американских солдат. Они были пьяны, один держал в руках банджо и, пошатываясь, что-то напевал, остальные невпопад поддерживали его припевом: «Ес, ит из!»

Адальберт круто повернулся и скрылся в развалинах соседнего дома. Потом спохватился: чего он, собственно, боится? У него отличный документ, он вернулся в Нюрнберг совершенно легально. Но подсознательное чувство тревоги опровергало логику. А что если американцы по какому-либо поводу арестуют его и начнут расследование, станут выяснять, действительно ли он был в концлагере, выяснят его прежний чин и должность, докопаются до пластической операции? Ведь Адальберт даже не знает, внесен ли он американцами в списки нацистов, разыскиваемых полицией!..

Нет, бережёного бог бережет; пока его положение в Нюрнберге не определилось, он должен быть настороже. И все же — домой! Как бы там ни было, домой... Отсюда до дома не больше тридцати минут ходьбы. «Вперед,— приказал он себе,— к Ангелике! Сегодня — домой, а завтра — к Браузеветтеру...»

И все же Адальберт не мог не замедлить шаг возле памятника великому Гансу Саксу. Вот он сидит на пьедестале, окруженном железной решеткой, бородатый, в небрежно накинутом плаще. В правой руке, опершись локтем о колено, он держит рукопись, а в левой, вытянутой вперед,— перо...

О чем ты думаешь, великий Сакс? Какие строки хочешь записать?

Окончание следует.

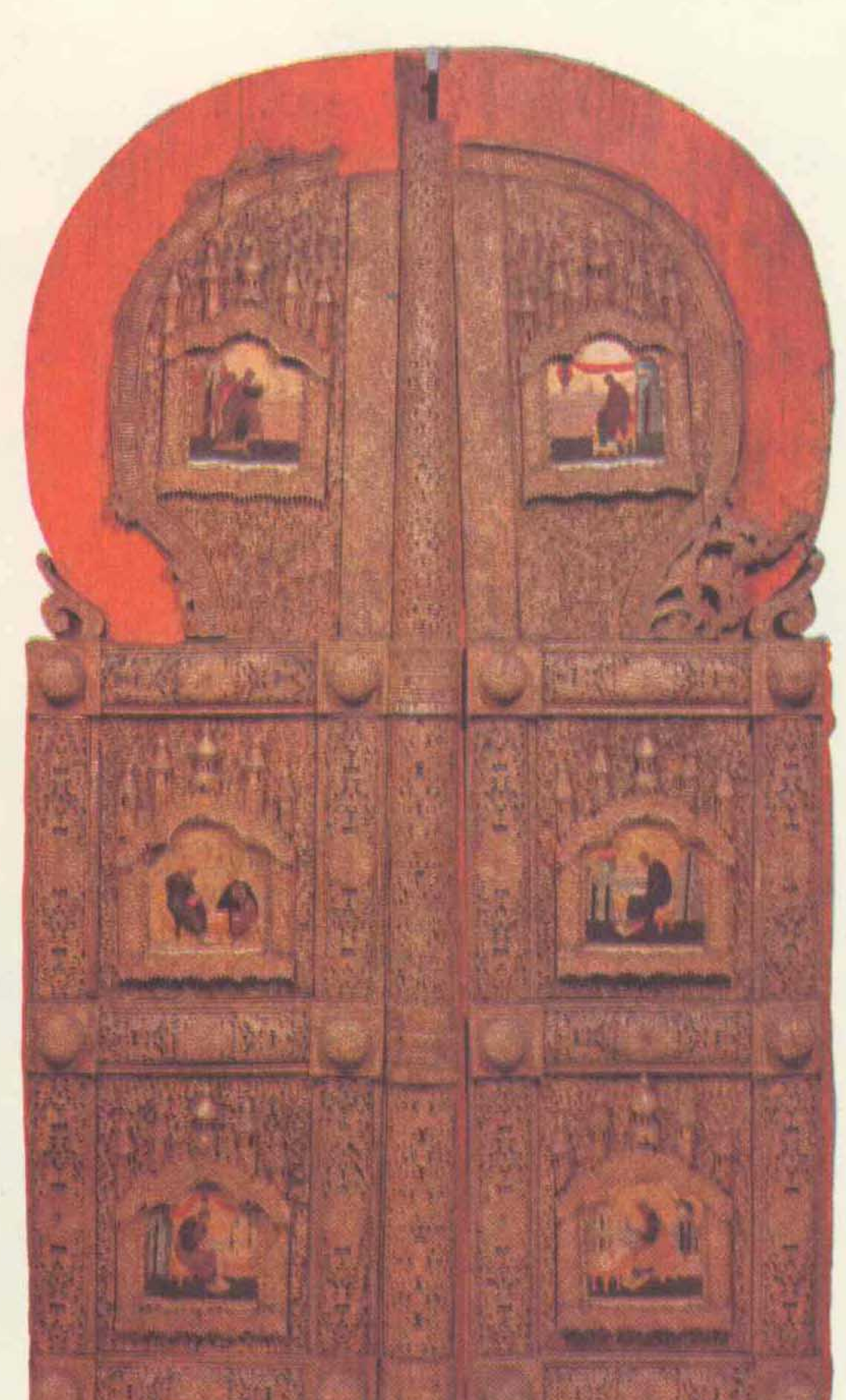

Неизвестный художник. ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ В ЧЕПЦЕ. 1830.

С. Полубес. ЕВАНГЕЛИСТ ИОАНН.
Вторая половина XVII в.

ПАЛИЦА «ПРЕОБРАЖЕНИЯ».

ЦАРСКИЕ ВРАТА
XVI—XVII вв.
Вологодский резчик.

ЛАРЕЦ ПЕТРА I.

Ранняя фотография Лиллиан Гиш, подаренная автору. Публикуется впервые.

ЛИЛЛИАН ГИШ ПИШЕТ В МОСКВУ

Исполнилось 75 лет со дня появления на мировом экране звезды «немого» кино — великой американской, ныне здравствующей, актрисы Лиллиан Гиш.

В конце 20-х годов Немирович-Данченко, находясь в США, в Голливуде, посмотрел последний немой фильм Лиллиан Гиш «Ветер», где актриса играла роль подростка Летти, и под впечатлением ее игры написал: «В этой картине сила и выразительность Вашего образа создают полную трагедию. В ряде сцен игра Ваша достигает наивысшей силы, когда-либо виденной мною на экране. Огромнейшая искренность в сочетании с блеском и необыкновенным обаянием, ставит Вас в узкий круг первых трагических актрис».

По возвращении в Москву Немирович-Данченко продолжил переписку с актрисой, и уже много лет спустя музей МХАТа предоставил мне право отправить на имя Гиш фотокопии ее собственных писем к Владимиру Ивановичу. Так возникла (и продолжается до сих пор) еще одна переписка.

Итак: «19 мая, 1959 г.

...Как я должна поблагодарить Вас за все: за хлопоты, которые Вы предприняли, чтобы прислать письма моего друга...

...Я рада вернуться к триумфам в Америке Большого Балета. Мы всех их любим, но Галина Уланова такой одаренный артист, что я навсегда сохраню ее в своем сердце. Мне глубоко польстило, когда одна из наших газет, восхищаясь ее танцем, вспомнила обо мне — в немом фильме. Уланова — чистая мысль и красота; что-то новое в мире танца».

«Мне страшно хочется побывать в Москве» — эта фраза варьировалась чуть ли не в каждом письме в дальнейшем, пока наконец не наступил год 1969-й, а с ним — и Международный кинофестиваль в Москве, почетной гостьей которого стала актриса.

Из писем последних лет обратим внимание вот на это от 22 июня 1976 года:

«...Какой прелестный подарок я получила от Вас: Вашу брошюру о музее Станиславского, восхитительные открытки артистов Большого театра и интересное издание моей книги... У меня единственное желание, чтобы в июле 76-го я смогла повторить свой визит, раз в 69-м он был таким счастливым...»

А весной текущего года в Москву пришло приглашение на чествование Лиллиан Гиш: оно иллюстрировано рисунком актрисы в роли Елены из «Дяди Вани» А. Чехова. Эту роль Гиш сыграла на драматической сцене Нью-Йорка в 1930 году, о чем писала Немировичу-Данченко: «Чехову наконец воздается должное в Америке. Его читают, играют и говорят о нем повсюду. Какой великий человек, и какое удовольствие играть в «Дяде Ване».

Н. ОЛНЦЕВ, искусствовед

• ПОРЧА

Начало см. на стр. 14.

старуха. А что, хотите встретиться? Она сейчас в предварительном заключении.

Если человека приобщают к наркотикам — это, как правило, на всю оставшуюся жизнь. Сам он никогда не бросит. Самому превозмочь абстиненцию выше человеческих сил. А если он лечился в больнице или пережил критический период в местах лишения свободы, «друзья» из старой компании попытаются не позволить ему «отвалиться».

— Один наркоман — это уже метастаз,— считает оперуполномоченный Большаков.— Вот у нас... Пришел из мест заключения некто В...й. Вроде уже, как они выражаются, «соскочил с иглы». Даже женился. Месяц назад зашли мы к нему с проверкой. Уже с порога все стало ясно. Не квартира — логово, можно и суповую кастрюлю в постели увидеть. Ведь когда уколются, становятся как животные. Застали мы там двух его приятелей с девчонкой лет девятнадцати. Полгода назад был тут один наркоман, а теперь их стало уже пятеро. Среди них две совсем молодые девчонки.

Пытаясь встретиться с бывшим наркоманом, я обзвонил многих районных наркологов, уже где-то почти договорился... Но все не получалось. Создалось впечатление, что бывших, то есть излечившихся от этой беды, просто нет. Да и сами врачи никогда не говорили: «Такой-то, мол, у нас вылечился». Говорили: «Пролечился». Не говорили «выздоровевший», а «находящийся в ремиссии». И вот тут самую, пожалуй, горькую истину высказала начальник медицинской службы городского наркодиспансера С. П. Сидорук:

— Наркоман, даже находящийся в ремиссии (то есть не принимающий наркотики) месяц, год или больше, все равно продолжает деградировать как личность.

Даже с теми, которые находятся на излечении, устроить встречу было не так просто. Однажды позвонил с Левого берега заведующий наркологическим отделением В. А. Андрушкевич и сказал, что подобрал больных, которые согласны беседовать с корреспондентом.

...Больные оказались на месте. Четверо. Один представился: по фамилии. Он постарше, дважды судим. Его приятель Саша помоложе. Еще один — Слава. Особняком сидел четвертый, совсем старый — за сорок. Назвался Николаем Ивановичем. Вначале разговор не клеился.

Оживились лишь тогда, когда тот, кто постарше, заговорил о несправедливостях, с которыми ему приходилось сталкиваться.

— В бюро по трудоустройству беру направление. Хороший завод, хорошая работа... Прихожу в отдел кадров, а там как глянут в мои документы, так сразу отбой: «Извините, только вчера взяли на это место человека». Вижу ведь, что врут! Я же свое отбыл. Значит, точно такой, как все. По закону у меня равные со всеми права. Где же справедливость?

Особняком, бесстрастный ко всему, сидел Николай Иванович. Одутловатое лицо, синие губы, бесцветные глаза.

— А вы от чего лечитесь?— спросил я.

— Та... я не наркоман,— прошелестел он одними губами.

— Лечитесь от алкоголизма?

Его губы презрительно скривились. Андрушкевич пояснил, что вино и водка Николая Ивановича «не волнуют».

Уже у себя в кабинете Андрушкевич пояснил мне, что наркомания—это не одна болезнь, а целый «букет». Есть различные виды наркомании... В последние годы оформилась новая ипостась — потребители «фанфуриков». Не ищите это слово в медицинских словарях... Вячеслав Анатольевич открыл шкаф и показал мне свою коллекцию фанфуриков — десятки различных баллонов, флаконов, тюбиков.

В один из дней октября по украинскому радио передали репортаж о лечении наркомании. В нем прозвучал и голос 16-летнего Андрея, бывшего наркомана, который прошел курс лечения в психоневрологической больнице имени Павлова.

Я побывал в этой больнице. Там заведующая одним из отделений Л. А. Иванова показывала двух больных: молодого токсикомана, который «раздваивался», надышавшись определенной гадостью, и опийного наркомана. Этот был интересен тем, что несколько лет пытался бороться со своим недугом в одиночку. Каждое утро давал себе страшные клятвы, что не притронется больше к наркотику. Но его силы воли хватало на несколько часов. В середине дня он принимал, а вечером снова обещал себе, что это последний раз в жизни. И так не один год, пока не пришел сюда. У него, считает Лидия Антоновна, есть надежда вылечиться. Боец: за несколько лет он так и не «сел на иглу» и даже не увеличил ежедневную дозу отвара...

Хорошо помнит она и Андрея.

— Такой добрый мальчик. Умница. Сердце болит, когда о нем думаю. Тогда для радиопередачи он сказал: «Я хорошо себя чувствую, поправился и, кажется, вылечился...».

Признав наркоманию болезнью социальной, мы тем самым расширяем круг лиц, которые должны заниматься ею. Ведь сейчас все свалено на медиков и милицию. Главный нарколог городского диспансера А. Н. Виевский рассказывал мне почти анекдотический случай. На одном из совещаний пожурили комсомольцев за невнимание к этой проблеме.

— И уже на следующий день,— вспоминает Анатолий Николаевич,— звонок из ближайшего райкома комсомола: «Дайте список молодых наркоманов, зарегистрированных по нашему району». А вскоре — письмо из другого райкома: «Дайте фамилии и адреса...» Еще письмо, еще...

Не готовыми к этой беде оказались и наши органы здравоохранения. Даже в таком почти трехмиллионном городе, как Киев, нет ни одной лаборатории, оборудованной газовыми хроматографами, где было бы налажено круглосуточное дежурство одного-двух специалистов.

Наркологические отделения, развернутые во многих районах, куда сегодня приходят для добровольного лечения, работают впустую. (Это относится не только к лечению наркоманов, но и алкоголиков.) С вечера больные принимают лекарства, процедуры, ужинают... А потом каждый поступает так, как ему заблагорассудится. Нет никакой возможности проследить, чем занимаются эти больные между процедурами и что они еще «принимают», кроме лекарств. В течение месяца официально допускается «нарушение больничного режима», то есть прием наркотиков или выпивки. Такое лечение — пустая трата государственных средств. Наркологических отделений могло быть и вдвое меньше, но с охраной, четким режимом, исключающим так называемые «нарушения».

А вот лечебно-трудовых профилакториев, где осуществляется принудительное лечение и привлечение больных к труду, катастрофически не хватает... Я написал это «катастрофически» и тут же хотел вычеркнуть. Но вспомнил, с каким отчаянием говорил В. Н. Казарцев:

— Чтобы спасти наркомана, я должен достать путевку в ЛТП — лечебно-трудовой профилакторий. А это намного труднее, чем достать путевку в «Артек». В нынешнем году удалось получить лишь пять путевок в ЛТП, а надо бы раз в двадцать больше!

«Фигура умолчания» об истинном положении дел в этой сфере ведет к тому, что защитные меры общества хронически отстают от активности тех, кто ищет наркотические средства. Сегодня в милиции вам назовут десяток лекарств, находящихся в свободной продаже, которые уже «освоены» наркоманами. Применяя ряд реактивов, они выделяют из этих лекарств сильнейшие наркотики.

А сколько раз поднимался вопрос о том, чтобы рецепты на некоторые лекарства были действительны только в аптеках данного района, то есть где они выписаны! Сегодня пачки рецептов на наркотические средства, выданные врачами киевских больниц, приходят в киевскую милицию из... Полтавы, Николаева и других городов. Все они, конечно, поддельные. Но хоть бы выявленные! А сколько невыявленных? В районах же аптекари знают «своих» врачей не только по фамилиям, но нередко и по почеркам.

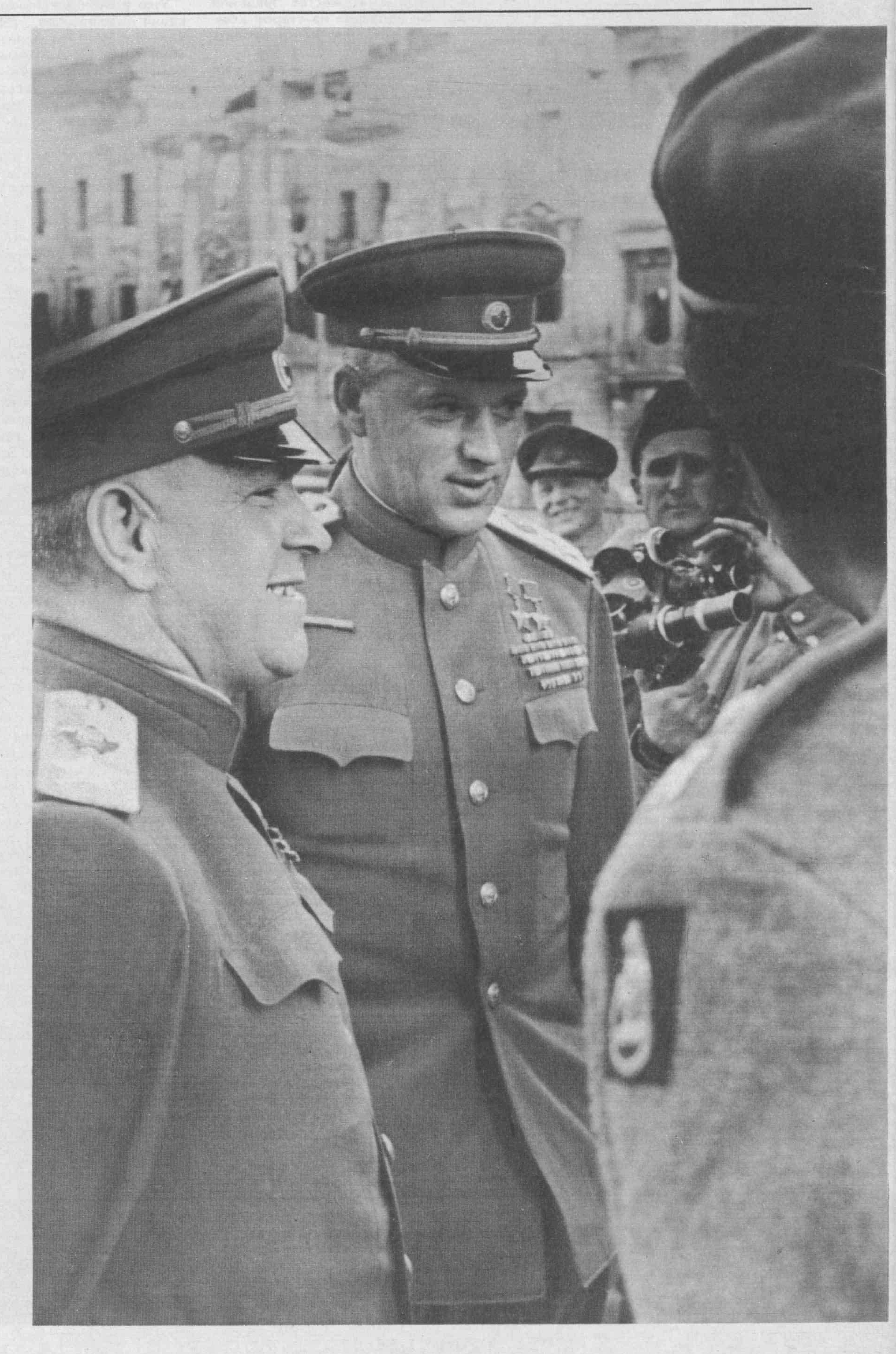
Есть еще вопросы и к министерствам просвещения, среднего и высшего образования, ко всем, кто имеет свои учебные заведения для молодежи: проводятся ли среди учащихся и родителей специальные уроки о страшном существе этой заразы? Хотя бы в полгода раз...

С наркоманией надо бороться повсеместно и даже там, где ее сегодня нет... Делали же мы прививки полиомиелита здоровым детям в здоровых от этой болезни регионах. Бороться надо открыто, пренебрегая всякими «но...», привлекая к этой работе законодателей и медиков, писателей и журналистов, философов и социологов.

МАРШАЛ ЖУКОВ

«МОИ ДЕТИ И ВНУКИ МОГУТ СМЕЛО СМОТРЕТЬ ЛЮДЯМ В ГЛАЗА, СОЗНАВАЯ, ЧТО Я ВСЕГДА И ВО ВСЕМ СТАРАЛСЯ БЫТЬ ДОСТОЙНЫМ КОММУНИСТОМ».

Г. К. ЖУКОВ

Фрагменты из документального повествования Игоря Ицкова и Марины Бабак.

Михаил Ульянов говорил с экрана в фильме «Маршал Жуков. Страницы биографии»: «Одной из главных черт Жукова, видимо, было то, что характер его оставался как бы неподатливым перед внешними обстоятельствами. Обстоятельства могли меняться, а он, Жуков, нет...»

...Еще в дни Берлинского сражения академик Евгений Викторович Тарле красочно — в деталях — рассказал Верховному о том, как топтал Суворов плененные стяги неприятеля, как ложились к ногам победителей — солдат России — захваченные в боях наполеоновские знамена. И теперь, 24 июня 1945 года, в стороне от парадных расчетов выстроились шеренги воинов особого подразделения с опущенными трофейными штандартами.

Они ждали своего часа...

...Жуков закончил объезд войск, неторопливо спешился и направился к Мавзолею. Офицер охраны распахнул перед ним турникет калитки.

Взоры всей площади, взгляды стоявших на трибуне были прикованы к Жукову...

* * *

–В 1947 году Сталин снял меня с должности заместителя министра и назначил в Одесский военный округ. Приехав в Одессу, я твердо решил ни на йоту не снизить требований к своим подчиненным, к войскам, к их боевой подготовке. Я твердо решил оставаться самим собой... Я сделал все, чтобы остаться таким, каким был. В этом я видел свое внутреннее спасение. В выдержке, в работе, в том, чтобы не потерять силы характера и в этих тяжело сложившихся для меня обстоятельствах.

То были нелегкие для Жукова годы...

Он был выведен из числа кандидатов в члены ЦК ВКП(б), снят с высших военных постов.

* * *

Стоит, пожалуй, привести то ли быль, то ли легенду, связанную с приездом Жукова в Одессу.

Прибыв к новому месту службы, командующий округом с первых же дней повел себя по-жуковски. Требовательность его — он отправил

Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский у Бранденбургских ворот. 1945 год.

Окончание. См. «Огонек» №№ 48—50.

На войсковых учениях (справа И. С. Конев). 1957 год.

на гауптвахту ряд офицеров — кое-кому показалась чрезмерной.

Жуков собрал подчиненных и обратился к ним:

— Может быть, кто-то считает, что командовать назначен какой-то другой Жуков. Нет, товарищи офицеры и генералы, тот самый...

* * *

После Одессы Г. К. Жуков был назначен командовать военным округом в Свердловск. О событиях той поры маршал рассказывал так:

— Когда я был уже снят с должности заместителя министра и командовал округом в Свердловске, Абакумов под руководством Берии подготовил целое дело о военном заговоре. Был арестован целый ряд офицеров, стал вопрос о моем аресте. Берия с Абакумовым дошли до такой подлости, что пытались изобразить меня человеком, который во главе этих арестованных офицеров готовил военный заговор против Сталина. Но, как мне потом говорили присутствовавшие при этом разговоре люди, Сталин, выслушав предложение Берии о моем аресте, сказал: «Нет, Жукова арестовать не дам. Я его хорошо знаю. Я его за четыре года войны узнал лучше, чем самого себя».

Так мне передали тот разговор, после которого попытка Берии покончить со мной провалилась.

* * *

В декабре 1952 года обстоятельства для Г. К. Жукова изменились в лучшую сторону. На XIX съезде партии он вновь был избран кандидатом в члены ЦК.

* * *

В памятном марте 1953 года Жуков вернулся на работу в Москву.

Между прочим, тогда, в бытность работы в Министерстве обороны, именно он рекомендовал ввести в научный оборот такой источник, как дневник генерала Гальдера.

Константин Михайлович Симонов рассказывал нам, как он попросил у Жукова, чтобы ему помогли познакомиться с некоторыми материалами начального периода войны. Жуков сказал, что помощь будет оказана, и адресовал писателя в Военно-научное управление Генерального штаба. Потом, помолчав, добавил, что, наверное, весьма полезно посмотреть на начало войны не только нашими глазами, но и глазами противника — это важно для выяснения истины...

...Когда через несколько минут Жукову на стол положили восемь толстых тетрадей дневника Гальдера, он похлопал по ним рукой и сказал, что, на его взгляд, среди всех немецких документов, которые он знает, это, пожалуй, наиболее серьезное и объективное свидетельство.

— Чтение, не всегда для нашего брата приятное,— заметил Жуков,— но необходимое, в особенности для анализа наших собственных ошибок и просчетов, их причин и следствий.

* * *

За четыре года работы в Министерстве обороны им было сделано очень много для укрепления обороноспособности страны, для создания того стратегического паритета, которым мы ныне по праву гордимся. Об этом впервые за долгие годы справедливо и точно написал Владимир Карпов в «Полководце».

* * *

— Есть в жизни вещи, которые невозможно забыть. Человек просто-напросто не в состоянии их забыть, но помнить их можно поразному. Есть три разные памяти. Можно не забывать зла. Это одно. Можно не забывать опыта. Это другое. Можно не забывать прошлого, думая о будущем. Это третье. Мне пришлось пережить в своей жизни три тяжелых момента. Если говорить о третьем из них, то тут в чем-то, очевидно, виноват и я — нет дыма без огня. Но пережить это было нелегко...

Когда меня в пятьдесят седьмом году вывели из состава Президиума ЦК и из ЦК, я вернулся после этого домой и твердо решил не потерять себя, не сломаться, не раскиснуть, не утратить силы воли, как бы ни было тяжело. Что мне помогло? Я поступил так. Вернувшись, принял снотворное. Проспал несколько часов. Поднялся. Поел. Принял снотворное. Опять заснул. Снова проснулся, снова принял снотворное, снова заснул... Так продолжалось пятнадцать суток, которые я проспал с короткими перерывами. И я как-то пережил все то, что мучило меня, что сидело в памяти. Все то, о чем бы я думал, с чем внутренне спорил бы, что переживал бы в бодрствующем состоянии, все это я пережил, видимо, во сне. Спорил, и доказывал, и огорчался — все во сне... А потом, когда прошли эти пятнадцать суток, поехал на рыбалку.

И лишь после этого написал в ЦК, попросил разрешения уехать лечиться на курорт. Так я пережил тяжелый момент.

* * *

Наверное, это были самые трудные годы для Георгия Константиновича Жукова. Он оказался в вакууме, вне привычного и важного для него круга общения. Жуков и прежде не просто и не вдруг сходился с людьми. Теперь только самые близкие бывали в его загородном доме и московской квартире на улице Грановского.

Формально маршал не был в отставке. В его ранге не уходят со службы...

Он испытал множество ударов по его, Жукова, самолюбию — чаще всего мелких, но неслыханно обидных, несправедливых, незаслуженных.

Статьи о его ошибках были подписаны людьми, с которыми он вместе рос в армии, с которыми воевал, которыми командовал. Порой в них были — теперь, видимо, можно сказать — и откровенные перехлесты.

Тот жеребец, на котором маршал выехал на площадь на параде Победы, был на службе в армии, там же и состарился. Кто-то, не подумав, наложил резолюцию: «Выбраковать...»

То ли берейтор, то ли конюх — точно и не сказать — сумел в свое время пробиться к Жукову с просьбой не пускать коня под нож коновала. Вовсе не сентиментальный Жуков отправил «исторического конягу» доживать век к себе на родину, в Стрелковку. И это ему, Жукову, теперь поставили в вину...

* * *

Он дорожил встречами со сверстниками дочерей, с молодежью, расспрашивая их о фильмах, о чтении стихов у памятника Маяковскому, о театральных премьерах. Нам довелось видеть его в любимом театре — у вахтанговцев.

В черном гражданском костюме, без золотых звезд и орденских планок, он бережно поддерживал под локоть молодую женщину. По обыкновению в антракте премьерная публика совершала, точно на катке, круги по тесному театральному фойе. Георгий Константинович почему-то не принял во внимание общее движение и вместе со своей спутницей устремился в противоположном направлении.

Его узнали.

Вопреки очевидности его тогдашнего положения офицеры и генералы (их почему-то оказалось немало среди публики) замерли, словно не решаясь приветствовать маршала и все же не рискуя продолжать движение. А он, подобно некоему космическому телу, своей широкой, развернутой в пространстве грудью рассекал воздух. И все, наверное,— кто шепотом, кто вполголоса, кто вслух, радостно — произнесли его фамилию:

— Жуков!..

* * *

Годы эти — с 1957-го по 1965-й — были бы, мы убеждены, куда тягостнее и невыносимее, если бы рядом с ним не была его любовь. Та женщина, которую в книге своей Георгий Константинович назвал так — «подполковник медицинской службы, терапевт Главного военного госпиталя имени Н. Н. Бурденко» Галина Александровна Жукова...

Они встретились, узнали и полюбили друг друга, стали мужем и женой тогда, когда, по словам самого Георгия Константиновича, «качели его биографии круто пошли вниз...».

На площади у Бранденбургских ворот союзники вручают маршалу Г. К. Жукову орден. 1945 год.

Жуков отпраздновал пятидесятилетие, выросли, стали взрослыми его старшие дочери.

Он круто и решительно переменил свою жизнь — кто знает, чего это стоило ему, никогда не признававшему лжи, недомолвок и компромиссов...

Положение его всегда оставалось таким, что он, Жуков, не мог, не имел права дать повод сплетням и пересудам. Мы не вправе приоткрывать занавес того, что происходило, но обязаны сказать, что все герои этой трудной житейской драмы в конечном счете сумели сохранить, сберечь достоинство и доброе имя.

* * *

Он прожил долгую жизнь. На фронте впервые узнал и всегда любил читать Галине Александровне есенинские строки:

Не жалею, не зову, не плачу.
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым...

Главным его делом отныне стала работа над «Воспоминаниями и размышлениями».

Мысль о книге воспоминаний подсказала ему жена Галина Александровна. Он писал первые страницы взахлеб, «не разгибаясь», по собственному признанию.

Маршал постоянно пополнял свои знания о войне. Рылся в военном архиве, делал бесконечные разыскания и выписки из документов, по его просьбе переводились сочинения немецких генералов.

— ...Мне кажется, что в мемуарах военачальников не место огромным спискам имен и огромному количеству боевых эпизодов с упоминаниями тех или иных случаев героизма. В тех случаях, когда это преподносится как личные наблюдения,—это неправда. Ты, командующий фронтом, сам этого не видел, не присутствовал при этом, не знаешь лично человека, о котором идет речь, не представляешь себе подробностей его подвига. В некоторых случаях не знаешь и фамилии человека, совершившего подвиг. В большинстве случаев эти факты в мемуарах берутся из чужих материалов.

Они не характеризуют деятельности командующего фронтом, а порой мешают созданию целостной картины происходящего, изложенной с точки зрения того, кто пишет мемуары. Мне думается, что злоупотребление этим выглядит как ложный демократизм, ложное заигрывание...

Для того чтобы показать, как воюет народ, не обязательно брать из газет того времени или из политдонесений списки фамилий. Когда ты рассказываешь о том, как воюет целый фронт, как воюют входящие в него армии, как воюет вся эта огромная масса людей, какие потери они несут, чего добиваются и как побеждают,— это и есть рассказ о действиях народа на войне.

В ходе войны мы совершили немало ошибок, и об этих ошибках нам надо писать в своих мемуарах. Я, во всяком случае, пишу. В частности, пишу о тех ошибках, которые были у меня как у координатора действий двух фронтов во Львовско-Сандомирской операции, когда мы, имея более чем достаточные для выполнения задачи силы, топтались перед Львовом, а я не использовал эти силы там, где было необходимо, не сманеврировал ими своевременно для успеха более быстрого и решительного, чем тот, который был достигнут...

* * *

Симонов родился в том году, когда Жуков уже ходил в разведку и доставлял «языков»,— в 1915-м. И этот разрыв в двадцать лет с годами не уменьшался: всегда подчеркнуто независимый, никогда не применявшийся к людям, Константин Михайлович постоянно ощущал годы, что разделяли его и маршала.

Симонов всегда был и оставался военным писателем. Поэтому для него было просто невозможно писать о Великой Отечественной войне, не упоминая там, где исторически необходимо, имени Сталина.

В одном из писем, относящихся к 1961 году (опубликовано в книге «Сегодня и давно»), К. М. Симонов отмечал: «...Писатель обязан не только выразить свое собственное сегодняшнее отношение к этому прошлому, в том числе к личности, к действиям Сталина, но обязан, показывая людей, живущих в реальной обстановке этого прошлого, изобразить там, где это необходимо, тогдашнее отношение этих людей к Сталину. У разных людей — разное, с разными оттенками, но, конечно, у большинства из них очень далекое от того, что сейчас думаем мы, знающие многое такое, о чем раньше не имели представления. Больше того, я думаю, что весь трагизм этой темы можно показать, лишь если дать всю силу контраста между тем, что мы знаем о Сталине сейчас, и тем, что подавляющее большинство людей знало о нем тогда, в годы войны; между теми чувствами, которые мы испытываем сейчас, и теми чувствами, которые в силу незнания подлинных фактов испытало громадное число людей тогда. Без этого контраста, данного в полных его масштабах, не будет ни подлинной трагедии, ни полного историзма...»

* * *

...Разговор о Сталине Жуков начинал с тех дней в начале 1941 года, когда он столь неожиданно был назначен начальником Генерального штаба:

— Вспоминая предвоенный период, надо сказать, что, конечно, на нас, военных, лежит ответственность за то, что мы недостаточно требовали приведения армии в боевую готовность и скорейшего принятия ряда необходимых на случай войны мер. Очевидно, мы должны были это делать более решительно, чем делали. Тем более, что, несмотря на всю непререкаемость авторитета Сталина, где-то в глубине души у тебя гнездился червь сомнения, шевелилось чувство опасности немецкого нападения. Конечно, надо реально себе представить, что значило тогда пойти наперекор Сталину в оценке общеполитической обстановки. У всех на памяти еще были недавно минувшие годы; и заявить вслух, что Сталин не прав, что он ошибается, попросту говоря, могло тогда означать то, что, еще не выйдя из здания, ты уже поедешь пить кофе к Берии.

И все же это лишь одна сторона правды. А я должен сказать всю. Я не чувствовал тогда, перед войной, что я умнее и дальновиднее Сталина, что я лучше его оцениваю обстановку и больше его знаю. У меня не было такой собственной оценки событий, которую мог бы с уверенностью противопоставить, как более правильную, оценкам Сталина. Такого убеждения у меня не существовало. Наоборот, у меня была огромная вера в Сталина, в его политический ум, его дальновидность и способность находить выходы из самых трудных положений. В данном случае в его способность уклониться от войны, отодвинуть ее.

Впечатления от последующих встреч со Сталиным сложились разные, да и сами эти встречи были очень разные. Он был человеком с большим чувством юмора и иногда, когда дела шли хорошо, бывал, как в первую нашу встречу, внимательным и человечным. Но в большинстве случаев, а в общем-то почти всегда был серьезен и напряжен. В нем почти всегда чувствовалась эта напряженность, которая действовала и на окружающих.

Бывал он и груб, очень. По своему характеру и я в некоторых случаях не лез за словом в карман. Случалось даже, что резко отвечал на его грубости, причем шел на это сознательно, потому что иногда надо было спорить. Иначе я бы не мог выполнить своего долга.

На даче в Сосновке.

* * *

— А вообще во второй период войны Сталин не был склонен к поспешности в решении вопросов, обычно выслушивал доклады, в том числе неприятные, не проявляя нервозности, не прерывал и, покуривая, ходил, присаживался, слушал.

...Сталин остался Сталиным. Его принципиальные взгляды, привычки, его отношение к обстановке и к людям не претерпели решительных изменений. Само отношение к людям у него осталось прежнее, но война переоценила людей. В ходе войны стали видней, чем вначале, их заслуги, их возможности, их необходимость для дела, и с этим все больше связывалось отношение Сталина к людям.

В ходе войны сам Сталин приобретал опыт и знания, стал понимать многое из того, что не понимал вначале. Втянулся в военную деятельность, стал глубже и справедливее в своих оценках. А кроме того, он стал вообще гораздо больше считаться с объективной действительностью.

* * *

Размышляя о будущем фильме, посвященном Г. К. Жукову, Константин Михайлович Симонов рассказывал нам об одном запомнившемся ему эпизоде. (К сожалению, эпизод этот не вошел в окончательный вариант фильма о маршале.) Писатель рассказывал, что он увидел Жукова на трибуне во время одного из бурных заседаний. Жуков в своей речи в резкой форме напомнил некоторым сидевшим за его спиной в президиуме заседания людям об ответственности, которую и они несут за события 1937—1938 годов, в ответ на это один из тех, кому были адресованы слова Жукова, прервал его. Сказал, что время было такое, когда приходилось подписывать некоторые документы, хотел ты этого или не хотел. И сам Жуков хорошо знает это. И если порыться в документах того времени, то, наверное, можно найти среди них такие, на которых стоит и подпись Жукова.

Жуков тогда резко повернулся и ответил:

— Нет, не найдете. Ройтесь! Моей подписи вы там не найдете!..

* * *

В день двадцатилетия Победы над Германией — 9 мая 1965 года — Жуков впервые за семь трудных для него лет занял свое место за столом президиума торжественного заседания в Кремлевском Дворце съездов.

Когда среди имен других военачальников было названо имя Жукова, уже много лет не произносившееся ни с одной трибуны, в зале возникла стихийная овация. С трибуны было произнесено много прославленных в годы войны имен, и, наверное, в иных обстоятельствах реакция на произнесение имени Жукова не была бы такой подчеркнуто бурной. Ему аплодировали с такой силой и единодушием, видимо, потому, что в этот день и час была наконец восстановлена правда о войне.

* * *

В «Литературной газете» 1 мая 1985 года было опубликовано письмо К. М. Симонова маршалу.

«Г. К. Жукову.

Дорогой Георгий Константинович!

От всей души поздравляю Вас со славным днем Вашего семидесятилетия.

Людям моего поколения, бывшим свидетелями Вашей военной деятельности, никогда не забыть того, как много Вы сделали для родины в годы такого тяжелейшего за всю нашу историю испытания, как Великая Отечественная война.

25 лет назад, как раз в эти дни, начиналось крушение немецкой армии под Москвой. Вспоминая об этом, москвичи закономерно вспоминают о Вас, как о человеке, стоявшем во главе нашего Западного фронта в самые трудные для Москвы дни.

Есть что вспомнить в день Вашего семидесятилетия и ленинградцам.

А я, как старый халхинголец, вспоминаю Вас еще и тогда, в 39-м году, на Хамардабе, молодого, сорокатрехлетнего, полного сил и мужества. Халхин-Гол, если можно так выразиться, был запевкой, славным началом всего того, что Вы на поле брани сделали для Отечества.

Хорошо помню Вас и в Берлине в счастливый для нас день капитуляции германской армии. Только подумать — каких шесть лет прошло между Халхин-Голом и Карлсхорстом, и сколько надо еще написать и сделать для того, чтобы это время во всем своем трагизме и величии навсегда осталось в памяти потомков.

От всей души желаю Вам в день семидесятилетия здоровья и счастья.

Прошу Вас передать мой поклон Галине Александровне.

Глубоко уважающий Вас Константин Симонов.

30 ноября 1966 года».

С дочерьми — Марией, Эрой и Эллой.

Фото Н. Бедова, а также из фондов музея Советской Армии и Калужского областного краеведческого музея.

ЗАМЕТКИ АКВАЛАНГИСТА

Под тяжестью акваланга, свинцовых грузов в гидрокостюме, ластах, маске чувствуешь себя на берегу довольно неуклюже. Но вот несколько шагов — и над головой сомкнулась поверхность волн. Одинаково легко двигаться вперед, головой вниз, вверх, в любом направлении. Недаром космонавты в период подготовки к полету в космос знакомятся с чувством невесомости в водной среде. Это удивительное состояние свободного полета может испытать каждый, кто займется подводным спортом.

Прозрачная толща воды меняет обычное восприятие пространства, сглаживает очертания предметов. Нередко плывешь над вершинами подводных скал, и вдруг дух захватит перед открывшейся глазам сине-голубой бездной, кажется, сорвешься туда — и не будет конца стремительному падению...

Пробираясь сквозь узкие расщелины в скалах, заплывая в темные пасти гротов, чувствуешь себя не всегда «уютно». Но вот яркий свет фонаря, и все вокруг оживает... Полное впечатление, что ты находишься внутри гигантского аквариума в окружении неторопливо плавающих рыб. Стены грота, казавшиеся черными, теперь поражают разноцветным живописным ковром, образованным колониями тысяч простейших организмов. С движением воды желто-лиловые нити ковра плавно колышутся, но вмиг исчезают, как призрак, при любом жесте, сделанном в их сторону. По ковру разбросаны ярко-красные цветы — это красавицы актинии. Этих животных за сходство с земными цветами называют подводными розами. Многоцветие красок дополняют голубые, желтые и бордовые морские звезды и разных цветов и оттенков моллюски, губки, мшанки. В щелях и углублениях грота прячутся крупная рыба, осьминоги и крабы, укрываясь от лучей фонаря.

Еще более разнообразна фауна и флора доступных свету подводных просторов... Поля изумрудно-зеленой травы зостеры сменяются гигантскими зарослями ламинарий. Их оливково-зеленые слоевища достигают 15—20 метров длины. Заблудиться в таком подводном лесу ничего не стоит. Эту промысловую водоросль можно всегда найти на прилавках магазинов «Океан» или в аптеке под названием морской капусты. Пушистую цистозиру, зеленую ульву и шелковистые клубки тончайших нитей энтероморфы видишь повсюду. Цистозиру рыбаки прозвали «бородой дьявола», она часто вплетается в сети и засоряет их.

Плывешь неторопливо над полями, среди подводных лесов, и не перестаешь удивляться — всюду кипит жизнь. Плавно, словно разноцветные парашюты, парят медузы. Их красотой можно любоваться только в толще воды, вытащенные на берег — это жалкий комок слизи. Вот фантастически красивая цианея: рубиново-красный купол величиной с большое блюдо, из-под которого свисают длинные, тонкие, ловкие щупальца. Они образуют ажурный шлейф, окрашенный в желто-лиловые тона. Общение с этой красавицей, как и с ее сестрицей корнеротом, оставляет серьезные ожоги.

Перечислить всех представителей рыбьего царства просто невозможно... Обычно рыба любопытна и доверчива. Многие виды рыб не боятся человека и охотно вступают в контакт, если вести себя осторожно и тактично.

Толстого, спокойного бычка Брандта трудно разглядеть среди камней. Его окраска повторяет цвет дна и делает рыбу невидимой. Потревоженный бычок не пытается скрыться, свое место он покидает неохотно и только после повторных подталкиваний рукой неторопливо перебирается на другое место. А вот стая желтых окуней. Они буквально мчатся тебе навстречу. Рыбы окружают земного гостя и с любопытством разглядывают. Особенно привлекают их блестящие части подводного снаряжения. Стоит однажды покормить окуня, и он не отстанет от тебя. Словно верный пес, будет торопиться навстречу всякий раз, когда ты вернешься под воду вновь...

Вернуться в этот иной мир всегда радостно. Он влечет к себе неодолимо и дарит незабываемые часы общения с удивительной природой нашей планеты.

О. ЖУКОВА,
В. МЕНЬШИКОВ

РАЗНОЛИКАЯ ГИМНАСТИКА

Владислав РАСТОРОЦКИЙ,
заслуженный тренер СССР

«Если наставника, который вырастил хотя бы одну яркую гимнастку, называют большим тренером, то Владислав Степанович Растороцкий Тренер с большой буквы... Растороцкий всего себя отдает гимнастике и детям. Он беспрестанно думает о будущем своих девчат, о том, что после завершения спортивной биографии им предстоит принять в жизни новый старт. И этим отличается от многих тренеров, с которыми мне приводилось сталкиваться. Те думают в основном о турнирных результатах...»

Так говорит о своем учителе Людмила Турищева — королева гимнастики, спортивные свершения которой отмечены орденом Ленина и международным Олимпийским орденом.

Другая знаменитая гимнастка — Наталья Шапошникова — написала о нем: «Вот уже четверть века работает с детьми мой учитель. Он, пожалуй, единственный, кто начинает, можно сказать, с нуля — берет в школу всех мало-мальски приспособленных для гимнастики мальчиков и девочек и ведет каждого до своего предела в спорте. Он так и говорит: «Я воспитываю не чемпионов, а здоровых душой и телом ребят».

Третья выпускница ростовской гимнастической школы — абсолютная чемпионка мира 1983 года Наталья Юрченко — вспоминает: «Пришла я в первый раз на тренировку, послушала, как Владислав Степанович с суровым видом покрикивает на девочек, и подумала: «У, какой страшный!» А потом, когда повзрослела, поняла: наш тренер очень добрый. Но доброта у него не снисходительная, не жалостливая, а требовательная».

Растороцкому уже за пятьдесят. Но он по-прежнему молод душой, мечтает вырастить новых выдающихся гимнасток. Могучий, под стать штангисту-тяжеловесу, наделенный всесокрушающим упорством и неукротимым темпераментом, вспыльчивый, шумливый, резкий, готовый сразу же схватиться с вами в споре — он из той породы людей, один-единственный раз встретившись с которыми вы уже не можете оставаться к ним равнодушными.

Однажды Владислав Степанович признался, что много раз заводил дневники, но в суматохе тренерских будней так и не смог вести последовательные записи. Остались только разрозненные странички. Я упросил их показать, и вот получились заметки тренера.

Сергей ШАЧИН

Сейчас что-то уж слишком часто говорят о спортивной злости. Чуть ли не в каждом репортаже о больших соревнованиях читаешь: того-то эта злость привела к победе, а вот тому-то ее недоставало... Но ведь злость (оттого, что ее называют спортивной, суть дела нисколько не меняется) — качество очень нехорошее. Она ожесточает человека, делает его бездушным себялюбцем, одержимым одним желанием — любой ценою всех опередить, над всеми возвыситься, причем не только на стадионе... И худо, если такому чемпиону начинают подражать мальчишки и девчонки.

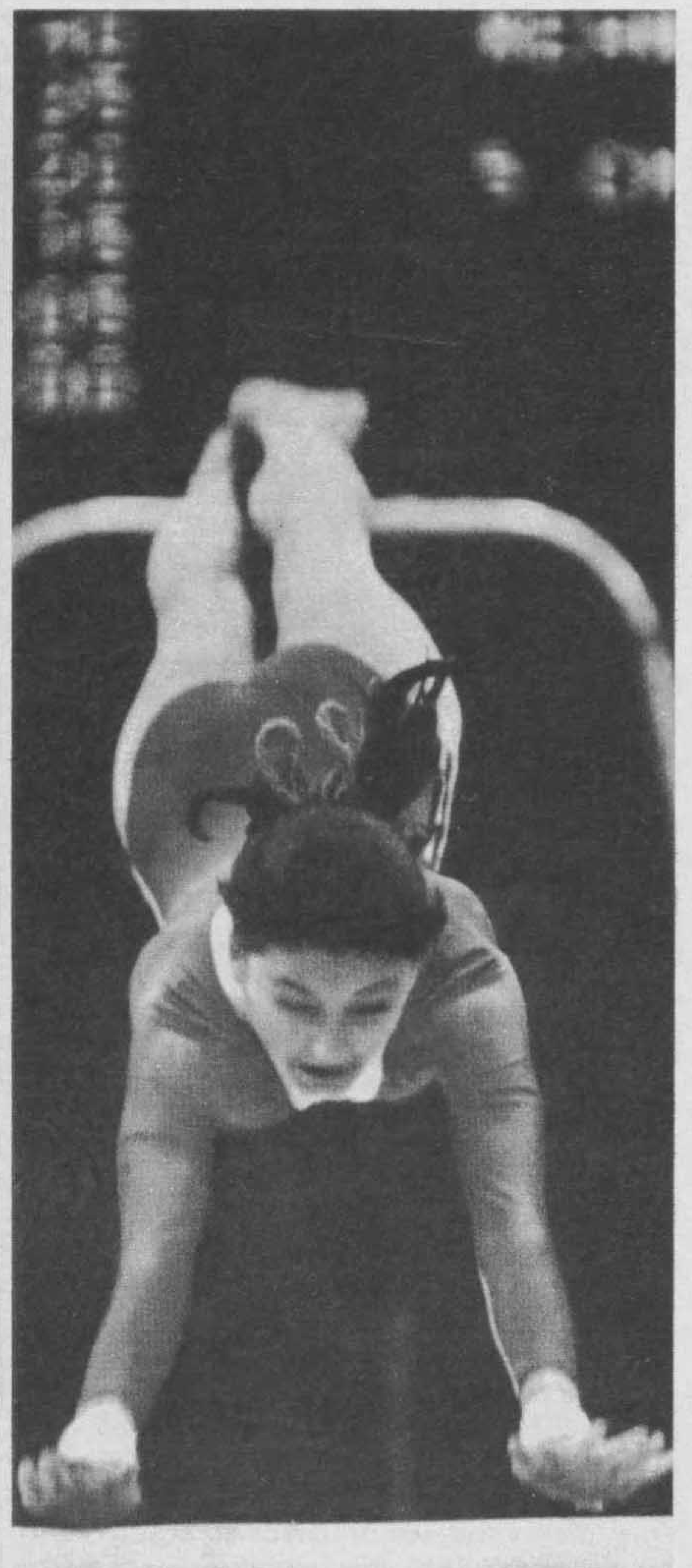
Я постоянно напоминаю своим гимнасткам: нужно всегда и всюду оставаться добрыми. Ведь что такое доброта? В словаре у Даля сказано: «Добро (в духовном значении) — благо, что честно и полезно, все, чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина». И далее: «Добрый (о человеке)—дельный, умеющий, усердный, исправный, добро творящий...» Да тут же целый моральный кодекс! И я счастлив, что мои девчата свято выполняют эти заповеди.

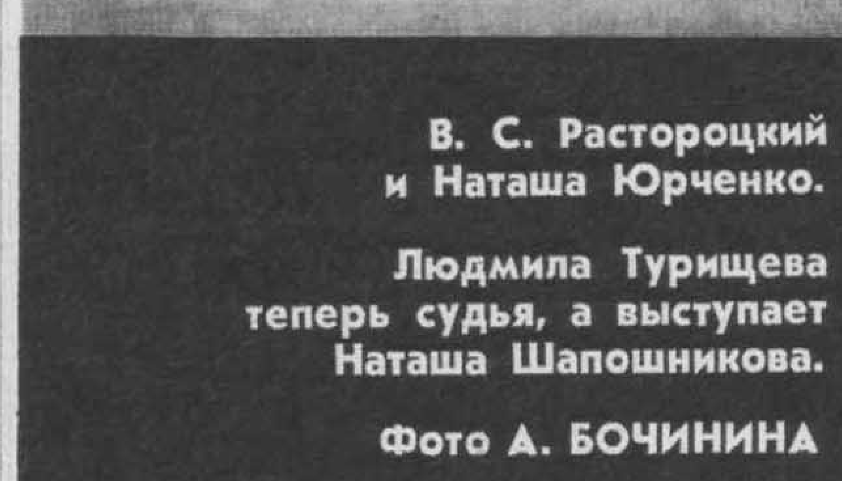
Вспоминается Олимпиада 1968 года в Мехико. Для нас с Турищевой то была первая заграничная поездка. И вот за день до возвращения домой Люда пришла ко мне в отель с большим пакетом: «Смотрите, что я тут накупила!» И аккуратно разложила на диване двенадцать нарядных гимнастических трико. Пояснила: «Это для девчонок. Пусть у них тоже будет олимпийский праздник!»

С тех пор у нас так и повелось: приезжая из дальних странствий, старшие гимнастки обязательно привозят подарки младшим. Потом мы собираемся за самоваром, и чемпионки отвечают на расспросы, рассказывают, как выступали, что интересного видели и слышали. Есть и другая добрая традиция — непременно поздравлять друг дружку с днем рождения, даже если он застает именинницу за тридевять земель от родного дома. Но ведь существуют почта, телеграф...

Я никогда не был тренером перспективных одиночек. Ибо считаю, что недопустимо кого-то чересчур выделять, подчеркивать чьи-то особые способности. Ведь это больно ранит остальных девчонок... Турищева, Шапошникова, Юрченко всегда тренировались рядом с начинающими, и я старался уделять и тем, и другим одинаковое внимание. А вот Альбина Шишова, которая завоевала «бронзу» в многоборье на первенстве Европы-83 и в том же го-

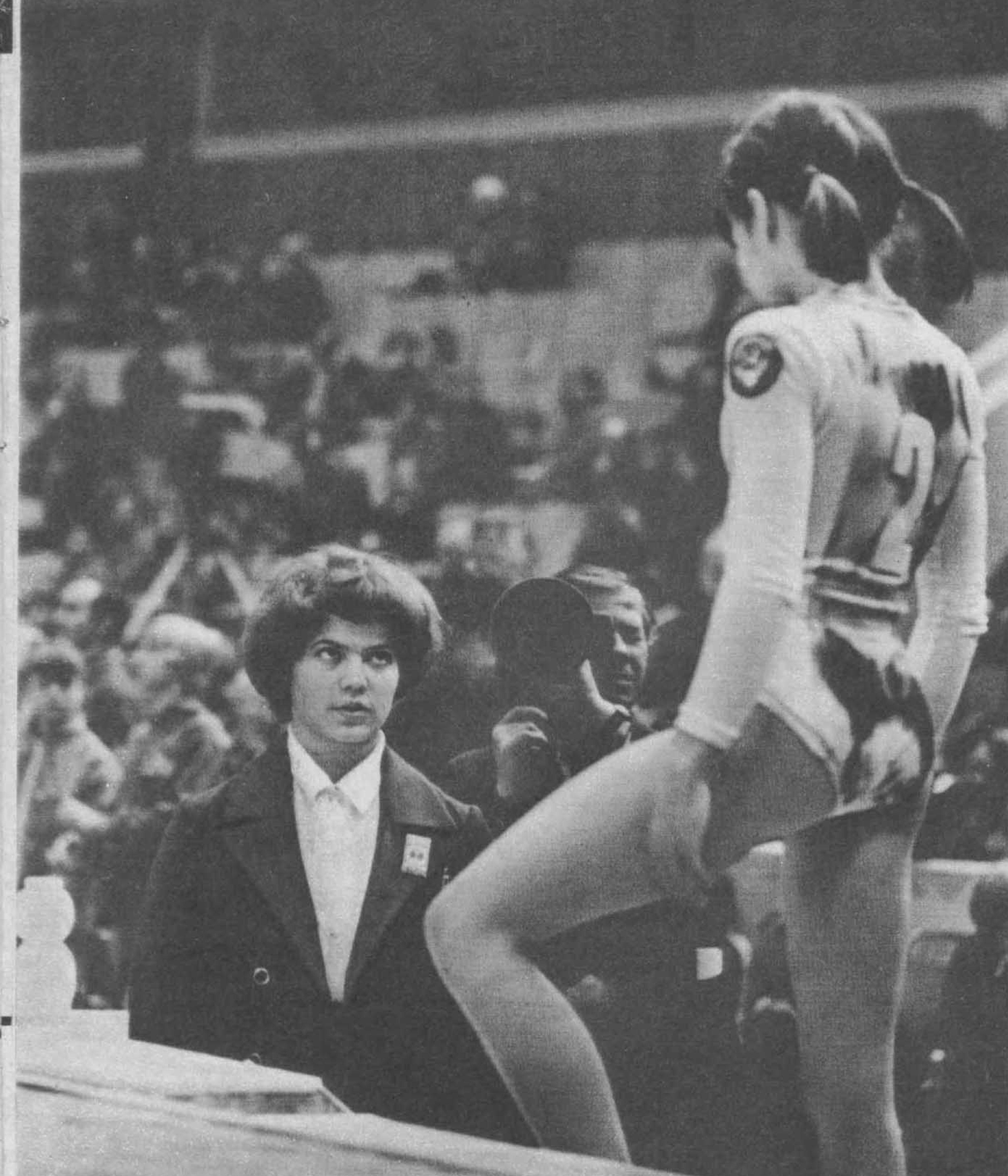

В. С. Растороцкий и Наташа Юрченко.

Людмила Турищева теперь судья, а выступает Наташа Шапошникова.

Фото А. БОЧИНИНА

ду в составе сборной победила на чемпионате мира в Будапеште, не прижилась у нас только потому, что настаивала на персональных привилегиях. Она хотела, чтобы с ней работали отдельно. Могла из ревности, подумав, будто сегодня я более благосклонен к Юрченко, хлопнуть дверью и убежать из зала... В конце концов нам пришлось расстаться, хотя Аля отличалась незаурядным талантом и, безусловно, далеко себя не исчерпала. Но я не мог пожертвовать коллективистским воспитанием ради того, чтобы вывести на высокую орбиту еще одну яркую «звезду». Шишова перебралась в Киев, попробовала тренироваться сперва самостоятельно, затем под руководством других наставников, но вскоре бросила и честно призналась, что раскаивается в своем прежнем поведении.

Когда к нам из далекого Норильска приехала Наталья Юрченко, первым номером в моей группе была Наталья Шапошникова. Надо сказать, она встретила новенькую довольно ревниво, увидела в ней будущую конкурентку. А ревность часто перерастает в неприязнь... Как уберечь от этого гимнасток? И вот при каждом удобном случае я стал направлять Наташу-младшую к Наташе-старшей: «Вот посмотри на Шапошникову, спроси у Шапошниковой, посоветуйся с Шапошниковой — она же лидер, умница, авторитет...» Кончилось тем, что две Наташи сделались лучшими подругами. Мама Шапошниковой, Юнона Ильинична, даже отвела Юрченко комнатку в своей квартире, и девочки неделями жили вместе.

Большая работа складывается из мелочей. По мелочам созидается и личность. Для воспитания нужно использовать каждый повод.

Вот, например, обычный житейский эпизод: кто-то подвез дочь до гимнастического зала на машине. Можно, конечно, этого и не заметить. Но я предпочитаю подозвать гимнастку, уточняю, где она живет, и если не очень далеко, советую ходить на занятия пешком, чередуя шаг с пробежками. Чем не дополнительная тренировка?! Не забываю заодно упомянуть, что именно так поступала непобедимая Турищева.

Или, положим, примечаю, что девочка несобранна, неряшлива. Тут же собираю всех в кружок и объясняю: неряшество и разгильдяйство — суть проявления эгоизма, потребительского отношения к окружающим. Мы, значит, будем только тренироваться, а кто-то за нас и в зале приберет, и костюмы приведет в порядок... И такой воспитательный «прессинг» — буквально по каждому вопросу.

Стараюсь приучить девочек к чтению. Собрал библиотеку на три тысячи томов и отдал в их полное распоряжение. Обычно сперва я прочитываю книжку сам, затем пускаю ее по кругу, а под конец у меня дома или прямо в зале мы устраиваем целые читательские конференции. Причем на самые серьезные темы. Пустого чтива я не признаю. А более всего уважаю серию «Жизнь замечательных людей». Ведь биография выдающегося человека — это невыдуманный учебник жизни!

Для меня нет большей радости, чем видеть, что мои гимнастки растут интересными людьми. Кстати, Турищева, Шапошникова, Юрченко окончили школу с золотыми медалями. И я ставлю эти медали даже выше, чем золотые чемпионские награды.

А чтобы достичь солидарности с родителями, я приучил себя терпеливо растолковывать, почему нужно действовать именно так, а не иначе, к каким последствиям приводит нарушение того или иного правила. К примеру, с мамой Люды Турищевой мы подолгу обсуждали чуть ли не каждую мою новую задумку. Не беда, что Лидия Ивановна не слишком разбиралась в гимнастике. Зато она, как никто другой, понимала характер дочери, знала, как лучше к ней подступиться, и часто выручала мудрыми советами.

Однажды, помнится, я сказал, что легче не набирать избыточный для гимнастки вес, чем недели потом его сгонять. И с того дня Турищевы принялись трапезничать порознь. А со временем для Люды даже купили отдельный холодильник, дабы она лишний раз не соблазнялась видом сытной домашней снеди.

Если же тренер только поучает и диктует, не разъясняя сути и конечной цели своих требований (а именно так, к сожалению, поступают некоторые мои коллеги), то это вызывает у родителей протест, и тут уже о настоящем педагогическом сотрудничестве не может быть и речи. Более того, рано или поздно ребенок оказы-

вается перед мучительно трудным выбором: кому же больше доверять? И это может обернуться душевным раздвоением, двуличием.

Помню, как трудно мне было в первый год с Наташей Шапошниковой. В своей прежней ДЮСШ она считалась королевой, привыкла слышать только похвалы, привыкла видеть в гимнастике сплошное удовольствие и никак не могла настроиться на серьезный, повседневный труд.

Я чувствовал: мне не хватает ключа к главной пружине характера новой ученицы. Но какова она, эта пружина? У Турищевой ею являлось чувство долга. А здесь? Пожалуй, самолюбие, стремление постоянно пребывать в фокусе всеобщего внимания.

И вот однажды я сказал:

— Наташка! Знаешь, какая у меня мечта? Чтобы ты сравнялась с самой Турищевой. Чтобы вы успели поспорить друг с дружкой на помосте и в один прекрасный день вместе поднялись на пьедестал. Чтобы Турищева во всеуслышание назвала тебя своей преемницей. И чтобы все вокруг заговорили: надо же, какие в Ростове девушки! Но для этого, как ты, надеюсь, понимаешь, нужно трудиться так упорно и последовательно, чтобы за год проходить как минимум двухлетнюю программу.

И ключ подошел. В работе Шапошниковой появилась одержимость. Она буквально на глазах окрепла, освоила неповторимые по сложности программы и в 1977 году сменила в сборной старшую подругу, а на московской Олимпиаде удостоилась двух золотых медалей.

Самое страшное, если тренер на словах проповедует одно, а в жизни исповедует совсем другое. Любая фальшь, любой обман грозят утратой тренерского авторитета. Однажды мне привелось убедиться в этом на собственном опыте.

А было так. На Кубке СССР 1971 года в Ленинграде после первого дня соревнований Турищева изрядно отставала от Любы Бурды. Я издергался и вечером, перед отбоем, купил в гостиничном буфете пару бутылок пива — решил малость успокоить нервы. Возвращаюсь к себе в номер и встречаю в коридоре Люду. Она даже задохнулась от негодования: «Как же так, Владислав Степанович?! Вы учите меня никогда не расслабляться, всегда сохранять трезвый ум, а сами, сами-то...» Я был готов сквозь землю провалиться. И опустил злосчастные бутылки в мусорный ящик, дав ученице слово, что больше никогда она не увидит тренера за стаканом хмельного зелья. Люда вздохнула с явным облегчением. На следующий день она сумела отыграть почти полтора балла и поднялась на высшую ступеньку пьедестала.

Тренеру надо любить свою работу, страстно отдаваться ей, чтобы его ученики видели, что он всякий раз вместе с ними. Тогда тренировки проходят лихо, весело. Мне иногда говорят: «Ты, Владислав, сам до сих пор большой ребенок». Но я не нахожу в этих словах ничего обидного. Тренер и должен оставаться с ребячески открытым, добрым, честным сердцем. Только тогда он сумеет сохранить живой, творческий контакт с учениками. Если подросток начинает замечать, что его наставник охвачен рекордоманией, он очень скоро от него отвернется. Или же, приняв сомнительные правила игры, привыкнет видеть в тренере не воспитателя, а этакого хваткого менеджера, умеющего превращать победы в выгоды...

Я считаю, что физические качества нужно рассматривать только как задатки. А талант есть свойство проявления души. И потому тренер обязан первым делом заглянуть в душу каждой ученице. Талант всегда индивидуален. Это — стремление человека быть в своих делах не только лучшим, но и не похожим на других. Я чувствовал, что Турищева — боец. Знал, что ее настольной книгой с малолетства была «Как закалялась сталь», и потому, как только мог, развивал бойцовское начало в характере Людмилы. Шапошникова — та была совсем другой. У нее каждая жилка, каждая мышца располагали к музыкальной, поэтической гимнастике — легкой, тонкой, звенящей, будто струны скрипки. И я придумывал для нее уже совершенно иные комбинации — воздушные, порывистые, окрыленные. А Юрченко — мягкая, обаятельная, женственная — подсказала мне «девичью» гимнастику — очарование плавных форм и линий.

Талант — это потребность души без устали трудиться во имя избранной однажды цели. Три моих лучших ученицы работали на грани фанатизма. А фанатизм я понимаю так: человек полностью сливается со своим делом, своими идеями, словами и оттого становится особенно убедительным, неукротимым, а следовательно, и непобедимым.

Талант — это потребность мыслить, без конца заглядывать вперед. И нужно всячески эту потребность поощрять. Вот, знаю, многие болельщики гадают, почему ныне юные чемпионки, едва мелькнув, тут же исчезают с пьедесталов. А ответ прост: потому, что тренеры вместо вдумчивого обучения сбиваются на откровенное натаскивание, дрессировку. Им кажется — так быстрее достигнешь результата. Но какой ценой?

Положим, сегодня «выдрессированная» гимнастка до автоматизма заучила ту или иную комбинацию. Завтра она принесет ей победу, а послезавтра устаревает — теперь мода на помосте очень переменчива. И что же дальше? У спортсменки, не приученной осмысливать свою работу, опускаются руки. Отсюда — либо мучительный застой, либо суетливые метания. И то, и другое обычно оборачивается вереницей поражений, подняться после которых ох как трудно.

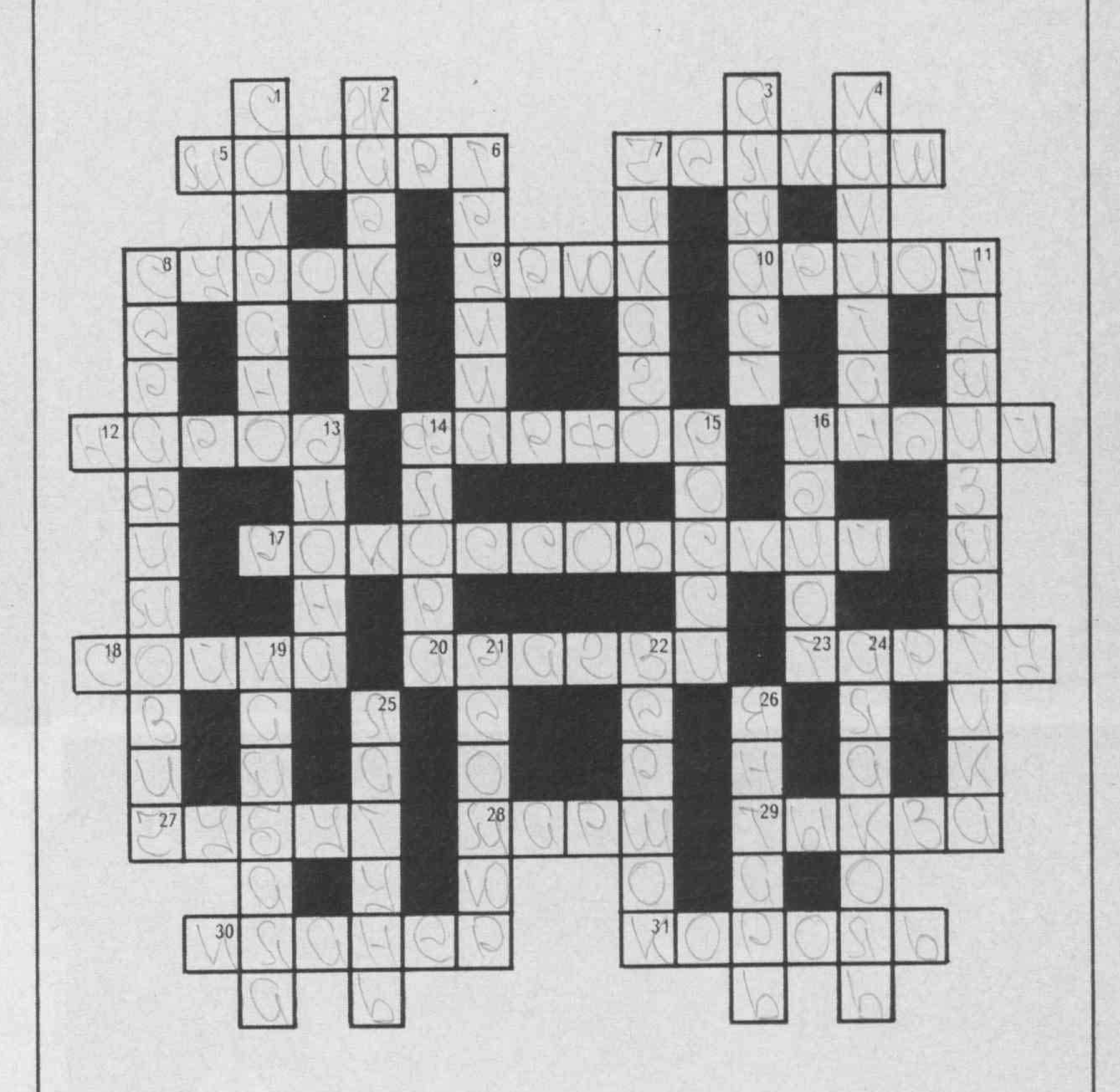
Людмила Турищева выступала на большом помосте десять лет. И продержалась так долго потому, что работала на редкость осмысленно. А главное, Людмила чувствовала гимнастику, предвидела основное направление ее развития, сама горела интересными задумками, и вот такой совместный, неустанный поиск помогал нам постоянно двигаться вперед.

Так же я работал и с обеими Наташами, и может показаться, что со всеми своими ученицами я тружусь по одному методу, но это не так. Гимнастика удивительно разнолика, и плохо придется тому тренеру, который не сумеет проникнуть не только в самую глубинную, непрерывно меняющуюся суть этого прекрасного спорта, но и в душу каждой своей ученицы.

кроссворд

По горизонтали: 5. Выдающийся австрийский композитор. 7. Рассказ М. Горького. 8. Грызун семейства беличьих. 9. Сушеные плоды абрикоса. 10. Стихотворение А. С. Пушкина. 12. Все население страны, люди. 14. Керамические изделия. 16. Химический элемент, металл. 17. Маршал Советского Союза. 18. Лесная птица. 20. Приток Куры. 23. Город в Эстонии. 27. Река на юге Аргентины. 28. Музыкальное произведение с четким ритмом. 29. Бахчевая культура. 30. Безмоторный летательный аппарат. 31. Шахматная фигура.

По вертикали: 1. Высокий певческий голос. 2. Персонаж романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь». 3. Опера А. А. Спендиарова. 4. Офицерское звание. 6. Актерский состав театра. 7. Город на севере США. 8. Советский писатель. 11. Коллекционирование старинных монет и медалей. 13. Спутник Сатурна. 14. Картина Рембрандта. 15. Архитектор, создавший ряд монументальных ансамблей в Петербурге. 16. Роман Ф. М. Достоевского. 19. Промысловая морская рыба. 21. Французский естествоиспытатель, предложивший температурную шкалу. 22. Русская мера длины. 24. Соленое озеро в Казахстане. 25. Сплав меди с цинком. 26. Ископаемая смола хвойных деревьев.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали: 5. Шестерня. 7. Ватерпас. 10. Евтушенко. 11. Горка. 12. Берет. 13. Тимирязев. 16. Виктория. 17. Норвегия. 18. Анаграмма. 23. Кострома. 25. Сложение. 26. Амплитуда. 27. Барон. 28. Фобос. 29. Мордвинов. 31. Резонанс. 32. Экспонат.

По вертикали: 1. Реле. 2. Анатомия. 3. Гарнизон. 4. «Лето». 5. Шиповник. 6. Стаккато. 8. Пересвет. 9. Селекция. 13. Терракота. 14. Растрелли. 15. Варпалота. 19. Кортасар. 20. Стенолаз. 21. Бетховен. 22. Пистолет. 24. Аспирант. 25. «Спутники». 29. Муна. 30. Выпь.

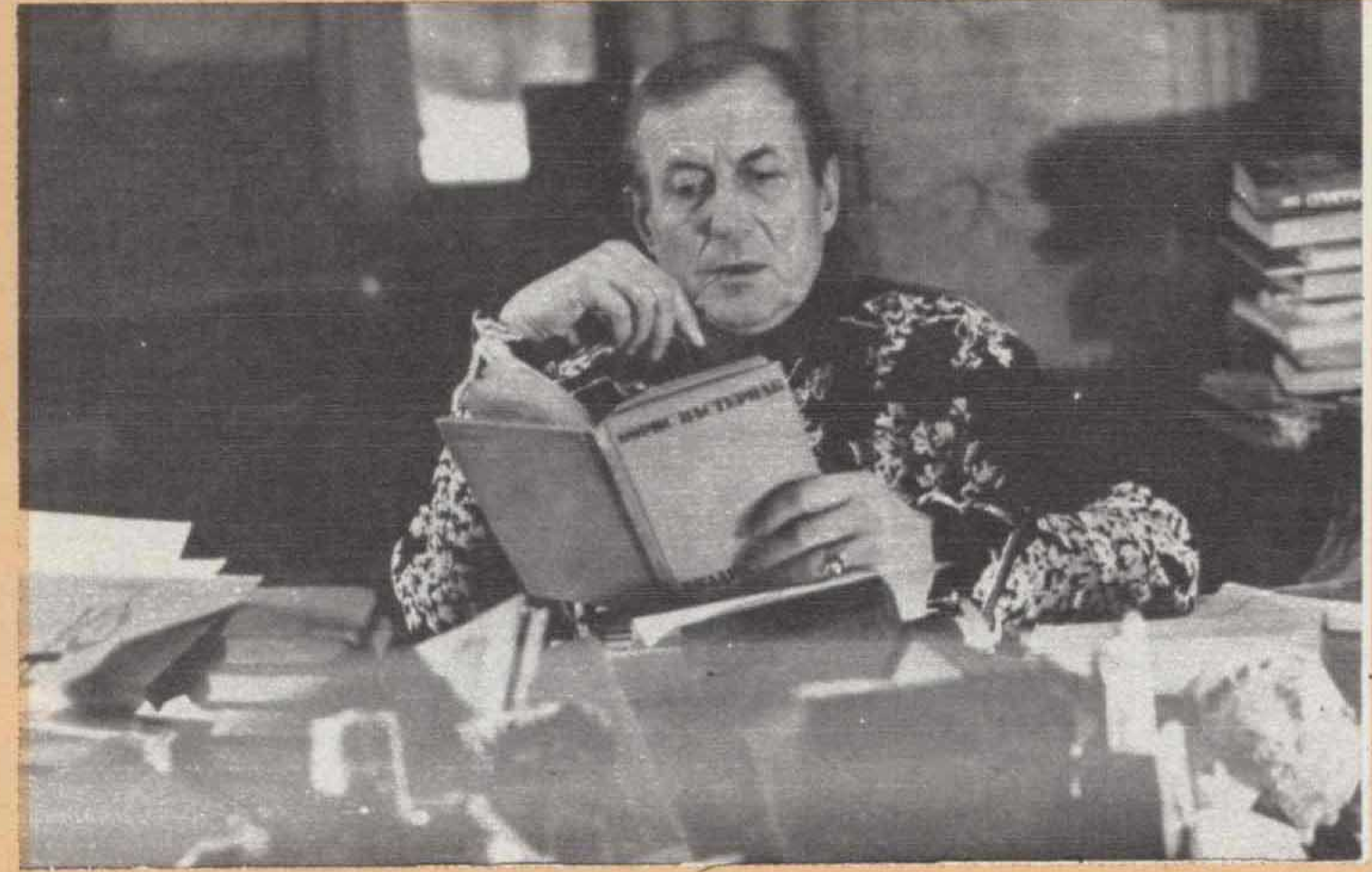
НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Начало зимы.

Фотоэтюд В. ГИППЕНРЕЙТЕРА

СКОРО В «ОГОНЬКЕ»

Евгений ЕВТУШЕНКО представляет читателям «Огонька» поэтическую антологию

РУССКАЯ МУЗА ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Когда-то М. Коцюбинский сказал: без поэзии жизнь — преступление. Поэты — маяки, оглядываясь на которые живут народы. Англичане говорят: «Мы — нация Шекспира», мы говорим: «Мы — нация Пушкина».

История русской поэзии неотъемлема от нашей отечественной истории. Год, в который мы вступаем,— год 70-летия Октября. На Западе нередко утверждают, что после революции классические традиции гуманизма и профессионального мастерства XIX века у нас в поэзии якобы прервались. Но это не так. Скорее все вышло по Пушкину: «Но краски чуждые, с летами, спадают ветхой чешуей; созданье гения пред нами выходит с прежней красотой».

Сегодняшняя перестройка невозможна без подытоживания богатств нашего культурного наследия. Вот почему редакция «Огонька» с интересом приняла предложение известного советского поэта, лауреата Государственной премии СССР Е. А. Евтушенко протянуть своеобразную нить Ариадны в лабиринте поэтической словесности, напомнив читателям о сокровищах, которыми обладает русская поэзия XX века. Начиная с первого и по пятьдесят второй номер он будет представлять нашим читателям творчество крупных отечественных поэтов начала века и видных русских советских поэтов.

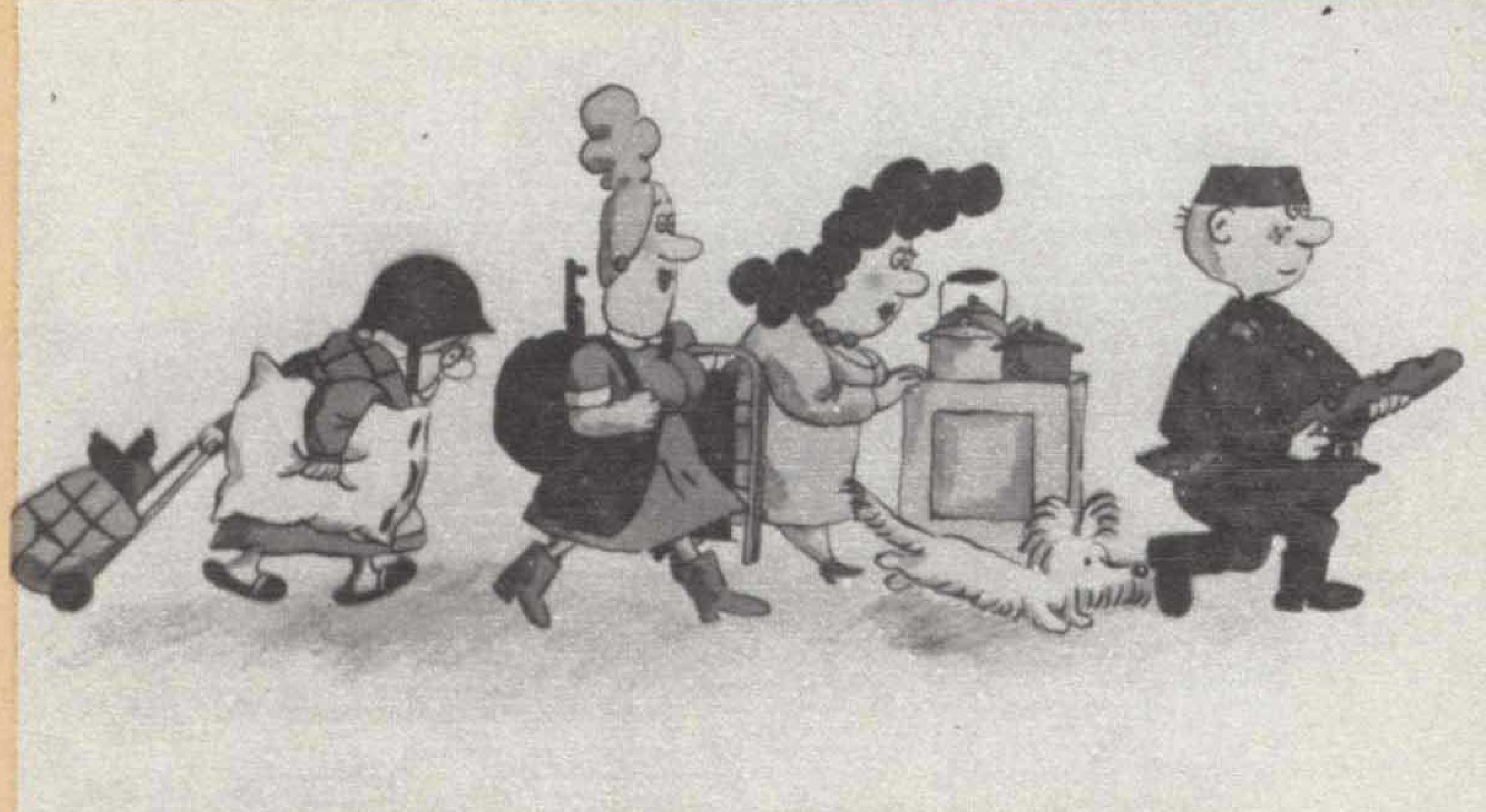
Антология «Огонька» «Русская муза двадцатого века» откроется именами Иннокентия Анненского и Федора Сологуба.

В первом номере 1987 года журнал начинает публиковать остросюжетный приключенческий роман Еремея Парнова «Александрийская гемма». В этом же номере будет напечатано интервью известного советского писателя, лауреата Государственной премии СССР Гранта Матевосяна, которое он дал корреспонденту «Огонька».

Отмечая дни памяти А. С. Пушкина, «Огонек» во всех ближайших номерах напечатает материалы, посвященные гению отечественной литературы, а шестой номер будет специальным — пушкинским.

Новогодний номер «Огонька» раскроет перед нашими читателями двери выставки художника Алексея Козлова, с творчеством которого многие познакомятся впервые. А одна из самых популярных ленинградских дискотек, «Невские звезды», пригласит вместе подумать о том, что мы «как-то невольно опростили само понятие дискотеки, решив, что место в ней—только молодым и поп-музыке».

По многочисленным читательским просьбам мы обратились к Геннадию Хазанову — он рассказывает о себе, своем пути на большую эстраду, и артист делает это с присущими ему остроумием и... серьезностью.

И опять-таки именно читательские письма, в немалом количестве пришедшие в отдел искусств после первого выпуска МУЛЬТПАННО, позволили нам сделать вывод: надо продолжать. Итак, МУЛЬТПАННО-2!

Разнообразна публицистическая палитра будущих номеров.

Сложный процесс социально-экономических перемен в современном селе раскрывает очерк «Озимь».

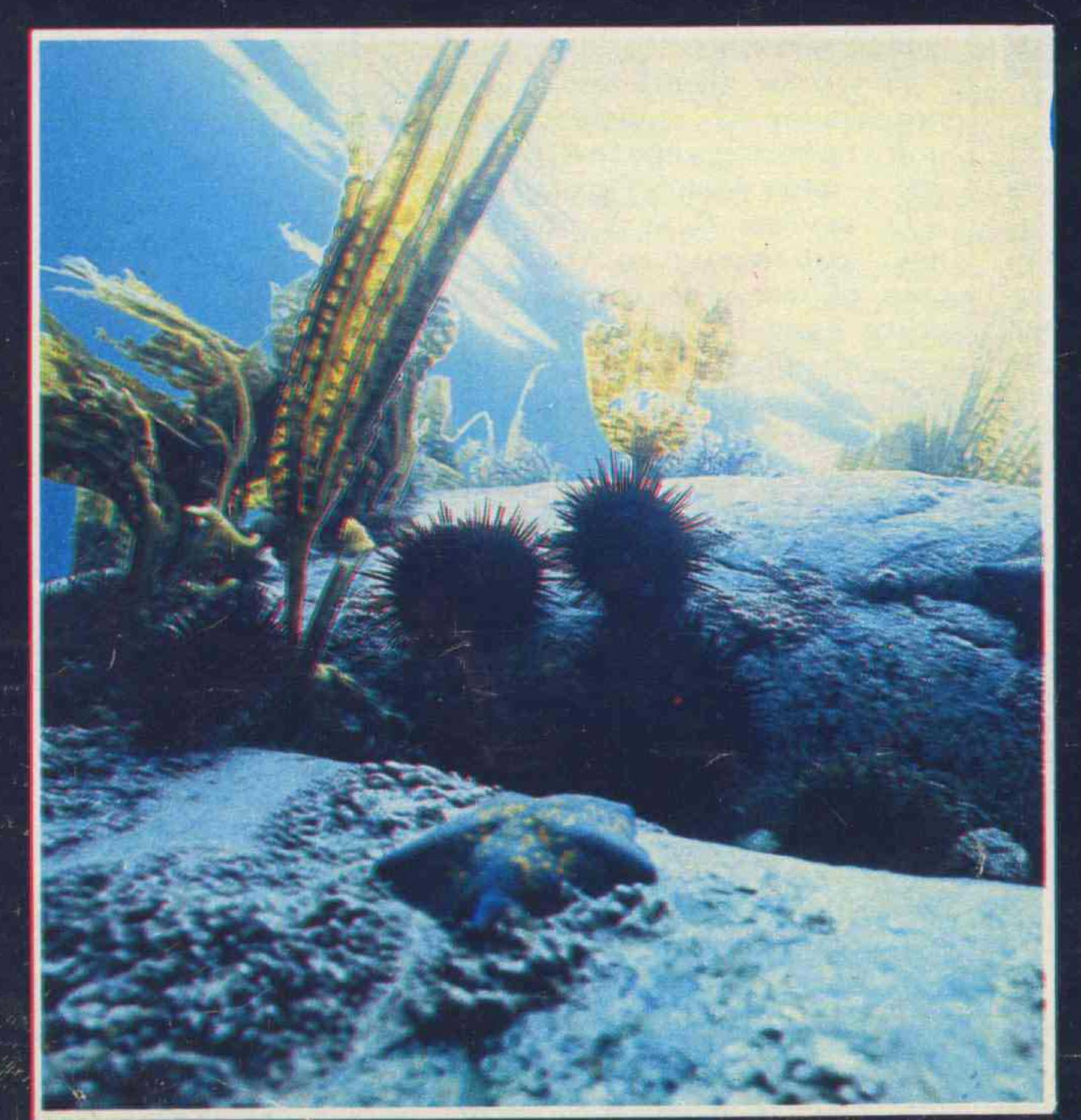
Репортаж «Приз имени отца» повествует о профессиональной преемственности буровиков — нефтяников Прикамья.

О земных буднях покорителей околоземного пространства, об их преданности выбранному делу и самоотверженности поведает дважды Герой Советского Союза Г. М. Гречко.

С нелегкой службой и бытом работников труднодоступной гидрометеостанции на Алданском нагорье в Якутии знакомит фотоочерк «Застава погоды».

В серии материалов, посвященных проблемам морально-нравственного воспитания, журнал опубликует судебный очерк «Распад».

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

Путешествие
в Океанию
всегда приносит
много новых
впечатлений.
Фантастика
и реальность
тесно переплетаются
между собой
в этом голубом
волшебном мире...
Читайте в номере
«Заметки аквалангиста».

Фото О. Жуковой
и В. Меньшикова

ОГОНЁК